
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 10, № 2. 2019

Сквозной номер – 36

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 10, N. 2. 2019

Continuous issue – 36

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Редакционно-издательское отделение:
420059, г. Казань,
ул. Оренбургский тракт, 128

Выходит с 2010 года ежеквартально

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство Роспечать» – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора и кандидата наук
(12.00.01 – Теория и история права
и государства; история учений о праве и государстве;
12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право;
12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-
исполнительное право;
12.00.09 – Уголовный процесс;
12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность;
12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность)

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-library)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory

Журнал распространяется только по подписке

Scientific-theoretical Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
35, Magistralnaya, Kazan
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office:
128, Orenburgskii trakt
420059, Kazan

The Journal is being published since 2010 each quarter

Our index in the Journal "Gazety i jurnaly"
OAO "Agentstvo Rospechat" – 84683

The Journal is registered in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass
Communications
June, 29, 2012.
Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in the Catalogue of the leading peer-
reviewed journals, in which should be published basic scientific
results of degree dissertations
(12.00.01 Theory and history of law and state; history of theory
of law and state,
12.00.02 Constitutional law; constitutional trial; municipal law,
12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law,
12.00.09 Criminal proceedings,
12.00.11 Judicial work, prosecutorial activity, human rights
and law enforcement activity,
12.00.12 Criminalistics; forensics; investigation activity)

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-library)
The Journal is included in the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is available only on a subscription basis

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<http://www.vestnikkui.ru>

Редакционный совет

- Андреев Максим Валентинович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин (Казань, КЮИ МВД России)
- Балахонский Виталий Витальевич** – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России)
- Безверхов Артур Геннадьевич** – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)
- Варыгин Александр Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Саратов, СГЮА)
- Гишинский Яков Ильич** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, РГПУ им. Герцена)
- Готчина Лариса Владимировна** – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России)
- Демидов Виктор Николаевич** – доктор юридических наук, профессор (Управление министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан)
- Дубровин Сергей Викторович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
- Егорышев Сергей Васильевич** – доктор социологических наук, профессор (Уфа, ВЭГУ), ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0930-7482>
- Малков Виктор Павлович** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР (Казань, КЮИ МВД России)
- Мезяев Александр Борисович** – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»)
- Нигматуллин Ришат Вахидович** – доктор юридических наук, профессор (Уфа, БашГУ)
- Павличенко Николай Владимирович** – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России)
- Степаненко Равия Фаритовна** – доктор юридических наук (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»)

Редакционная коллегия

- Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Фоат Канафиевич**, начальник Казанского юридического института МВД России
- Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов Сергей Николаевич**, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1532-9258>
- Члены редакционной коллегии:
- Алиулов Рашид Рахимулович** – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России
- Гарафутдинов Марат Рафикович** – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника КЮИ МВД России (по учебной работе)
- Казанцев Сергей Яковлевич** – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КЮИ МВД России
- Комлев Юрий Юрьевич** – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии КЮИ МВД России
- Хрусталева Ольга Николаевна** – кандидат педагогических наук, доцент, начальник редакционно-издательского отделения КЮИ МВД России
- Шайдуллина Эльвира Дамировна** – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса КЮИ МВД России
- Шалагин Антон Евгеньевич** – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines (Kazan, KLI of MIA of Russia)

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor in Philosophical (Higher Doctorate), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor in Law (Higher Doctorate) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Korol'ov)

Aleksandr Nikolaevich Varyigin, Doctor in Law (Higher Doctorate), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor (St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia)

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor in Law (Dr. habil.) associate professor (Administration of the Ministry of Justice of the Russian Federation of the Republic of Tatarstan)

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor in Law (Higher Doctorate), Professor (Moscow, Moscow University of the MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egorychev, Doctor in Sociology (Higher Doctorate), Professor (Ufa, Eastern Law and Economics Humanitarian Academy)

Victor Pavlovich Malkov, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan (Kazan, KLI of MIA of Russia)

Aleksandr Borisovich Mezyaev – Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor (Kazan, University of Management "TISBI")

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Professor (Ufa, Bashkir State University)

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor in Law (Higher Doctorate), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia)

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor in Law (Higher Doctorate) (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI")

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogical Sciences (Higher Doctorate), Associate Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for scientific work

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate in Laws (Higher Doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Education, Candidate in Laws (Higher Doctorate), Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor in Sociology (Higher Doctorate), Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Ol'ga Nikolaevna Hrustaleva, Candidate of Pedagogical Sciences (Higher Doctorate), Associate Professor, Head of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law Sciences, Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Doctor in Laws (Higher Doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	122
<u>ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА</u>	
Номоконов В.А. Спасет ли мир красота (заметки на полях статьи проф. Я.И. Гилинского «Преступность: что это? Кто виноват? Что делать?»)	124
Ольков С.Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений	128
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Лебедь А.Л. Социально-демографическая характеристика лиц, совершивших кражи из магазинов (на материалах Санкт-Петербурга)	143
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. Конституция СССР 1936 года: модель «репрессивного конституционализма»	150
Карнаушенко Л.В. Теория естественного права Дж. Финниса как возрождение метафизики права	158
Никищенкова М.А. Единство и согласованность системы права и системы законодательства	163
Пинкевич Т.В., Зубалова О.А. Регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы правоприменения	168
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Позднякова А.Р. Социальная обусловленность регламентации ответственности за преступления против жизни и здоровья новорожденного как лица, находящегося в беспомощном состоянии	174
Рогова Е.В., Лайкова Е.А. Общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 322 ² и 322 ³ УК РФ	179
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД И КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Асанов Р.Ш. Проблема допуска и участия защитника двух уголовно преследуемых лиц в одном досудебном производстве	185
Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы назначения судебного штрафа	191
Зиннуров Ф.К., Шайдуллина Э.Д. Правоприменительные аспекты избрания присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в качестве меры пресечения в ходе предварительного расследования	196
Каац М.Э. Проблемные стороны российского института соглашения о сотрудничестве (досудебный период)	202
Конев А.Н. Идеология уголовного судопроизводства в период установления «диктатуры пролетариата»	208
Латыпов В.С. Новелла процессуального законодательства или новый этап развития института содействия правосудию	213
Маслов В.А. Судейское усмотрение в решениях Верховного Суда Российской Федерации	219
Свистильников А.Б., Шляхтин Е.П. Особенности опроса граждан при выявлении лиц, причастных к совершению террористических актов на объектах транспортного комплекса	226
Чернышев Д.Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, сопряженная с их повреждением: проблемы совокупного вменения	234
Шахматов А.В., Скоков И.Ф. О проблемах оперативно-розыскного противодействия кражам, грабежам и разбойным нападениям, совершаемым в общественных местах крупных городов	239
<u>ЮБИЛЕИ</u>	
Доктору педагогических наук Фоату Канафиевичу Зиннурову – 60 лет	245
Поздравляем с 85-летием Якова Ильича Гилинского!	247
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	248

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	122
<u>DISCUSSION TRIBUNE</u>	
Nomokonov V.A. Will beauty save the world (Side notes of the article by prof. Ya.I. Gilinsky "Crime: what is it? Who is guilty? What to do?") ...	124
Ol'kov S.G. On explanation of the nature of criminal law relations	128
<u>SOCIOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR</u>	
Lebed' A.L. Socio-demographic characteristics of persons committed shoplifting (based on materials from St. Petersburg)	143
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Gataullin A.G., Zaynutdinov D.R. 1936 USSR Constitution: a model of "repressive constitutionalism"	150
Karnaushenko L.V. The theory of natural law of J. Finnis as the revival of the metaphysics of law	158
Nikishchenkova M.A. The unity and cohesion of the system of law and system of legislation	163
Pinkevich T.V., Zubalova O.A. Registration of Illegal Real Estate Transactions: Challenges in Law Enforcement	168
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Pozdnyakova A.R. Social responsibility regimentation for crimes against life and health of a newborn as a person in a helpless state	174
Rogova E.V., Laikova E.A. Public danger of crimes under Articles 322 ² and 322 ³ of the Criminal Code of the Russian Federation	179
<u>CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Asanov R.S. The issue of admission and participation of the defense counsel of two criminally prosecuted persons in one pre-trial procedure	185
Bagautdinov F.N. Issues of order a court fine	191
Zinnurov F.K., Shaidulina E.D. Law enforcement aspects of the election of browsing for juvenile suspect or accused as a preventive measure during the preliminary investigation	196
Kaats M.E. Challenging sides of Russian cooperation agreement (pretrial period)	202
Konev A.N. Ideology of criminal proceedings during the establishment of the "dictatorship of the proletariat"	208
Latypov V.S. Innovation of procedural legislation, or new stage of development of assistance to justice	213
Maslov V.A. Judicial discretion in decisions of the supreme court of the Russian Federation	219
Svistil'nikov A.B., Shlyakhtin E.P. Peculiarities poll of citizens at identification of persons participating to the perfection of terroristical acts on the objects of the transport complex	226
CHernyshev D.B. Theft from an oil pipeline, an oil product pipeline, a gas pipeline, coupled with their damage – challenges of cumulative imputation	234
Shahmatov A.V., Skokov I.E. On challenges of operational-investigative counteraction to thefts, robbery and robbery attacks committed in public places of major cities	239
<u>ANNIVERSARY</u>	
Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogical Sciences is 60	245
Congratulations to Yakov Gilinsky on his 85th birthday!	247
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	248

УДК 340.12

DOI: 10.24420/KUI.2019.64.59.001

В.А. Номоконов

**СПАСЕТ ЛИ МИР КРАСОТА
(ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ ПРОФ. Я.И. ГИЛИНСКОГО
«ПРЕСТУПНОСТЬ: ЧТО ЭТО? КТО ВИНОВАТ?
ЧТО ДЕЛАТЬ?»)**

**WILL BEAUTY SAVE THE WORLD
(SIDE NOTES OF THE ARTICLE BY PROF. YA.I. GILINSKY
"CRIME: WHAT IS IT? WHO IS GUILTY? WHAT TO DO?")**

Уважаемая редакция! В «Вестнике Казанского ЮИ МВД» (2019, т. 10, № 1) в рубрике «Дискуссионная трибуна» опубликована статья известного криминолога проф. Я.И. Гилинского «Преступность: что это? Кто виноват? Что делать?». Хотелось бы поблагодарить редколлегию и, прежде всего, разумеется, автора статьи, за очередной, пусть довольно дискуссионный, но, вне сомнения, как всегда высокопрофессиональный и интересный труд, который будит мысль, за то, что проф. Гилинский с годами ничуть не «бронзовеет» от сознания своей безусловной значимости в науке. Но он не зеленеет и не багровеет от критических стрел, как иные наши коллеги, а остается открытым для творческого общения и готов к дискуссиям. Это очень важно. К сожалению, все чаще мы сталкиваемся, если можно так выразиться, с таким приемом научной «полемики», когда доводы оппонента попросту игнорируются в литературе. Статья Я.И. Гилинского написана остро полемично, что, понятно, и предполагалось в дискуссионной рубрике, и поэтому побуждает обсудить, с моей точки зрения, некоторые принципиальные моменты. Остановлюсь на трех из них, вызвавших у меня желание дополнительно над ними поразмышлять.

Уважаемый Яков Ильич откликнулся на мои критические замечания, которые я, с разрешения автора, привожу в тексте (выдержки из статьи выделены курсивом). Полагаю, что если мы и не убедим друг друга и коллег в правильности или неправильности той или иной занятой позиции, то все-таки открытое обсуждение будет полезным для лучшего представления об актуальных проблемах современной отечественной криминологии и возможных направлениях ее дальнейшего развития.

Дорогой Виталий Анатольевич!

Искреннее спасибо за Ваши критические замечания! Научная дискуссия – важный элемент научной деятельности. Ведь, как говорится, «в споре рождается истина!». Правда, я думаю, «окончательная» истина, истина «в последней инстанции» никогда не может быть достигнута... (Об

этом моя статья «Есть много истин, но нет Истины», опубликованная в сборнике статей «Юридическая истина в уголовном праве и процессе». – СПб: РГУП, 2018). Мир в целом и человеческий социум слишком сложны и многообразны...

Теперь что касается Ваших несогласий со мной.

1. «Гипербола, за которой скрывается нормальность всего, что делает человек – убивает, насилует, ворует, грабит, обманывает и т.п., и т.д. Нормальность не в смысле хорошо, правильно, а в смысле – естественно, распространено, имеет место быть» (с. 8).

В.Н.: Зачем эта гипербола? Социальные явления не могут не рассматриваться в системе оценочных координат «добро» и «зло» при всей их, разумеется, относительности. Все, что связано с человеком, носит ценностный характер. Нормальность и закономерность – не одно и то же. Мы же юристы. Для нас норма – это желаемое и рекомендуемое государством поведение (правило). В отличие от социологов, для которых «норма» – это то, что имеет достаточную распространенность («многие так делают»). Если сквернословие (грязные слова) и коррупция (грязное общение) в нашей стране стали привычными и обычными, то от этого они не перестали быть грязью, злом, деструктивными явлениями.

Социальная патология закономерна в силу определенных причин (деформаций социума, нарушения гармонии, рассогласованности интересов личности общества и государства), но от этого она не становится «нормой», которая есть социальное благо, ценность. Пьянство и наркотизм патологичны, т.к. разрушают здоровье, а не укрепляют и не развивают человека, разрушают семью, являются причинами и условиями многих преступлений. Преступность патологична, т.к., помимо нарушения конвенций (УК), разрушает основы общества, морально и физически губит людей. Разумеется, в случае произвола или ошибки законодателя в круг преступного попадает (особенно у нас) то, что не имеет оснований для криминализации, т.е. не обладает существенной степенью общественной

опасности. В этом случае мы можем говорить о возможной криминогенности или коррупциогенности самого закона или (и) законодателя.

Я.Г.: Вот видите, Вы сами и ответили на Ваше замечание! Да, мы юристы. Но, во-первых, я еще немного и социолог. Во-вторых, сама криминология – «социология преступности». В-третьих, понятия «добро» и «зло» очень относительны (о чем Вы сами и пишете!). Алкоголь – абсолютное зло в странах мусульманского мира. Но может быть и добром, рекомендуемым, например, врачами при гипотонии. Да я думаю, что бокал хорошего вина к обеду – не такое уж и «зло»... Или вы со мной не согласны?... А ужасные наркотики использовались отцом медицины – Гиппократом в его врачебной деятельности...

Видите ли, ценностные оценки (масляное масло?), конечно, неизбежны. Но не всегда научно оправданы. Мы привыкли, например, в понятие «культура» вкладывать позитивную оценку: «культурный человек», «высокая культура» и т.п. В научном же (социологическом, культурологическом) смысле культура – это «способ жизнедеятельности общественного человека» (Э. Маркарян). И тогда культура включает и произведения Леонардо да Винчи, Рафаэля, Бетховена, и – надписи на заборе, блатную феню, нелюбимый Вами мат...

В.Н.: И здесь я бы тоже уточнил. Во-первых, обширный массив Ваших трудов наводит на мысль, что Вы не только не «немного социолог», а как раз напротив, Гилинский-девиантолог явно доминирует над Гилинским-криминологом, что и ведет, по-моему, к некоей «профессиональной деформации» в занятых научных позициях.

Во-вторых, всякая относительность оценок должна иметь разумные границы, иначе мы впадем в пресловутый релятивизм¹. Представляется, что криминология – это все-таки не социология преступности, а социально-правовая наука, привязанная к дефинициям уголовного кодекса. Разумеется, я в курсе, что на Западе криминология чаще всего представлена как комплексная наука, не связанная напрямую с уголовным правом. В нашей стране – иной подход. Преступность может изучаться и философами, и социологами, и психологами и т.п., но **под своими углами зрения**. Для философа, социолога, психолога и т.п. специфика преступности в сравнении с другими видами социальной патологии не столь значима, поэтому они говорят об антиобщественном и девиантном поведении безотносительно к конкретным признакам составов преступления. Философы настойчиво ищут сущность преступления, но выходит, вероятно, что эта

сущность едина для всех видов социально деструктивного поведения. Правда, питерские криминологи (Д.А. Шестаков и др.), как известно, отстаивают право на существование понятия преступности, исходя лишь из общественной опасности и вне зависимости от требований УК, что, по-моему, тоже спорно. Нравится нам или нет, но если УК криминализировал торговлю людьми или декриминализировал акты добровольного гомосексуализма, то мы, соответственно, включаем или исключаем эти виды поведения из массива преступности, объем которого будет, конечно, разниться в разных странах (или в одной стране в разные периоды в соответствии с изменениями уголовной политики).

В-третьих, что касается культуры: все-таки применительно к «фене» и прочим атрибутам криминального мира более корректно, думаю, употреблять термин «субкультура», чтобы подчеркнуть существенное различие деструктивной, разрушительной и конструктивной, созидательной части человеческой жизнедеятельности.

2. «Являются ли «криминогенные» факторы криминогенными? Да. Но в равной степени алкогенными, наркогенными, суицидогенными, «порождающими» творческую активность и обыденную, повседневную жизнедеятельность...

Не те ли же самые факторы определяют и наркотизм, самоубийства, проституцию, и научное, техническое, художественное творчество, и самые обычные поступки обычных (но столь разнообразных) людей?» (с. 9).

В.Н.: «Уравнивать» социальные факторы по их криминогенности/полезности – явный полемический перехлест, подрывающий вообще научную и практическую ценность криминологии. Значит, если с Вами согласиться, чудовищное социальное расслоение, коррупционное перерождение власти, давление теневого государства и теневой экономики, своекорыстная паразитическая идеология в нашей стране являются стимулами не только для ожидаемых – при таком раскладе – суицида и преступности, но и творчества? Вы можете возразить, что в содержание названных «социальных факторов» Вы вкладываете нечто иное, но это не меняет дела, т.к., как говаривал Гегель, «все действительное разумно» и просто незачем и бесполезно заниматься профилактикой преступности и иного девиантного поведения. Не так ли?

Я.Г.: Отчасти могу с Вами согласиться. Да, «уравнивать» одни и те же социальные факторы в качестве криминогенных и «креативогенных» не совсем корректно. Коррупция – явно криминогенный фактор, но вряд ли порождает творчество (хотя

¹ Философско-методологическая концепция, сторонники которой исходят из того, что «все в мире относительно», абсолютизируют изменчивость действительности и наших знаний о ней, преувеличивают относительность и условность последних.

над этим надо еще подумать...). Но большинство криминогенных факторов одновременно не только алкогенные, наркогенные и суцидогенные, но и могут порождать творческую активность.

Именно социально-экономическое неравенство, «исключенность», нищета, чрезвычайные жизненные трудности нередко служат стимулом не только криминального поведения, но и художественного и научного творчества. «Страдание составляет привилегию высших натур... Великий человек имеет великие потребности и стремится удовлетворить их. Великие деяния проистекают только из глубокого страдания души» (Гегель). В искусстве представляется возможным изживать «величайшие страсти, которые не нашли себе выхода в нормальной жизни» (Л. Выготский). Для А. Эйнштейна, согласно его «Автобиографическим заметкам», теория относительности была «актом отчаянья» (!). В. Ван Гог, который всю жизнь страдал от безденежья, жил за счет брата: «Я предвижу, что уделом моим до некоторой степени будет нищета, но я стану художником». П. Гоген: «Сегодня я ощущаю себя побежденным нищетой».

В.Н.: Все же не могу согласиться с таким «расширенно» толерантным отношением к криминогенным факторам. Да, далеко не все, находящиеся в нечеловеческих условиях, теряют человеческий облик, и есть отдельные примеры личного неприятия провоцирующих криминогенных ситуаций. Но, согласитесь, есть прямая причинная связь между уровнями алкоголизма и наркотизма и насильственной преступности, социальными контрастами и имущественными посягательствами, социальной напряженностью, государственным насилием и актами экстремизма. Известно, что у Р. Оуэна, который создал в свое время «человеческие» условия для рабочих своей фабрики, за 16 лет никто не совершил ни одного (!) преступления. А возьмите прекрасный опыт А.С. Макаренко, который смог, относясь по-человечески, превратить бывших беспризорников в нормальных граждан своей страны.

Дело-то ведь в том, что, когда мы «уравниваем», на одну доску ставим и государственную заботу о людях во всех ее проявлениях (антикриминогенные факторы), и совершенно бессовестное отношение к ним и обогащение небольшой кучки негодяев за счет остального общества (криминогенные факторы), мы не можем не только адекватно объяснить тенденции и причины преступности, но и, по сути, отрицаем необходимость профилактики преступности (чем хуже, тем лучше?).

Я.Г.: А вот и не соглашусь! Еще в 1970-е годы наши (и не только) эмпирические исследования показали, что в регионах с повышенной алкоголизацией населения был... пониженный уровень

преступности. Я тогда еще шутя предложил установить на каждом углу насос с водкой за 20 коп. стакан... Правда, сегодня в Республике Тыва – «по-Вашему». В действительности же все гораздо сложнее... И еще: сегодня во всем мире (а) *растет* экономическое неравенство и (б) *снижается* уровень преступности, включая убийства... У нас по этому поводу начиналась дискуссия с проф. Г.И. Забрянским, но он, к величайшему сожалению, ушел из жизни. Проблема ждет объяснений. Видите, как все «социологично», а не «юридично»!

3. *«Можно ли вообще эффективно «сокращать» («ликвидировать»!) то, что есть объективная социальная реальность?» (с. 9).*

В.Н.: Представляется, что и можно, и нужно не только объяснять «социальную реальность», но и при необходимости менять ее. Сознание человека, как известно, не только отражает мир, но и творит его. Без творческой преобразующей деятельности человека не было бы социального и технического прогресса. Другое дело, что государственное воздействие на криминальную, да и не только, реальность все больше стало напоминать, в силу разных причин, и не только в нашей стране, поведение слона в посудной лавке. Об этом Вы и сами пишете. До сих пор остаются нераскрытыми и требуют дальнейших глубоких исследований тайны и закономерности не только познавательной, но и практической социально полезной или общественной опасной деятельности людей. Пока мы только на пороге раскрытия этих тайн, и вряд ли верно было бы упрощать сложность проблемы.

Я.Г.: Да, конечно. Я признаю необходимость совершенствовать социальную реальность, неизбежность наказания. Я лишь обращаю внимание на недостаточную эффективность, а то и «отрицательную эффективность» привычных (не только для России, но во всем мире) мер противодействия преступности и другим нежелательным явлениям. Я же пишу: «Следовательно, возникает проблема совершенствования системы наказаний и минимизирования их вредных последствий». И даже называю некоторые возможные шаги. Вообще же, социальный контроль над преступностью и иными негативными явлениями – актуальнейшая проблема, которая все активнее обсуждается криминологами, вообще юристами, психологами.

В.Н.: Всем помнится крылатое выражение: «красота спасет мир». Оно, наверное, настолько же известно, насколько и непонятно. Причем здесь красота? Ну, ясно, сила, ну, добро (которое, впрочем, непременно должно быть «с кулаками»). Помните, у Шекспира: «Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность»? Я и сам как-то скептически до некоторых пор воспринимал это (про красоту) выражение.

Вот что по этому поводу написал как-то профессор В.В. Лунеев: «Надежды на гуманистическое озарение преступников под воздействием либеральной демократии или красоты, которая, по мнению некоторых лириков, спасет мир, наивны и небезопасны. Либерализм, гуманизм и красота действительно продуктивны, но мир спасти может только осознанный страх перед самоуничтожением».

Я бы воздержался сейчас от такой категоричности. Если красоту понимать как не только и не столько эстетическую категорию, что, конечно, правильно, но и как представление о чем-то совершенном, гармоничном, то сказанное приобретает более глубокий смысл. Все же рискну немного уточнить мысль Достоевского: спасет мир если и не красота, то *гармония*.

Гармония... Термин, скорее, музыкальный. Гармония в мире музыки в противовес какофонии – это то, что задевает невидимые струны души слушателя, погружая его в мир невыразимого блаженства, наполняя энергией и радостью бытия, но, правда, и нередко также заводя в печаль и грусть.

Но все это – лишь музыка. А что же наш грешный мир, полный злобы, агрессии, корысти и ненависти? Возможна и достижима ли здесь социальная гармония, всеобщее согласие, солидарность, свобода и сопричастность? То есть такое состояние общества, при котором свобода одних не превращается в произвол в отношении других, сопричастность не трансформируется в грубое навязывание чужой воли, согласие не означает всеобщее безразличие, интересы одних не посягают на интересы других и тому подобное?

Оставим пока вопрос открытым. Замечу лишь, что очень часто, говоря о свободе, имеют в виду на самом деле лишь анархию индивида, говоря об ответственности государства за судьбу своих граждан, имеют в виду на деле грубое насильственное принуждение их к определенному поведению, говоря о солидарности, молчаливо подразумевают

при этом подчинение большинства интересам небольшой кучки избранных.

Преступность как результат интеграции процессов, происходящих в обществе в целом, есть следствие наличия в нем определенных социальных деформаций, социальной дисгармонии, при которой нарушается баланс социальных интересов. В свою очередь социальная база общественно полезного, правомерного поведения заключена в достижении обществом определенного уровня совершенства, социальной гармонии.

На мой взгляд, можно выделить три важнейших критерия гармоничности общества. Во-первых, целью такого общества является совершенствование человека, точнее, *гуманизм* как всестороннее развитие личности, наиболее полное раскрытие ее способностей и задатков, удовлетворение жизненных потребностей каждого человека. Во-вторых, основным средством решения социальных проблем в подобном обществе является *свобода*, свобода личности, группы, общества. В-третьих, основным условием (принципом) жизни гармоничного общества является *социальная справедливость*. Социальная справедливость включает в себя требование социального равенства людей независимо от их национальности, социального происхождения, пола, партийности, вероисповедания и т.д., а также соответствие деяния и воздаяния за него, социального положения индивида в обществе мере личной заслуги или вины. Таким образом, «социальная гармония» сводится, в конечном счете, к триединой формуле, базирующейся на Свободе, Справедливости и Гуманизме.

Представляется, что чем больше в социуме будет гармонии, критерии которой названы выше, тем меньше в нем останется социальной основы, базы, факторов для преступности.

Я.Г.: *Вот видите, и Вы от юриспруденции ушли в философию! Еще раз спасибо за критические замечания и прекрасный повод для научной дискуссии!*

Об авторе: Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета

e-mail: nomokonov@rambler.ru

© Номоконов В.А., 2019.

Статья получена: 02.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Nomokonov Vitaly A., Doctor of Law (Dr. habil.), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Far Eastern Federal University

e-mail: nomokonov@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343:517

DOI: 10.24420/KUI.2019.11.33.002

С.Г. Ольков

О РАЗЪЯСНЕНИИ ПРИРОДЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ON EXPLANATION OF THE NATURE OF CRIMINAL LAW RELATIONS

Введение: в свете законов добра и зла, юридической ответственности, возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и теории политических режимов получена классическая кривая спроса на преступления в России для 2018 и 2017 годов, то есть показана зависимость числа преступлений от цен преступлений, установленных государством, а также неклассическая кривая предложения преступлений, совпадающая с кривой спроса и всегда обеспечивающая равновесие на рынке преступности.

Материалы и методы: использованы методы математического анализа (дифференциальное и интегральное исчисление); статистические методы (парный и множественный корреляционный и регрессионный анализ); эконометрические методы исследования временных рядов и пространственных (кросс-секционных) данных (метод наименьших квадратов, двойная логарифмическая модель, тесты Грейнджера, Рамсея, Дики-Фуллера, критерий Шварца, использование инструментальных переменных, DL и ADL-моделей); микроэкономические методы (анализ кривых спроса и предложения, эластичности спроса по цене).

Результаты исследования: сделан общий вывод о законах спроса и предложения преступлений для любого пространственно-временного континуума; количество приобретаемых «преступлений» сильно и отрицательно зависит от уровня цен на эти товары, а число осужденных положительно зависит от количества зарегистрированных преступлений в текущем временном периоде; преступность является положительной функцией численности народонаселения; число осужденных есть сложная функция от численности народонаселения через число зарегистрированных преступлений, что в совокупности позволяет сделать вывод: преступление является специфическим товаром (услугой), торгуемым на рынке преступности. Показано, что судимость населения имеет отложенный в один год небольшой сдерживающий преступность эффект.

Ключевые слова: *криминология, государство, право, преступление, преступность, преступник, уголовное наказание, лишение свободы, убийство, разбой, грабёж, кража, мошенничество, угон, изнасилование, прогнозирование, объяснение преступности, спрос на преступления, предложение преступлений, цена преступления, равновесие, регрессия, корреляция, математическое моделирование, эконометрика, кримиометрика, народонаселение, демография, добро, зло*

Для цитирования: Ольков С.Г. О разъяснении природы уголовно-правовых отношений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 128-142. DOI: 10.24420/KUI.2019.11.33.002

Introduction: in the light of the laws of good and evil, legal liability and the increasing marginal utility of criminal penalties, the classical curve of demand for crimes by criminals is obtained on the example of Russia for 2018 and 2017, that is, the dependence of the number of crimes on the prices of crimes established by the state, as well as the non-classical curve of supply of crimes coinciding with the demand curve, and always providing a balance in the crime market.

Materials and Methods: mathematical analysis - differential and integral calculus; statistical methods – pair and multiple correlation and regression analysis; econometric methods for the study of time series and spatial (cross-sectional) data: least squares method, double logarithmic model, Granger, Ramsey, Dickie-fuller tests, Schwartz criterion, the use of instrumental variables, DL and ADL models; microeconomic methods – analysis of supply and demand curves, price elasticity of demand were used.

Results: a general conclusion is made about the laws of supply and demand of crimes for any space-time continuum; the number of acquired "crimes" strongly and negatively depends on the level of prices for these

goods, and the number of convicts positively depends on the number of recorded crimes in the current time period; crime is a positive function of the population; the number of convicts is a complex function of the population through the number of registered crimes, which together leads to the conclusion: the crime is a specific product (service) traded in the crime market. It is shown that the criminal record of the population has a small deterrent effect delayed in one year.

Key words: criminology, government, law, crime, crime, crime nick, a criminal penalty, imprisonment, murder, burglary, robbery, theft, fraud, hijacking, rape, forecasting, explanation of crime, the demand for crime, sentence of crime, cost of crime, balance, regression, correlation, mathematical modeling, econometrics, criminometrics, population, demographics, good, evil

For citation: Ol'kov S.G. On explanation of the nature of criminal law relations // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 128-142. DOI:10.24420/KUI.2019.11.33.002

Введение

Деятельность человечества во всех государствах мира во все канувшие в лету и новейшие времена в сфере борьбы с преступностью смутно напоминает средневековую святую инквизицию, стремившуюся к победе над ведьмами и колдунами. Апофеозом сей бурной деятельности была криминологическая доктрина СССР, в которой провозглашалась неизбежная, полная и безоговорочная победа над сим гнусным социально-правовым явлением, что логически следовало из известной работы Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а также трудов других классиков марксизма-ленинизма, рассматривающих преступность как следствие антагонистических классовых противоречий, после исчезновения которых феномен «преступности» уходит в небытие. Совершенно очевидно, что доктрины римско-католической церкви и коммунистической партии Советского Союза в этом вопросе если не идентичны, то крайне близки.

Чезаре Ломброзо вел речь о некоем прирожденном преступнике [1], то есть, по сути, отстаивал идею, что преступником надо родиться, а следовательно, человечество можно разделить на две группы – преступников и добропорядочных граждан. И хотя формально эта идея не нашла широкой поддержки у научной общественности, в реальности именно она господствует в умах людей и уголовно-правовом сознании человечества. Различается лишь «угол отражения»: у одних это прирожденный преступник, у других – больной, у третьих – дурно воспитанный, у четвертых – поставленный в невыносимые условия. Для одних уголовное наказание – это благо и вполне себе умное предприятие, а для других – несусветная глупость [2]. Для одних смертная казнь – полезное дело, для других – негуманный, аморальный и вредный акт, совершенно не сдерживающий преступность. Говоря о причинах преступности, криминологи то ищут какую-то биологическую

детерминанту (особую хромосому, гормон), то списывают всё на социальные условия. Так, авторы американского (США) курса криминологии, рассматривая природу преступности, вспоминают о биологических факторах – частоте пульса, серотонине и других гормонах, формирующих преступное поведение; генетике поведения и анализе агрессивного и преступного поведения; рассматривают совместное влияние природы и воспитания [3]. В советских и современных российских учебниках по курсу криминологии обычно специальная тема посвящена личности преступника (подчеркивается ее отличие от иной личности – не склонной к преступлениям) [4]. Соответственно, и профилактика преступлений является обычно не слишком-то успешным предприятием.

В общем виде идею кризиса уголовно-правового блока юридических дисциплин выразил профессор Я.И. Гишинский в своей статье: «Преступность: что это? Кто виноват? Что делать?» [5], где раскрыл тупиковое положение дел в классической криминологии и уголовном праве. По моему мнению, этого кризиса больше не существует и выход очевиден. Этап описательной юриспруденции, включая и уголовно-правовой блок юридических дисциплин, окончен. Медленно, но верно развивается нормальная, точная, а не догматическая юридическая наука. Кризис – в головах ученых-юристов, пытающихся из века в век конструировать государственно-правовую реальность с помощью слабого научного инструментария.

Судя по уголовно-правовой и криминологической литературе, идеям, изложенным в замечательной статье Я.И. Гишинского «Преступность: что это? Кто виноват? Что делать?» [5], до сих пор человечеству совершенно не ясна ни природа преступности, ни природа преступника, а отсюда совершенно неверна постановка целей и выработка средств в управлении сим социальным явлением (достаточно открыть любой учебник криминологии и уголовного права, написанный авторами из

любого государства, чтобы это понять). Данная статья призвана дать точный ответ на вопросы: Кто есть преступник? Что есть преступление? Что есть преступность?

Основные дефиниции, используемые в данной статье:

преступление – это специфический товар или услуга в чисто экономическом смысле [6]. Перечень всех преступлений дан в Особенной части Уголовного кодекса РФ, то есть перед нами витрина магазина, где описаны товары-преступления – убийства, грабежи, разбои, изнасилования, мошенничество, угон и т.д., установлены на них цены (в годах лишения свободы, рублях и других единицах измерения стоимости). Соответственно, преступность – это простая сумма товаров и услуг данного класса, именуемого преступным. Согласно закону добра и зла, преступление – это координата в третьем квадранте декартовой системы координат правой ориентации в математической модели, где по абсциссе расположены деяния субъектов правовых отношений, а по ординате – их оценки. Следовательно, всякое преступление есть отрицательная по деянию и по оценке координата, например, $A(-2, -2)$ в случае биссектральной оценки;

преступник – физическое лицо – это продавец и покупатель товара-преступления, лицо, способное приобрести (продать) товар-преступление. То есть потенциальный преступник – это любой из нас. Одних преступников государство ловит и наказывает (заставляет платить), другие остаются вне поля его зрения;

уголовное наказание – цена товара-преступления, выраженная в соответствующих единицах измерения (рублях, времени ограничения или лишения свободы, лишении жизни (при смертной казни) и т.д.);

главный экономический закон уголовной политики – закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний [7] – раскрывает сущность действия общей и специальной превенции уголовных наказаний и описывается первой производной от функции совокупной полезности уголовных наказаний.

Результаты исследования

«Amitus Plato, sed magis amica veritas»¹.

Забегая вперед, отметим – по спросу преступность не является специфическим товаром, но является специфическим по предложению, доходу и смещению от равновесия в законе добра и зла [8].

Поскольку преступление заявлено как товар, а преступник – как физическое лицо, предъявляющее на него спрос и осуществляющее его предло-

жение, постольку в обществе – среде потребителей (покупателей и продавцов товара-преступления) – должны существовать строгие законы спроса и предложения на данный товар.

Ясно, что *спрос и предложение определяются группами факторов, среди которых решающее значение имеет цена товара*. Обычный спрос на нормальные товары в виде количества приобретенных единиц этих товаров имеет обратную зависимость от цены товара, что в простейшем линейном виде выглядит так: $Q = a - bP$, где Q – количество приобретенного товара в штуках, P – цена товара в удобных единицах измерения, a , b – параметры. Интерпретация такого уравнения проста: при нулевой цене приобретается максимальное количество данного товара, равное свободному члену в уравнении. С ростом цены товара на одну единицу спрос линейно падает на b единиц. Классические кривые спроса обычно нелинейные и описываются кривыми выпуклыми к началу координат в декартовой системе координат правой ориентации: $Q = aP^{-\beta}$, где β – постоянная эластичность спроса по цене – показывает, на сколько процентов изменяется спрос при изменении цены на 1 %.

Для того чтобы строго доказать гипотезу «преступление – товар», нужно по эмпирическим данным получить закон спроса для этого товара, что и будет сделано далее.

Технически данная задача решается очень просто. Нам нужно взять первичные статистические данные о видах зарегистрированной преступности в определенном государстве и соотнести их с ценами данных видов преступлений, то есть рассмотреть регрессию количества приобретаемых преступлений на цены этих преступлений. Говоря о цене, следует отметить ее важное свойство относительно продавцов и покупателей различных (любых) товаров. Для любого покупателя цена обладает свойством отрицательной полезности. То есть любой покупатель охотно бы взял товар, обладающий для него полезностью, даром. Для продавца же цена товара (услуги) обладает положительной полезностью, поскольку переходит в его собственность, и единственным исключением из этого правила является товар-преступление, коль скоро продавец и покупатель является одним и тем же лицом (преступник, например, вор, покупает товар преступление, так как предмет преступления, скажем, деньги или вещь, обладают для него положительной полезностью, и поэтому на данный предмет преступления вор предъявляет спрос. Одновременно, вор продает товар «кража» государству, поскольку не оплачивает стоимость

¹ «Платон мне друг, но истина дороже» (Сократ).

предмета преступления потерпевшему (жертве преступления), а похищает его – совершает тайное хищение чужого имущества). Если же в качестве продавца рассматривать государство, как я делал ранее [7], то цена товара-преступления становится положительно полезной для данного агрегированного субъекта.

Начнем с первичных статистических данных по России за 2018 год (последний полный отчетный год).

Ясно, что номинальные цены конкретных составов преступлений (товаров и услуг) установлены статьями Особенной части УК РФ, и мы хотели бы точно знать, что число совершаемых преступлений находится в обратной зависимости от максимальных номинальных цен этих преступлений, определенных первыми частями соответствующих статей УК РФ¹. Решим простую задачу: установим зависимость числа регистрируемых видов преступлений от строгости наказаний (величины цен) этих преступлений.

Таблица 1.

Первичные статистические данные о количестве зарегистрированных в РФ видах преступлений в 2018 году² и максимальных ценах на эти виды преступлений по соответствующим первым частям статей УК РФ³

Table 1.

Primary statistics on the number of registered in the Russian Federation types of crimes in 2018² and the maximum prices for these types of crimes on the corresponding first parts of Articles of the Criminal Code³

<i>Вид преступления</i>	<i>P</i> <i>лет лишения свободы</i>	<i>Q</i> <i>зарегистрировано штук</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Убийство и покушение на убийство	15 (ч. 1 ст. 105 УК РФ)	8 574
УПТВЗ ⁴	8 (ч. 1 ст. 111 УК РФ)	23 224
Разбой	8 (ч. 1 ст. 162 УК РФ)	7 474
Грабеж	4 (ч. 1 ст. 161 УК РФ)	50 111
Кража	2 (ч. 1 ст. 158 УК РФ)	756 395
Мошенничество	2 (ч. 1 ст. 159 УК РФ)	215 036
Угон	5 (ч. 1 ст. 166 УК РФ)	19 460

Используя данные столбцов 2 и 3, построим зависимость между ценой преступлений и их приобретаемым количеством. Важно: **получена нелинейная двойная логарифмическая модель**, то есть в качестве исходных данных для ее построения использованы логарифмы, а не простые уровни ряда из таблицы пространственных (кросс-секционных) данных, взятых за один период времени по видам структурных элементов:

$$\widehat{\ln Q} = 13,9887 - 2,07838 \cdot \ln P \quad (\text{Формула № 1})$$

(0,727) (0,415)

Коэффициент детерминации $R^2=0,83$ (соответственно, коэффициент корреляции: $r=\sqrt{0,83}=0,911$), и уравнение в целом статистически

значимо; коэффициент регрессии значим на 1 % уровне. В скобках под уравнением приведены стандартные ошибки коэффициентов.

Интерпретация модели проста: **если цена преступления возрастает на 1-процентный пункт, то число преступлений в среднем снижается на 2,078 процентных пункта.**

Эту модель можно записать без логарифмов:

$$\hat{Q} = e^{13,9887} \cdot P^{-2,07838}$$

или

$$\hat{Q} = e^{13,9887} \cdot \frac{1}{P^{2,07838}}$$

или

$$\hat{Q} = 1189091 \cdot P^{-2,07838}$$

¹ Совершенно не обязательно брать первые части упомянутых статей. Можно взять среднее значение по составу, включая составы с квалифицирующими обстоятельствами, или взять максимальные значения наказаний. Суть зависимости от этого не изменится.

² Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 22.03.2019).

³ СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.03.2019).

⁴ Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, получена классическая кривая зависимости приобретаемого количества товаров от их номинальных цен, используемая как

в микро-, так и макроэкономических исследованиях, что наглядно представлено на следующем графике.

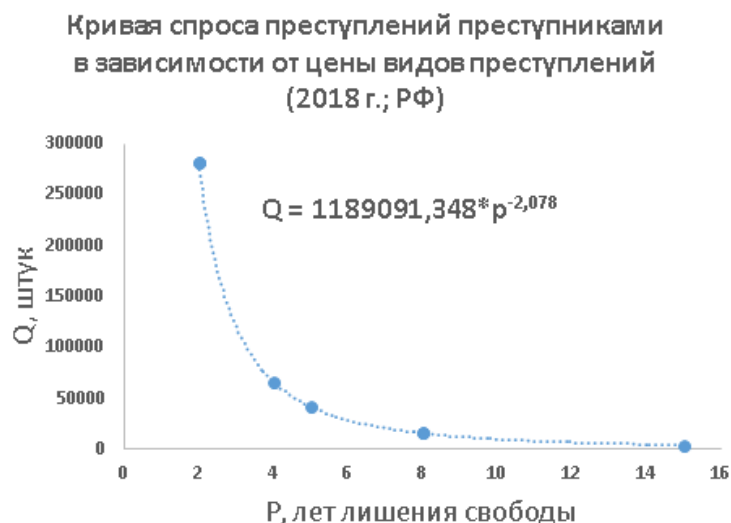

Рисунок 1 - Кривая спроса преступлений преступниками в России в зависимости от цен приобретаемых преступлений по первичным статистическим данным за 2018 год, совпадающая с кривой их предложения

Picture 1 - The demand curve of the crimes of the criminals in Russia based on the prices of acquired crimes according to primary statistics for 2018, coinciding with the curve of their supply

Кривая спроса преступлений выпукла к началу координат и имеет постоянную отрицательную эластичность количества по цене, равную в данном случае: $\varepsilon_{Q/P} = -2,078$.

Можно посмотреть статистические данные за 2017, 1970, 1960 и любой другой год – картина будет сходной.

Таблица 2.

Первичные статистические данные о количестве зарегистрированных в РФ видах преступлений в 2017 году¹ и максимальных ценах на эти виды преступлений по соответствующим первым частям статей УК РФ²

Table 2.

Primary statistical data on the number of types of crimes registered in the Russian Federation in 2017¹ and the maximum prices for these types of crimes according to the first parts of the Articles of the Criminal Code of the Russian Federation²

Вид преступления	P лет лишения свободы	Q зарегистрировано штук
Убийство и покушение на убийство	15 (ч. 1 ст. 105 УК РФ)	9738
УПТВЗ	8 (ч. 1 ст. 111 УК РФ)	24552
Разбой	8 (ч. 1 ст. 162 УК РФ)	9104
Грабёж	4 (ч. 1 ст. 161 УК РФ)	56855
Кража	2 (ч. 1 ст. 158 УК РФ)	788531
Мошенничество	2 (ч. 1 ст. 159 УК РФ)	222772
Изнасилование и покушение на изнасилование	6 (ч. 1 ст. 131 УК РФ)	3538

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 22.03.2019).

² СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.03.2019).

$$\widehat{LnQ} = 13,98 - 2,13 \cdot LnP \text{ (Формула № 1)} \\ (0,9) \quad (0,54)$$

Коэффициент детерминации $R^2 = 0,7$ ($r = 0,84$), и уравнение в целом статистически значимо, коэффициент регрессии значим на 5 % уровне. Как и выше, использованы робастные оценки стандартных ошибок (с поправкой на гетероскедастичность).

Видно, что уравнения, полученные для 2018 и 2017 годов, не сильно различаются, а небольшое отличие по параметрам вызвано тем, что вместо «угона» во вторую таблицу включено «изнасилование», а статистика по данному виду преступлений по известным причинам обычно «хромает».

Вышеизложенное свидетельствует, что со спросом в представленной модели, построенной по эмпирическим данным, не возникает никаких проблем. Ее анализ совершенно аналогичен анализу типичных кривых спроса, рассматриваемых экономическими дисциплинами. Покупают товар-преступление преступники (потребители) строго в зависимости от цен, установленных на эти преступления, и в соответствии с их функциями полезности, нацеленными на удовлетворение конкретных индивидуальных потребностей. Забегая вперед, можно отметить, что реакция спроса преступлений на доход будет не обычной, а противоположной реакции спроса относительно нормальных товаров. То есть с ростом дохода у потенциальных потребителей товара-преступления обычно снижается потребность в совершении преступлений. Этим товар-преступление похож на товар Гиффена.

Что касается предложения товара-преступления на рынках преступности, то кривая предложения здесь нетипична, поскольку предлагает (продает) товар-преступление именно тот, кто его и покупает. То есть продавец и покупатель здесь выступают в одном лице, а следовательно, кривые спроса и предложения совпадают. В каждой точке кривой спроса имеет место равновесие спроса и предложения. Государство как субъект соответствующих правоотношений лишь устанавливает цены на конкретные товары – виды преступлений в Особенной части УК РФ – и обеспечивает взимание этих цен с выявленных преступников, применяя меры государственного принуждения по правилам, установленным Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ), а далее Уголовно-исполнительным кодексом РФ (УИК РФ). Именно поэтому, *сопоставляя между собой временные ряды числа зарегистрированных преступлений и числа осужденных, мы получаем положительную, а не отрицательную связь между ними.* Ниже при-

ведено уравнение, связывающее между собой преступность (число зарегистрированных преступлений в штуках) и наказуемость (число осужденных, человек), на основе первичных статистических данных за период с 1970 по 2018 годы¹:

$$\widehat{\Delta crime} = 1,292 \cdot \Delta convicted *** \\ (0,305)$$

где $\Delta crime$ – первая разность уровней ряда числа зарегистрированных преступлений, $\Delta convicted$ – первая разность уровней ряда числа осужденных. Первые разности взяты потому, что оба временных ряда являются интегрируемыми первого порядка ($I(1)$), то есть исходные временные ряды являются нестационарными, также они не коинтегрированы, следовательно, и динамическую связь между ними напрямую (непосредственно), то есть по исходным уровням временного ряда, устанавливать нельзя.

Как видно, коэффициент регрессии значим на 1 % уровне значимости, следовательно, уместно предположить, что переменная «осужденные» влияет на переменную «преступность». Естественно, если нами пропущена какая-то существенная переменная, то полученные оценочные коэффициенты окажутся смещенными. В связи с этим для проверки истинности спецификации модели проведем тест Рамсея, согласно которому «спецификация модели верна», то есть мы не можем отклонить нулевую гипотезу: H_0 : спецификация модели верна (p - значение тестовой статистики = $0,596 > 0,01$).

Коэффициент при переменной «осужденные» является положительным. То есть число осужденных в текущем периоде оказывает положительное влияние на число зарегистрированных преступлений. Ближайшее лагированное значение переменной «осужденные» дает отрицательное значение:

$$\widehat{\Delta crime} = 1,494 \cdot \Delta convicted_t - 0,662 \cdot \Delta convicted_{t-1} \\ (0,314) *** \quad (0,25) **$$

Таким образом, судимость населения имеет отложенный в один год сдерживающий преступность эффект. Если в текущем периоде, что вполне естественно, численность осужденных не сдерживает текущую преступность, то число осужденных в прошлом периоде такой эффект имеет. Оба коэффициента статистически значимы (первый на 1 % уровне значимости (***), второй – на 5 % (**).

Теперь рассмотрим регрессию в обратном порядке, то есть регрессию переменной «осужденные» на переменную «преступность», взяв, разумеется, первые разности этих переменных. Получим нижеследующее регрессионное уравнение осужденных на преступность:

¹ Исходная таблица с первичными статистическими данными, по которым строилась модель, приведена в приложении.

$$\Delta \widehat{convicted} = 0,2012 \cdot \Delta crime \quad *** \\ (0,06)$$

Параметр при независимой переменной является статистически значимым на 1 % уровне значимости (***), и уравнение в целом статистически значимо. Если абсолютный прирост числа преступлений увеличивается на единицу (одно преступление), то абсолютный прирост числа осужденных увеличивается на 0,2012 единиц измерения числа осужденных. Обратим внимание: критерий Шварца в этой модели равен 1220,7, что пригодится нам в дальнейшем, ибо критерий Шварца характеризует качество модели с точки зрения ее простоты и точности. Сравнивая две модели с одинаковыми зависимыми переменными, удобно ориентироваться на данный критерий, выбирая ту из них, в которой критерий Шварца меньше.

Логика моих рассуждений в последнем случае была простой: текущее число преступлений определяло текущее число осужденных, то есть выступало причиной, что вполне логично, ибо с ростом числа зарегистрированных преступлений должно увеличиваться и число осужденных, а до этого было показано, что и число осужденных влияет на число регистрируемых преступлений. При этом тест Грейнджера на «причинно-следственную» связь (*Granger causality test*) показал обоюдное влияние переменных модели друг на друга. По сути: как переменная «осужденные» помогает предсказывать значения «преступности», так и переменная «преступность» помогает предсказывать значения переменной «осужденные».

Кроме того, уместно предположить, что на переменные модели влияет некий третий фактор (факторы), определяющий их динамику, который пока вынесен за скобки, но тест Рамсея (*Regression Equation Specification Error Test*) на истинность спецификации не подтверждает наличие неучтенной в модели существенной объясняющей переменной, которая бы была пропущена. Однако, строго говоря, обоюдная причинность представляет некоторую проблему с позиции точности оценивания коэффициентов модели с помощью обычного МНК – метода наименьших квадратов. «Если перед нами имеются причинные связи, работающие в обоих направлениях, то существует одновременная причинность и МНК-регрессия является смещенной и несостоятельной, так как одновременная причинность приводит к корреляции между регрессором и компонентой ошибок» [9]. В специальной литературе обращают внимание на два способа решения этой проблемы: 1) использование регрессии с инструментальными переменными; 2) разработка и реализация случайного управляемого эксперимента, в

котором канал обратной причинности не действует [9]. Применительно к нашему случаю удобно использовать первый метод, и тогда нужно найти третью – валидную переменную z , обладающую двумя важными свойствами: 1) экзогенностью – переменная некоррелирована со случайными ошибками ($Cov(z_i, \varepsilon_i) = 0$); 2) релевантностью – переменная коррелирована с регрессором ($Cov(x_i, z_i) \neq 0$).

Для нашего случая такой экзогенной переменной будет численность населения. Эта переменная коррелирована с числом преступлений и не коррелирована со случайными ошибками. Обратим внимание, что зависимость числа зарегистрированных преступлений от численности населения нужно исследовать по пространственным данным, а не по временным рядам, приведенным в приложении, о чем поясняется ниже по тексту, поскольку временной ряд численности населения является нестационарным и привести его к стационарному не получается.

А теперь обратим внимание на главное – реальной причиной выступает «число зарегистрированных преступлений», а переменная «число осужденных» строго является следствием. Это ясно и из временной последовательности событий. Сначала преступление выявляется, регистрируется, затем выявляются лицо или лица, его совершившие. Совершенно не случайно мы получили модель:

$$\Delta crime_t = 1,494 \cdot \Delta convicted_t - 0,662 \cdot \Delta convicted_{t-1},$$

из которой следует, что текущее значение числа осужденных имеет сильное положительное влияние на число преступлений, а вовсе не снижает их. Это происходит именно потому, что текущее число осужденных строго зависит от числа зарегистрированных преступлений, а не наоборот, хотя мы и поставили переменную «осужденные» в правую часть уравнения. А вот лагированное значение переменной «осужденные» действительно оказывает сдерживающий преступность эффект, что мы и наблюдаем по отрицательному значению при переменной первой разности числа осужденных, сдвинутой на один год в прошлое. Интерпретация этого эффекта не вызывает затруднений, ибо, по крайней мере, осужденные к лишению свободы лица, лишаются возможности совершать новые преступления в открытом обществе (они изолированы от него). То есть какая-то часть потенциальных преступников изолирована от общества и не имеет возможности совершать преступления, но этот эффект не слишком велик, поскольку уровень преступности сильно зависит от экономического бытия населения, его численности и других факторов, в том числе следующих из теории политических режимов [10].

Нам абсолютно ясно, что число осужденных есть сложная функция от численности народонаселения через число зарегистрированных преступлений: $convicted = f(crime(population))$. Учитывая характер парных зависимостей между переменными модели, можно записать: $convicted = \theta \cdot \rho \cdot population$, где $\theta < 1$, $\rho < 1$, где θ – коэффициент при переменной «число зарегистрированных преступлений» (средняя доля осужденных от числа зарегистрированных преступлений), ρ – коэффициент при переменной «численность народонаселения» (средняя доля числа зарегистрированных преступлений от численности народонаселения).

Если проводим вычисления для конкретного фиксированного временного периода, то берем не среднюю, а точную долю.

Например, для 2018 года:

$$\theta = \frac{convicted}{crime} = \frac{658251}{1991532} = 0,3305249;$$

$$\rho = \frac{crime}{population} = \frac{1991532}{146880432} = 0,013558865.$$

Следовательно, число осужденных в 2018 году определяется соотношением:

$$convicted_{2018} = \theta \rho (population) = 0,3305249 \cdot 0,013558865 \cdot 146880432 = 658\,251 \text{ человек.}$$

Для России за период с 1970 по 2018 годы получим уравнение осужденных в средних:

$$\overline{convicted}_{1970-2018} = \bar{\theta} \cdot \bar{\rho} \cdot \overline{population} = 0,45226 \cdot 0,013871 \cdot 142351292 = 893\,024 \text{ человека.}$$

Ясно, что **количество приобретаемых на рынке товаров сильно и отрицательно зависит от уровня цен на эти товары, а также положительно зависит от количества потребителей этих товаров в текущем временном периоде**. Количество потребителей товара-преступления косвенно выражается в числе зарегистрированных преступлений, а также **следует из модели, связывающей число зарегистрированных преступлений с численностью народонаселения**, то есть численностью потенциальных преступников, поскольку каждый из нас таковым и является по определению, ибо при соответствующих условиях вполне может приобрести товар-преступление.

По статистическим данным с использованием временных рядов установить связь между числом зарегистрированных в России преступлений и общей численностью народонаселения не получается, поскольку временной ряд численности народонаселения в России за период с 1970 по 2018 годы является нестационарным и сделать его таковым, переходя к первым, вторым, третьим и

более высоким разностям, не получается. Однако **данная проблема решается очень легко – переходом к простым кросс-секционным данным** (пространственным данным, взятым за один временной период, по разным объектам). Очевидно, при прочих равных условиях абсолютное (подчеркиваю – абсолютное, а не относительное) число зарегистрированных преступлений будет выше в тех регионах, в которых выше численность народонаселения. Например, в Москве в 2018 году было зарегистрировано 140 542 преступления, а в Рязанской области только 9 348. Чем объясняется разница? Очевидно, в первую очередь разностью в численности народонаселения (потенциальных потребителей и поставщиков товара-преступления) на соответствующих территориях. Не случайно сравнение уровней преступности по разным территориям осуществляется не на основе абсолютных величин, а с использованием специальных коэффициентов, приведенных на численность народонаселения, но нас в данном случае интересуют именно абсолютные показатели, чтобы «с водичей не выплеснуть и ребенка».

Чтобы не быть голословным, приведу соответствующие вычисления по субъектам РФ, входящим в состав центрального федерального округа (то же самое можно сделать и для всех субъектов, но в целях экономии – взята одна большая группа).

Поскольку перед нами обычное пространственное (кросс-секционное) представление данных, воспользуемся обычным методом наименьших квадратов для оценки параметров регрессионного уравнения, связывающего численность народонаселения с числом зарегистрированных преступлений. В итоге получим нижеследующую модель:

$$crime = 0,011082 \cdot population. \\ (0,00015)$$

Коэффициент регрессии значим на 1 % уровне значимости, уравнение в целом статистически значимо, коэффициент детерминации $R^2 = 0,995$.

Таким образом, можно утверждать, что **между численностью народонаселения и преступностью существует практически функциональная положительная связь**. Интерпретация уравнения проста: если численность населения увеличивается на 1 человека, то уровень преступности в среднем увеличивается на 0,0111 штук (преступление – дискретная величина). Ясно, что проблемы мультиколлинеарности в парной регрессионной модели существовать не может, а для решения проблемы гетероскедастичности использованы робастные стандартные ошибки.

Таблица 3.

Первичные статистические данные о численности народонаселения
и уровнях преступности¹ по субъектам РФ, входящим в ЦФО за 2018 год

Table 3.

Primary population statistics and the crime rate¹ in the subjects of the Russian Federation
included in the Central Federal District for 2018

Субъект РФ	Население, чел.	Преступлений, штук
Белгородская	1547418	13163
Брянская область	1200228	14287
Владимирская область	1365825	17263
Воронежская область	2327843	29308
Ивановская область	1004192	14036
Калужская область	1009377	16491
Костромская область	637296	7969
Курская область	1107041	12210
Липецкая область	1144055	12344
г. Москва	12615882	140542
Московская область	7599756	80299
Орловская область	739465	8993
Рязанская область	1114149	9348
Смоленская область	942363	12525
Тамбовская область	1015981	12010
Тверская область	1269650	19581
Тульская область	1478814	13432
Ярославская область	1259612	16710

Таким образом, строго доказано, что между числом зарегистрированных преступлений и численностью народонаселения существует функциональная положительная связь, а число зарегистрированных преступлений строго детерминирует число осужденных, что явно подтверждает гипотезу «преступление – товар».

В свое время американские экономисты, в частности Levitt, задались вопросом: «Снижают ли тюремные заключения преступников уровень преступности? В конце концов, преступник не может совершить преступление за пределами тюрьмы, находясь при этом в тюрьме. Кроме того, пойманные и помещенные под стражу преступники представляют собой пример, который служит для сдерживания других. Но оценка совокупного эффекта, то есть изменение уровня преступности, вызванное увеличением количества заключенных на 1 %, является эмпирическим вопросом» [9, с. 471-472].

Американские исследователи сделали большую ошибку, приняв в качестве главной гипотезу о снижении преступности за счет числа осужденных к лишению свободы. Причем интересовало их текущее, а не лагированное значение независимой переменной. Хотя они заметили обоюдное влияние

факторов друг на друга (одновременная причинность), это им не помогло, поскольку они не видели реального регрессора – числа зарегистрированных преступлений и пытались привязать к модели совершенно неадекватную инструментальную переменную – изменение емкости тюрем [9, с. 472-473]. Ясно, что число осужденных строго зависит от числа зарегистрированных преступлений, а число зарегистрированных преступлений строго зависит от численности народонаселения (поскольку преступность – это товар, спрос на который строго пропорционален численности народонаселения). **В свою очередь, численность народонаселения не определяется ни числом осужденных, ни числом зарегистрированных преступлений.** Американские экономисты попали в ловушку незнания криминологических явлений и процессов.

В такую же ловушку попал в свое время лауреат Нобелевской премии по экономике Гэрри С. Беккер, когда принял за основу утверждение, что преступность в первую голову сдерживает не строгость наказаний, а их неотвратимость [11, с. 282-344]. Данное утверждение полностью противоречит главному закону уголовной политики – закону возрастающей предельной полезности уголовных

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 22.03.2019).

наказаний, а также доказанному выше закону спроса на товар-преступление по цене: $\hat{Q} = \alpha P^\beta$. Вообще говоря, вероятность осуждения преступника, или менее точно «неотвратимость наказания», – это, с одной стороны, фактор, понижающий цены конкретных видов преступлений, а следовательно, способствующий увеличению их количества. Например, в 2018 году раскрываемость краж составила:

$$H = \frac{285633}{756395} = 0,378 \text{ или } 37,8 \%$$

Откуда реальная цена краж по ч. 1 ст. 158 УК РФ для этого года: $P_{\text{реальная кража}} = 0,378 \cdot 2 = 0,756$ ниже номинальной, равной двум годам лишения свободы. С другой стороны, повышение вероятности поимки и изобличения преступника увеличивает реальную цену преступления, и это способствует снижению уровня преступности, хотя, как показывает статистика, ни один вид преступлений не раскрывается на 100 %. В связи с этим, во-первых, желательно минимизировать число составов преступлений, представленных в Особенной части УК РФ. Это будет снижать уровень преступности в стране. Во-вторых, вовсе нежелательно изобличать всех реально совершивших преступления и, тем паче, привлекать их к реальным уголовным наказаниям, поскольку это будет снижать «планку страха» перед уголовным наказанием и вести к росту преступности. Принцип неотвратимости должен действовать в отношении рецидивистов и лиц, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления, и их наказание должно быть достаточно суровым.

Вернемся к модели, связывающей осужденных и преступность. Можно подобрать более точную модель, чем рассмотренную выше:

$$\Delta \widehat{\text{convicted}} = 0,2012 \cdot \Delta \text{crime}.$$

Построим модель *ADL* – авторегрессионную модель распределенных лагов:

$$\Delta \widehat{\text{convicted}}_t = 0,34886 \cdot \Delta \widehat{\text{convicted}}_{t-1} + 0,213 \cdot \Delta \text{crime}_t \\ (0,1176) \quad (0,07)$$

Критерий Шварца здесь 1191, в отличие от предыдущего, равного 1221 (1221 > 1191), а коэффициенты при переменных значимы на 1 % уровне значимости. Видно, что первая разность числа осужденных зависит от собственной предыстории и текущего значения первой разности уровней преступности. Ясно, что эта модель будет давать более точный прогноз числа осужденных и иметь полезные динамические мультипликаторы. В частности, мгновенный эффект действия абсолютного прироста числа зарегистрированных преступлений на абсолютный прирост числа осужденных составляет 0,2128 преступлений.

Очевидно, что для разных временных периодов, разных государств, разной структуры преступности, то есть разных социальных условий, детерминирующих преступность, параметры уравнений спроса и предложения будут различаться, но функции спроса и предложения по цене преступлений будут иметь типичную форму: $\hat{Q} = \alpha P^\beta$, где α и β – параметры, крышка над Q – показатель оценки. Мы также видим, что число преступлений положительно и функционально зависит от численности народонаселения, что явно подтверждает гипотезу «преступление – товар». Таким образом, сильное сдерживающее воздействие на число преступлений оказывает именно строгость уголовных наказаний (цена преступлений) и небольшой сдерживающий эффект имеет судимость населения с лагом в один год.

Главный экономический закон уголовной политики – закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний, по сути, свидетельствует, что цена преступлений особенно высока для лиц, никогда ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности, то есть для лиц, не плативших цену за совершенные преступления. Товар-преступление – это рискованный актив, и страх наказания (цены преступления) весьма высок у тех, кто еще не был наказан реальным уголовным наказанием. После того как человек понес уголовное наказание, например, осужден к лишению свободы в исправительной колонии, **порог страха перед уголовным наказанием снижается**. Совершенно не случайно уровень рецидивной преступности в разных государствах и в различные периоды очень высок. Коэффициент криминогенной пораженности рецидивистов существенно выше коэффициента криминогенной пораженности лиц, ранее не судимых. Например, в 2018 году по России из 931 107 выявленных лиц, совершивших преступления, 270 988 человек были ранее судимы за совершение преступлений. То есть их доля составила

$$\vartheta_{2018} = \frac{270988}{931107} = 0,291 = 29,1 \%,$$

и такая картина достаточно стабильна во времени. В 2017 году:

$$\vartheta_{2017} = \frac{273379}{967103} = 0,2824 = 28,24 \%.$$

Разница между 2018 и 2017 годами меньше одного процента (0,86 %).

Закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний (ЗВППН), по сути, является обратным относительно великого закона убывающей предельной полезности (ЗУПП), описывающего удовлетворение текущих потребностей потребителей и открытого в 1854 году выдающим-

ся исследователем Г.Г. Госсеном. Закон возрастающей предельной полезности уголовных наказаний был открыт мной в 2017 году [8], то есть спустя 163 года после открытия Г.Г. Госсена.

Из ЗВППОН следует:

1) спрос и предложение товара-преступления, прежде всего, определяются ценой этих товаров, то есть строгостью уголовных наказаний. При нулевой цене преступности она достигает своего естественного максимума, а с ростом цены преступлений спрос на них строго снижается при прочих равных условиях;

2) общая превенция или общее сдерживание спроса преступности обеспечивается за счет высокой цены товара-преступления, когда основная масса потенциальных преступников не совершает преступления из страха (отрицательной полезности) цены товаров-преступлений. Угроза уголовного наказания действует на сознание широких слоев населения, делая их законопослушными, то есть общая превенция работает в отношении неопределенно большого количества людей, ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности, а вовсе не в отношении ранее судимых рецидивистов, уже отбывавших реальные сроки уголовного наказания. У тех, кто ранее не отбывал уголовного наказания, высок порог страха перед уголовным наказанием, и планку этого порога желательно сохранять, а не сбивать. Следовательно, грубой ошибкой уголовной политики будет постановка целей быстрого и полного раскрытия и расследования всех преступлений (быстро и полно нужно расследовать наиболее опасные преступления и преступления рецидивистов и использовать в отношении них правило «трех ударов»), с одной стороны, а с другой стороны, широкая криминализация различных деяний в качестве преступлений. Перечень преступлений не должен быть большим, и составы должны быть четко определенными, а не отсылочными и размытыми;

3) после первого осуждения за совершенное преступление и реального отбывания наказания уровень страха перед уголовным наказанием (ценой преступлений) резко падает, то есть полезность преступной деятельности для потенциальных преступников растет и растет линейно относительно сроков отбывания наказания, числа судимостей, достигая со временем критической точки – точки инверсии, когда страх уголовного наказания исчезает совсем, а далее оно начинает доставлять удовольствие. Именно поэтому люди, которые долгое время провели в колониях и тюрьмах, не стремятся находиться в обычном гражданском обществе, а хотят вернуться в привычную для них среду обитания;

4) сильное сдерживающее воздействие на преступность оказывает уголовное наказание в виде смертной казни. При этом важно даже не его чистое применение, а его наличие. К тому же в случае реального применения данного наказания к физическому лицу оно исключает инверсию полезности для данного лица с отрицательной на положительную, равно как и вероятность совершения новых преступлений столь опасного класса.

Ранее мной было доказано, что на количество регистрируемых преступлений влияет уровень доходов населения [12]: чем ниже уровень дохода физического лица, тем выше вероятность совершения им преступлений. В частности, ежегодно в России доля выявленных лиц без постоянного источника доходов, совершивших преступления, составляет около 70 %. В 2018 году, например, эта доля составила 64,6 % ($\frac{601252}{931107} \cdot 100 = 64,6 \%$). То есть в данном случае поведение потребителей нетипично. Если при покупке нормальных товаров увеличение дохода способствует увеличению потребления, то при покупке товара-преступления наблюдается обратный эффект: чем выше доход, тем ниже спрос на товар-преступление.

Мощным фактором преступности выступает алкогольное и наркотическое опьянение. Так, в 2018 году в состоянии алкогольного опьянения совершили преступления 326 269 человек, что составляет 35,04 % от общего числа выявленных лиц, совершивших преступления. В состоянии наркотического опьянения совершили преступления 11 998 человек, или 1,3 %. Это также легко объяснимо, поскольку в состоянии опьянения у физического лица повышается склонность к риску («пьяному море по колено»), и человек неадекватно оценивает текущие события (действует иррационально).

В подтверждение ранее доказанного мной закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний можно привести две цифры за 2018 год. В частности, из 931 107 выявленных лиц, совершивших преступления в России в 2018 году, 525 475 человек ранее уже совершали преступления, а 270 988 были ранее судимы за преступления. То есть доля первых составила 56,4 %, а вторых – 29,1 %.

Также известно, что коэффициент криминогенной пораженности мужчин по общей преступности примерно в 6 раз выше, чем женщин [13], следовательно, мужчины более склонны к риску и преступной деятельности. В силу ряда причин более активны в преступной деятельности молодые люди в возрасте до 30 лет, что также в полной мере подтверждает теорию «преступление – товар».

Вообще, говоря о причинах преступности, мы, по существу, задаемся вопросом: почему люди «покупают» те или иные преступления (преступления

определенных видов)? Ответ очевиден: потому что эти товары обладают для покупателей положительной полезностью. Например, один убивает другого из ревности, корысти, мести, зависти, а другой совершает изнасилование с целью полового удовлетворения. Судя по корреляционному анализу структуры преступности, товары-преступления весьма разнородны по своей природе, поскольку формирующие их причины заметно различаются по структурным составляющим преступности, вплоть до того, что между отдельными структурными элементами возможна отрицательная корреляционная связь. Например, те же хищения – кражи, грабежи, разбои, мошенничество – сильно и положительно коррелированы между собой. Это свидетельствует в пользу того, что у них имеются сходные причины [14]. С другой стороны, можно вспомнить период борьбы с пьянством и алкоголизмом в СССР в середине 80-х годов прошлого столетия. Тогда начали снижаться многие виды преступлений (хулиганство снизилось примерно на 50 %, а вот спекуляция спиртными напитками пошла в рост). Следовательно, здесь налицо пример отрицательной корреляции между структурными составляющими преступности. Причина (борьба с пьянством) дает противоположный эффект относительно разных структурных составляющих преступности.

Обсуждение и заключения

1) установлен типичный закон спроса на товар-преступление: $\hat{Q} = \alpha P^{-\beta}$; 2) установлен типичный закон предложения товара-преступления, совпадающий с законом спроса; 3) показано, что на рынке преступности всегда существует состояние равновесия спроса и предложения; 4) установлен эмпирический закон спроса и предложения товара-преступление по отдельным видам преступно-

сти в России в 2018 году, описываемый оценочным уравнением: $L\hat{n}Q = 13,9887 - 2,07838 \cdot LnP$, – *если цена преступления возрастает на 1-процентный пункт, то число приобретаемых (продаваемых) преступлений в среднем снижается на 2,1-процентных пункта*, то есть количество «приобретаемых (продаваемых)» на рынке преступлений сильно и отрицательно зависит от уровня цен на эти товары-преступления; 5) установлен положительный закон, связывающий преступность и численность населения: чем выше численность населения, тем выше при прочих равных условиях уровень преступности; 6) число осужденных, оплативших товар-преступление, положительно зависит от числа зарегистрированных преступлений, а следовательно, и от количества потребителей этих товаров (преступников) в текущем временном периоде, а также первого лагированного значения осужденных, что для России на основании данных за период с 1970 по 2018 годы описывается оценочным уравнением – авторегрессионной моделью распределенных лагов: $\Delta \widehat{convicted}_t = 0,348 \cdot \Delta convicted_{t-1} + 0,2128 \cdot \Delta crime_t$; 7) при покупке нормальных товаров увеличение дохода способствует увеличению потребления, а при покупке товара-преступления наблюдается обратный эффект: чем выше доход, тем ниже спрос на товар-преступление; 8) судимость населения имеет отложенный в один год сдерживающий преступность эффект: $\Delta \widehat{crime}_t = 1,49 \cdot \Delta convicted_t - 0,665 \cdot \Delta convicted_{t-1}$; 9) число осужденных есть сложная функция от численности населения через число зарегистрированных преступлений: $convicted = f(crime(population))$. Учитывая характер парных зависимостей между переменными модели, можно записать: $convicted = \theta \cdot p \cdot population$.

Приложение

Таблица 4.

Первичные статистические данные о числе зарегистрированных преступлений, осужденных, численности населения в России за период с 1970 по 2018 годы и доли осужденных от числа зарегистрированных преступлений (θ) и зарегистрированных преступлений относительно численности населения (ρ)

Table 4.

Primary statistics on the number of reported crimes, convicts, population in Russia from 1970 to 2018 and the proportion of convicted persons of total registered crimes (θ) and registered crimes relative to the population (ρ)

t, годы	Зарегистрировано преступлений, штук.	Осуждено, чел.	Численность населения, чел.	θ	ρ
1970	693552	554589	129660000	0,7996	0,0053
1971	702358	574350	130252000	0,8177	0,0054
1972	706294	575056	130934000	0,8142	0,0054
1973	695647	538156	131687000	0,7736	0,0053

1974	760943	579642	132434000	0,7617	0,0057
1975	809819	581035	133217000	0,7175	0,0061
1976	834998	599652	134092000	0,7181	0,0062
1977	824243	525984	135026000	0,6381	0,0061
1978	889599	557564	135979000	0,6268	0,0065
1979	970514	590538	136922000	0,6085	0,0071
1980	1028284	645544	137758000	0,6278	0,0075
1981	1087908	682506	138483000	0,6274	0,0079
1982	1128558	747865	139221000	0,6627	0,0081
1983	1398239	809147	140067000	0,5787	0,01
1984	1402694	863194	141056000	0,6154	0,0099
1985	1416935	837310	142061000	0,5909	0,01
1986	1338424	797286	143033000	0,5957	0,0094
1987	1185914	580074	144156000	0,4891	0,0082
1988	1220361	427039	145386000	0,3499	0,0084
1989	1619181	436988	146505000	0,2699	0,0111
1990	1839451	537643	147665081	0,2923	0,0125
1991	2167964	593823	148273746	0,2739	0,0146
1992	2760652	661392	148514692	0,2396	0,0186
1993	2799614	792410	148561694	0,283	0,0188
1994	2632708	924754	148355867	0,3513	0,0177
1995	2755669	1035807	148459937	0,3759	0,0186
1996	2625081	1111097	148291638	0,4233	0,0177
1997	2397311	1013431	148028613	0,4227	0,0162
1998	2581940	1071051	147802133	0,4148	0,0175
1999	3001748	1223255	147539426	0,4075	0,0203
2000	2952367	1183631	146890128	0,4009	0,0201
2001	2968255	1244211	146303611	0,4192	0,0203
2002	2526305	859318	145649334	0,3401	0,0173
2003	2756398	773920	144963650	0,2808	0,019
2004	2893810	793918	144333586	0,2744	0,02
2005	3554738	878900	143801046	0,2472	0,0247
2006	3855373	909900	143236582	0,236	0,0269
2007	3582541	929000	142862692	0,2593	0,0251
2008	3209862	925200	142747535	0,2882	0,0225
2009	2994820	892200	142737196	0,2979	0,021
2010	2628799	845100	142833502	0,3215	0,0184
2011	2404807	782300	142865433	0,3253	0,0168
2012	2302168	739300	143056383	0,3211	0,0161
2013	2206249	735600	143347059	0,3334	0,0154
2014	2190578	719300	143666931	0,3284	0,0152
2015	2388476	733600	146267288	0,3071	0,0163
2016	2160063	740400	146544710	0,3428	0,0147
2017	2058476	697497	146804372	0,3388	0,014
2018	1991532	658251	146880432	0,3305	0,0136

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. L'Uomo delinquente (1876; L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, alla giurisprudenza ed alle discipline carcerarie : aggiuntavi La teoria della tutela penale del Prof. Avv. F. Poletti / Cesare Lombroso; Francisco Poletti. 2 ed. Torino: Bocca, 1878. 746 p.).
2. Гишинский Я.И. Наказание как результат недомыслия. URL: <http://index.org.ru/nevol/2017-52/04-52-gilinski.html> (дата обращения: 26.04.2019).
3. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели; пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 384-402.
4. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 330-367.
5. Гишинский Я.И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1 (35). С. 6-13.
6. Ольков С.Г. Преступность как товар. Закон спроса и предложения преступности. Модели наказания и возмещения ущерба// Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 4. С. 23-43.
7. Ольков С.Г. Доказательство закона возрастающей предельной полезности уголовных наказаний и инверсии субъекта в функциях совокупной и предельной полезности этих наказаний. Законы спроса и предложения преступности // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 3. С. 14-32.
8. Ольков С.Г. Математические начала теории правоотношений, благо- и злодеяний (Часть II) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 3. С. 166-201.
9. Сток Д., Уотсон М. Введение в эконометрику/ пер. с англ. под науч. ред. М.Ю. Турунцевой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 333-334.
10. Ольков С.Г. Математические начала теории политических режимов с практическими приложениями по России за период с 1970 по 2017 годы // Публичное и частное право. 2019. № 1. С. 57-74.
11. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории: пер. с англ.; сост., науч. ред., по-слел. Р.И. Капелюшников; предисл. М.И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 282-344.
12. Ольков С.Г. Лица без постоянного источника доходов как фактор раскрытых краж и общей преступности в России (2003-2014 годы)// Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27). С. 94-103.
13. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция (методология юриспруденции) Часть I. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 25-27.
14. Ольков С.Г. Корреляционный анализ структуры преступности в её объяснении и прогнозировании, изучение влияния безработицы на различные структурные составляющие преступности в России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 2. С. 4-26.

REFERENCES

1. L'Uomo delinquente (1876; L'uomo delinquente in rapporto all' antropologia, alla giurisprudenza ed alle discipline carcerarie : aggiuntavi La teoria della tutela penale del Prof. Avv. F. Poletti / Cesare Lombroso; Francisco Poletti. 2 ed. Torino: Bocca, 1878. 746 p.).
2. Gilinskij YA.I. Nakazanie kak rezul'tat nedomysliya. URL: <http://index.org.ru/nevol/2017-52/04-52-gilinski.html> (data obrashcheniya: 26.04.2019).
3. Kriminologiya / pod red. Dzh. F. SHeli; per. s angl. SPb.: Piter, 2003. S. 384-402.
4. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. d.yu.n., prof. A.I. Dolgovoj. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2007. S. 330-367.
5. Gilinskij YA.I. Prestupnost': chto eto? Kto vinovat? CHto delat'? // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (35). S. 6-13.
6. Ol'kov S.G. Prestupnost' kak tovar. Zakon sprosa i predlozheniya prestupnosti. Modeli nakazaniya i vozmeshcheniya ushcherba// Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2017. № 4. S. 23-43.
7. Ol'kov S.G. Dokazatel'stvo zakona vozrastayushchej predel'noj polez-nosti ugovolnyh nakazaniy i inversii sub-"ekta v funkciyah sovokupnoj i predel'noj poleznosti etih nakazaniy. Zakony sprosa i predlozheniya pre-stupnosti // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2017. № 3. S. 14-32.
8. Ol'kov S.G. Matematicheskie nachala teorii pravootnoshenij, blago- i zlodeyanij (CHast' II) // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij re-gion. 2018. № 3. S. 166-201.
9. Stok D., Uotson M. Vvedenie v ekonometriku/ per. s angl. pod nauch. red. M.YU. Turuncevoj. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2015. S. 333-334.
10. Ol'kov S.G. Matematicheskie nachala teorii politicheskikh rezhimov s prakticheskimi prilozheniyami po Rossii za period s 1970 po 2017 gody // Publichnoe i chastnoe pravo. 2019. № 1. S. 57-74.
11. Bekker G.S. CHelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod // Iz-brannnye trudy po ekonomicheskoy teorii: per. s angl.; sost., nauch. red., po-slesl. R.I. Kapelyushnikov; predisl. M.I. Levin. M.: GU VSHE, 2003. S. 282-344.

12. Ol'kov S.G. Lica bez postoyannogo istochnika dohodov kak faktor raskrytyh krazh i obshchej prestupnosti v Rossii (2003-2014 gody)// Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. 2016. № 4 (27). S. 94-103.
13. Ol'kov S.G. Analiticheskaya yurisprudenciya (metodologiya yurispru-dencii) CHast' I. M.: YUrlitinform, 2013. S. 25-27.
14. Ol'kov S.G. Korrelyacionnyj analiz struktury prestupnosti v eyo ob"yasnenii i prognozirovanii, izuchenie vliyaniya bezroboticy na razlichnye strukturnye sostavlyayushchie prestupnosti v Rossii // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region. 2015. № 2. S. 4-26.

Об авторе: Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова
e-mail: olkovsg@mail.ru
© Ольков С.Г., 2019.

Статья получена: 07.05.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Ol'kov Sergey G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and the Criminal Process of V.G. Timiryasov's Kazan Innovation University
e-mail: olkovsg@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

А.Л. Лебедь

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ КРАЖИ ИЗ МАГАЗИНОВ (НА МАТЕРИАЛАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PERSONS COMMITTED SHOPLIFTING (BASED ON MATERIALS FROM ST. PETERSBURG)

Введение: статья посвящена исследованию социально-демографических признаков лиц, совершивших кражи из магазинов («магазинных воров»), в Санкт-Петербурге с учетом административно-территориального деления города. Исследована гендерная принадлежность «магазинного вора». Выделены криминально активные социальные группы и районы повышенной криминальной активности.

Материалы и методы: материалами исследования являются статистические данные Информационного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области о зарегистрированной преступности по ст. 158 Уголовного кодекса РФ. Критерий выборки по месту совершения преступления – кража, совершенная в магазине. Временной охват исследования – с 2001 года по 2016 годы. География исследования – Санкт-Петербург. Основу исследования составили статистический, системный, аналитический, логический, конкретно-социологический методы.

Результаты исследования: исследованы статистические данные о зарегистрированной «магазинной» преступности по ст. 158 Уголовного кодекса РФ в период с 2001 года по 2016 годы в Санкт-Петербурге. В результате анализа социально-демографических признаков лиц, совершивших кражи из магазинов, создан обобщенный криминологический портрет «магазинного вора».

Обсуждение и заключения: «магазинные воры» – это лица мужского или женского пола без постоянного источника дохода, а также рабочие, учащиеся и студенты. Районами повышенной криминальной активности в Санкт-Петербурге являются Невский, Приморский, Выборгский, Калининский, Московский и Фрунзенский. Полученные данные позволяют правоохранительным органам, службам внутренней безопасности торговых розничных сетей, охранным и сопутствующим структурам сконцентрировать внимание на выделенной категории лиц в обозначенных районах города при подготовке и проведении конкретных профилактических мероприятий.

Ключевые слова: социально-демографические признаки, лицо, совершившее кражу из магазина, половая принадлежность, криминально активная социальная группа, район повышенной криминальной активности, профилактика.

Для цитирования: Лебедь А.Л. Социально-демографическая характеристика лиц, совершивших кражи из магазинов (на материалах Санкт-Петербурга) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 143-149. DOI: 10.24420/KUI.2019.55.54.003

Introduction: the article is devoted to the study of socio-demographic characteristics of persons committing shoplifting ("shoplifters") in St. Petersburg taking into account the administrative division of the city. The sex of the shoplifter was examined. Criminally active social groups and areas of increased criminal activity are identified. The data obtained allow law enforcement agencies, internal security services of retail chains, security and related structures to focus on this category of people in these areas of the city when preparing and conducting preventive measures.

Materials and Methods: the materials of the research are statistical data of the Information Center of the State Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region on registered crime under Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The selection criterion at the crime scene is "shoplift theft". The time span of the study is from 2001 to 2016. Geography research is St. Petersburg. The bases of the study were statistical, systemic, analytical, logical, specific sociological methods.

Results: statistical data on registered "in-store" crime under Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation from 2001 to 2016 in St. Petersburg were investigated. As a result of the analysis of the socio-demographic characteristics of those who committed thefts from stores, a generalized criminological portrait of a "shoplifter" was created.

Discussion and Conclusions: "shoplifters" are males or females without a permanent source of income, as well as workers, pupils and students. Areas of increased criminal activity in St. Petersburg are Nevskiy, Primorskiy, Vyborgskiy, Kalininskiy, Moskovskiy and Frunzenskiy. The data obtained allow law enforcement agencies, internal security services of retail chains, security and related structures to focus on a selected category of persons in designated areas of the city when preparing and conducting specific preventive activity.

Key words: socio-demographic signs, person committing shoplifting, gender, a criminally active social group, an area of increased criminal activity, prevention

For citation: Lebed A.L. Socio-demographic characteristics of persons committed shoplifting (based on materials from St. Petersburg) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 143-149. DOI: 10.24420/KUI.2019.55.54.003

Введение

В целях завладения собственностью физических и юридических лиц, государства преступники используют самые разные формы преступной деятельности – от краж до финансовых махинаций и насилия. Хозяйственная деятельность в розничной сетевой торговле, как и в других секторах экономики, сталкивается с риском внешних и внутренних противоправных (включая уголовно-правовые) действий. Наиболее масштабными по количеству фактов совершения, а также значимыми по экономическим потерям являются хищения, совершаемые посетителями. Россия сегодня находится на первых местах в мировом рейтинге магазинных краж наравне с США, Китаем, Японией, Испанией, Великобританией, Турцией и другими странами, в которых современные форматы торговли начали развиваться гораздо раньше [1, с.21]. Предметом хищений выступают товарно-материальные ценности (товары). Способ хищения характеризуется как тайный. Указанные противоправные действия квалифицируются в зависимости от размера похищенного имущества по ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Понятие «магазинная кража» условно, поскольку отсутствует в отечественной юриспруденции. Российское уголовное право не содержит такого понятия, а УК РФ – соответствующего квалифицирующего признака. Однако термин «магазинная кража» прочно вошел в терминологию специалистов по торговой безопасности. Магазинные кражи являются разновидностью кражи наравне с карманными, квартирными, офисными, гаражными, банковскими и другими видами кражи. Под магазинными кражами как видом преступлений против собственности необходимо понимать систематическую осознанную противоправную деятельность по совершению хищений товарно-материальных ценностей (товаров) в розничных магазинах современных форматов. Крупнейшими федеральными розничными торговыми сетями по

продаже продовольственных и сопутствующих товаров, находящимися в центре внимания лиц, совершающих кражи из магазинов («магазинных воров»), являются «Лента», «О'Кей», «Карусель», «АШАН», «Семья», «Дикси», «Перекресток», «Пятерочка», «Магнит» [2, с. 15-17].

Обзор литературы

Личность преступника неотделима от преступления. Для предупреждения конкретных видов преступлений существенное значение имеют данные о лицах, их совершивших. Личность преступника в криминологии определяется как совокупность социально-демографических, социально-психологических, нравственных и правовых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, совершившее преступление, влияющих на его преступное поведение, или «личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [3, с. 126]. Кузнецова Н.Ф. указывает, что «личность преступника представляет собой систему социальных и психических свойств, образующих ее общественную опасность, которая детерминирует совершение преступления. О личности преступника можно говорить лишь применительно к субъекту преступления, т.е. к лицу, уже совершившему преступление» [4, с. 59]. Гилинский Я.И. при описании понятия «личность преступника» отмечает, что «оно состоит не в том, чтобы искать свойства и признаки (либо совокупность таковых), характеризующие "личность преступника" и только преступника, а в понимании того, что различные поведенческие формы (в том числе "негативные", отрицательно оцениваемые обществом) по-разному проявляются в зависимости от многих социально-демографических и психологических свойств. Лица определенного пола, возраста, образования,

социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств имеют относительно большую или меньшую вероятность оказаться среди совершивших те или иные преступления» [5, с. 184].

Материалы и методы

По мнению автора статьи, наиболее целесообразным при рассмотрении особенностей личности лица, совершившего магазинную кражу («магазинного вора»), представляется анализ социально-демографических признаков, поскольку именно они предложены в качестве обязательных большинством криминологов. Сами по себе социально-демографические признаки личности не криминогенны, но связаны с условиями формирования личности, ее жизнедеятельности, с потребностями и мотивацией, социальными ролями. Также автором статьи исследуется география совершения магазинных краж в избранном регионе. Исследуемые социально-демографические признаки «магазинного вора» и география «магазинной преступности» предстают существенными компонентами обобщенного криминологического портрета «магазинного вора», что является основой для предупреждения названного вида преступности и проведения конкретных профилактических мероприятий.

Согласно данным ИЦ ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (критерий выборки – ст. 158 УК РФ, «магазин», – т.е. кража, совершенная в магазине), общее количество зарегистрированных краж из магазинов Санкт-Петербурга за период 2001-2016 гг., составляет 37 486. Если за 2001 г. данная цифра составляла 1 129 зарегистрированных краж, то за 2016 г. – 2 348 краж. Динамика магазинных краж показывает их стабильный рост: в рассматриваемый нами период количество магазинных краж увеличилось вдвое. На рост магазинных краж, кроме перехода от традиционной торговли «с прилавка» к открытой выкладке товара, влияет стабильный рост города, расширение территориальных рамок городских районов, строительство новых районов, сопровождающееся расширением и розничной сетевой торговли, а также увеличение размера ущерба (с 03.07.2016 с 1 000 руб. до 2 500 руб.) для наступления уголовной ответственности. Районами с минимальными показателями зарегистрированных магазинных краж являются Кронштадтский (1 магазинная кража в 2001 г. и 113 – в 2016 г.), Курортный (7 – 121 соответственно), Колпинский (1 – 296), Петродворцовый (3 – 390) и Пушкинский (3 – 556). Районами с максимальными показателями зарегистрированных магазинных краж являются Невский (89 – 3 989), Приморский (60

– 3 896), Выборгский (77 – 3 694), Калининский (139 – 3 262), Фрунзенский (106 – 3 121) и Московский (219 – 3 034). Районами со средними показателями являются Центральный (2 879 зарегистрированных краж за 2016 г.), Кировский (2 574), Красносельский (2 562), Адмиралтейский (2 496), Красногвардейский (2 284) районы и Василеостровский (1 259), Петроградский (1 050) районы.

Результаты исследования

Таблица № 1 раскрывает характеристику лиц, совершивших кражи из магазинов («магазинных воров») Санкт-Петербурга в период с 2001 по 2016 годы.

Каждая исследуемая социальная группа в период с 2001 по 2016 годы демонстрирует стабильный рост. Одним из социально-демографических признаков личности является ее гендерная принадлежность. Является ли «магазинная кража» «мужским» или «женским» преступлением, однозначного вывода сделать нельзя. Следовательно, кражи из магазина совершаются лицами любого пола. Общее количество женщин, привлеченных к уголовной ответственности в период с 2001 по 2016 годы в Санкт-Петербурге, составляет 7 744. При сравнительно небольших показателях с 2001 г. по 2006 г. наблюдается резкий рост в 2007 г. (738 женщин) и 2008 г. (937 женщин). 2008 г. является годом максимального показателя, далее до 2012 г. следует снижение числа женщин-преступниц. С 2013 г. по 2016 годы наблюдается рост указанной категории преступников, максимальный показатель зафиксирован в 2015 г. – 870 женщин.

Социальная группа «Лица без постоянного источника дохода» является максимальной среди всех исследуемых групп и демонстрирует стабильный рост: с 360 человек в 2001 г. до 1 683 в 2016 г. Общее количество лиц без постоянного источника дохода, привлеченных к уголовной ответственности с период с 2001 по 2016 годы, составляет 22 202 человека. В исследуемый период наблюдается резкий рост в 2007 г. (2 309 человек) и в 2008 г. (3 399 человек). С 2008 по 2016 годы наблюдается снижение исследуемой категории лиц, их число колеблется в пределах 1 500 – 2 000 человек. Только в 2015 г. зафиксировано незначительное увеличение до 2 109 человек. Возрастающее количество лиц без постоянного источника дохода указывает на изменение структуры социальной базы преступности. Прокументов Л.М., Шеслер А.В., исследуя социальные детерминанты преступности (резкое снижение уровня жизни, коммерциализация социальной сферы, масштабная безработица и т.д.) конца 90-х – первой половины 2000-х гг., пишут, что «последствия такой социальной политики ... в целом сформировали социальную базу

Таблица 1.

Характеристика лиц, совершивших кражи из магазинов («магазинных воров») в Санкт-Петербурге (2001-2016 гг.)

Table 1.

Description of the persons committed shoplifting ("shoplifters") in St.Petersburg (2001-2016)

Год / показатель	Всего раскрыто	Пол		Социальная принадлежность						В сост. алк. опьянения	В состоянии нарк. опьянения
		Муж.	Жен.	Рабочие	Служащие	Пенсионеры	Учащиеся (студенты)	Без пост. источника дохода	Безработные		
2001	455	-	112	41	6	2	49	360	0	20	4
2002	259	-	56	36	5	3	19	193	0	17	1
2003	667	-	145	90	19	5	39	505	1	35	1
2004	983	-	188	138	19	14	48	748	8	44	1
2005	1 164	-	277	133	14	2	31	952	10	34	2
2006	1 167	-	255	110	35	5	41	944	6	25	3
2007	2 826	-	738	301	63	35	91	2 309	3	54	3
2008	4 178	-	937	432	83	60	140	3 399	26	32	1
2009	1 872	-	499	186	40	9	58	1 549	12	6	1
2010	1 969	-	455	204	39	9	65	1 592	41	3	0
2011	2 053	-	592	228	48	7	136	1 599	19	34	7
2012	2 586	-	641	343	40	12	134	1 943	79	66	24
2013	2 413	-	651	335	44	10	176	1 682	163	44	10
2014	2 416	-	613	402	40	24	162	1 635	161	41	7
2015	3 091	-	870	496	45	25	180	2 109	218	77	2
2016	2 258	-	715	371	17	22	136	1 683	19	57	1
ИТОГО	30 357	-	7 744	3 846	557	244	1 505	22 202	766	589	68

увеличения преступности» [6, с. 8-9]. Структурирующий современное общество процесс «включенности» (inclusive) / «исключенности» (exclusive) имеет ярко выраженные социальные последствия. Гилинский Я.И. подчеркивает, что «именно "исключенные" составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.)» [5, с. 171]. Положительная динамика краж, совершенных из магазинов лицами без постоянного источника дохода («исключенными»), подтверждает сказанное.

В социальной группе «Рабочие» зафиксирован рост с 41 человека в 2001 г. до 371 человека в 2016 г. Резкий рост наблюдается в 2007-2008 гг. (301 и 432 человека соответственно). После небольшого спада в 2009 г. (186 человек) в группе наблюдается стабильный рост, достигая максимального показателя в 2015 г. – 496 человек. Общее число

лиц, привлеченных к уголовной ответственности в период с 2001 по 2016 годы, составляет 3 846 человек.

В группе «Учащиеся (студенты)» наблюдается рост: с 49 человек в 2001 г. до 136 человек в 2016 г. Резкое возрастание показателя наблюдалось в 2008 г. – 140 человек. После спада в 2009-2010 гг. отмечен стабильный рост указанной группы лиц: 136 человек в 2011 г. и 136 – в 2016 г. Максимальный показатель группа демонстрирует в 2013 г. – 176 человек и в 2015 г. – 180 человек. Общее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности в период с 2001 по 2016 гг., составляет 1 505 человек.

В группе «Безработные» с 2001 по 2002 гг. зафиксированы нулевые показатели, однако с 2008 г. наблюдается определенный рост (26 человек), достигающий максимальных показателей в 2013, 2014 и 2015 гг. (163, 161 и 218 человек соответственно). Общее число лиц, привлеченных к

уголовной ответственности в данной социальной группе в период с 2001 по 2016 гг., составляет 766 человек.

В группе «Служащие» наблюдается относительно небольшой рост с 6 человек в 2001 г. до 17 человек в 2016 г. Максимальный показатель за весь период исследования зафиксирован в 2008 г. – 83 человека. Период 2009-2015 гг. свидетельствует об определенной стабилизации: количество лиц колеблется от 40 до 50 человек. Общее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности в данной социальной группе в период с 2001 по 2016 гг., составляет 557 человек.

Группа «Пенсионеры» демонстрирует рост с 2 человек в 2001 г. до 22 человек в 2016 г. Максимальные показатели группа демонстрирует в 2007 г. – 35 человек и в 2008 г. – 60 человек. 2008 г. является «пиковым» для данной социальной группы. После небольшого спада в 2009-2011 гг. группа демонстрирует небольшой стабильный рост: 12 человек в 2012 г. и 22 человека в 2016 г. Общее число лиц, привлеченных к уголовной ответственности в период с 2001 по 2016 гг., составляет 244 человек.

Отдельно необходимо указать на лиц, совершивших магазинные кражи в состоянии алкогольного и наркотического опьянений. Лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ в период 2001-2016 гг. в Санкт-Петербурге в состоянии алкогольного опьянения, больше, чем в наркотическом (соответственно 589 и 68). В группе «Лица в состоянии алкогольного опьянения» наблюдается стабильный рост с 20 человек в 2001 г. до 57 в 2016 г. Максимальные показатели группа демонстрирует в 2007 г. – 54 человека, 2012 г. – 66 человек и 2015 г. – 77 человек. Минимальные показатели в 2009 г. – 6 человек и в 2010 г. – 3 человека. Группа «Лица в состоянии наркотического опьянения» демонстрирует небольшие показатели: от одного до четырех лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Периодами резкого роста являются 2012 г. – 24 человека, 2013 г. – 10 человек и 2014 г. – 7 человек.

Итого лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ (выборка «место совершения преступления – «магазин») за период с 2001 г. по 2016 г., в Санкт-Петербурге – 37 521 человек. Среди общего количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности в период с 2001 по 2016 гг. по ст. 158 УК РФ по заданной выборке в Санкт-Петербурге, следует отметить следующие группы, характеризующиеся максимальными показателями: лица без постоянного источника дохода (22 202 человек), рабочие (3 846 человек)

и учащиеся, студенты (1 505 человек). Наименьшие показатели наблюдаются среди пенсионеров (244), служащих (557) и безработных (766).

При характеристике лиц, совершивших магазинные кражи по районам Санкт-Петербурга, необходимо обратиться к районам повышенной криминальной активности (Невский, Приморский, Выборгский, Калининский, Московский и Фрунзенский районы). При этом следует учитывать наиболее активные криминальные группы: лица без постоянного источника дохода, рабочие и учащиеся, студенты (таблица № 2).

Максимальное количество лиц без постоянного источника дохода, совершивших магазинные кражи, наблюдается в Невском районе – 2 751 человек. Далее следуют Приморский район – 2 669, Фрунзенский – 2 102, Выборгский – 2 087, Калининский – 1 752 и Московский – 1 746 человек. Максимальное количество рабочих, совершивших магазинные кражи, зафиксировано в Калининском районе – 435 человек. Далее следуют Выборгский район – 393, Московский – 367, Невский – 361, Фрунзенский – 338 и Приморский – 263. Максимальное количество учащихся (студентов) отмечено в Московском районе – 248. Далее следуют Фрунзенский район – 160, Приморский – 98, Калининский – 96, Невский и Выборгский – по 81 человеку.

Обсуждение и заключения

Таким образом, изучив социально-демографические признаки лиц, совершивших кражи из магазинов, можно создать обобщенный криминологический портрет личности «магазинного вора». «Магазинными ворами» могут быть лица мужского или женского пола без постоянного источника дохода, а также рабочие, учащиеся и студенты. Социальная группа «Лица без постоянного источника дохода» демонстрирует стабильный рост среди прочих групп лиц, совершивших кражи из магазинов, и на 2016 год составляет более половины среди всех лиц, совершивших магазинные кражи. Возрастающее количество лиц без постоянного источника дохода указывает на изменение структуры социальной базы преступности. Выделение наиболее криминально активной социальной группы, как и выделение районов повышенной криминальной активности в избранном регионе позволит правоохранительным органам, службам внутренней безопасности торговых розничных сетей, охранным и сопутствующим структурам сконцентрировать внимание на выделенной категории лиц в обозначенных районах города при подготовке и проведении конкретных профилактических мероприятий.

Таблица 2.

**Характеристика лиц, совершивших магазинные кражи, по районам повышенной
криминальной активности Санкт-Петербурга (2001-2016 гг.)**

Table 2.

**Description of the persons committed shoplifting in the areas experiencing high rate
criminal activity (2001-2016)**

Социальная группа / год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	ИТОГО
НЕВСКИЙ РАЙОН																	
Без пост. источника дохода	48	21	51	48	76	60	248	462	185	195	215	292	215	238	256	141	2 751
Рабочие	5	10	11	7	17	6	20	53	20	14	20	24	30	42	58	24	361
Учащиеся (студенты)	4	2	3	1	0	4	13	9	2	4	8	6	8	5	5	7	81
ПРИМОРСКИЙ РАЙОН																	
Без пост. источника дохода	28	21	67	124	238	211	322	295	154	159	172	203	164	143	238	130	2 669
Рабочие	1	1	6	9	8	10	25	27	13	8	13	26	31	18	37	30	263
Учащиеся (студенты)	2	0	8	7	6	4	4	5	1	4	9	5	9	10	17	7	98
ВЫБОРГСКИЙ РАЙОН																	
Без пост. источника дохода	22	28	75	121	116	138	185	303	197	191	168	189	102	76	67	109	2 087
Рабочие	3	3	11	41	36	27	30	45	16	18	21	21	20	39	40	22	393
Учащиеся (студенты)	0	1	4	9	4	4	8	10	6	2	3	1	5	9	14	1	81
КАЛИНИНСКИЙ РАЙОН																	
Без пост. источника дохода	18	9	13	28	33	43	140	227	133	97	134	143	141	154	219	220	1 752
Рабочие	3	1	7	5	5	9	17	40	18	22	41	62	43	36	69	57	435
Учащиеся (студенты)	4	0	3	0	0	2	4	8	2	2	4	8	10	10	18	21	96
МОСКОВСКИЙ РАЙОН																	
Без пост. источника дохода	43	20	46	94	81	50	175	212	166	135	92	110	97	116	153	156	1 746
Рабочие	7	2	13	19	15	6	31	40	37	32	14	16	14	38	37	46	367
Учащиеся (студенты)	16	8	2	11	3	2	13	34	14	15	14	19	22	31	29	15	248
ФРУНЗЕНСКИЙ РАЙОН																	
Без пост. источника дохода	35	22	66	91	67	108	292	250	63	135	127	173	129	157	224	163	2 102
Рабочие	5	2	9	14	7	16	32	27	7	29	18	38	35	28	47	24	338
Учащиеся (студенты)	4	3	3	5	4	4	8	15	3	8	16	7	16	15	29	20	160

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The New Barometer. A study of the cost of merchandise theft and merchandise availability for the global retail industry. 2014-2015. Author ©: The Smart Cube. Publisher ©: Checkpoint Systems, Inc. 101. Wolf Drive Thorofare. NJ 08086. USA. 135 p.
2. Розничные торговые сети по продаже продуктов питания и сопутствующих товаров в России. 2015. Аналитический обзор. 13-е издание. РБК: Москва, 2015. 887 с.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудряцева и В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юристъ, 2000. 522 с.
4. Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш (и др.); под. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2007. 328 с.
5. Гишинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб. и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. 517 с.
6. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 5-14.

REFERENCES

1. The New Barometer. A study of the cost of merchandise theft and merchandise availability for the global retail industry. 2014-2015. Author ©: The Smart Cube. Publisher ©: Checkpoint Systems, Inc. 101. Wolf Drive Thorofare. NJ 08086. USA. 135 p.
2. Roznichnye torgovye seti po prodazhe produktov pitaniya i soputstvuyushchih tovarov v Rossii. 2015. Analiticheskij obzor. 13-e izdanie. RBK: Moskva, 2015. 887 s.
3. Kriminologiya: uchebnik / pod red. V.N. Kudryaceva i V.E. Eminova. 2-e izd., pererab i dop. M.: YUrist', 2000. 522 s.
4. Kriminologiya: ucheb. posobie / G.I. Bogush (i dr.); pod. red. N.F. Kuznecovoj. M.: TK Velbi; Izd-vo «Prospekt», 2007. 328 s.
5. Gilinskij YA.I. Kriminologiya: teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, social'nyj kontrol'. Avtorskij kurs. 4-e izd., pererab. i dop. SPb.: OOO Izdatel'skij Dom «Alef-Press», 2018. 517 s.
6. Prozumentov L.M., SHesler A.V. Obshchesocial'nye determinanty prestupnosti // Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12. № 1. S. 5-14.

Об авторе: Лебедь Анна Леонидовна, старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
e-mail: aleo.varlamova@gmail.com

© Лебедь А.Л., 2019.

Статья получена: 09.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Lebed Anna L., Senior lecturer of criminal law Department of the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg
e-mail: aleo.varlamova@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 342.4

DOI: 10.24420/KUI.2019.35.49.004

А.Г. Гатауллин, Д.Р. Зайнутдинов

**КОНСТИТУЦИЯ СССР 1936 ГОДА: МОДЕЛЬ
«РЕПРЕССИВНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»**

**1936 USSR CONSTITUTION: A MODEL
OF «REPRESSIVE CONSTITUTIONALISM»**

Введение: в статье представлен анализ положений Конституции СССР 1936 года, опровергается ее демократический характер, а также рассматривается влияние на становление советского конституционализма.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись следующие методы: формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, историко-правовой, аналитический.

Результаты исследования: проведен анализ положений Конституции СССР 1936 года, свидетельствующий об их значении для формирования модели «репрессивного конституционализма». Было определено влияние «репрессивного конституционализма» на деформацию всей государственно-правовой системы в период функционирования тоталитарного режима в 1930-1940 годы.

Обсуждение и заключения: в заключении сформулированы выводы проведенного исследования и предложения о совершенствовании современного законодательства с целью запрета оправдания сталинизма и повышения уровня правовой культуры общества.

Ключевые слова: Конституция СССР 1936 года, конституционализм, репрессии, тоталитаризм, суд, прокуратура

Для цитирования: Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. Конституция СССР 1936 года: модель «репрессивного конституционализма» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 150-157. DOI: 10.24420/KUI.2019.35.49.004

Introduction: the article presents an analysis of the provisions of the 1936 Constitution of the USSR, the democratic nature of the Constitution is refuted, and the influence on the formation of Soviet constitutionalism is considered.

Materials and Methods: in the course of working on the article, the following methods were used: logical-legal, comparative legal, historical-legal, analytical.

Results: the analysis of the provisions of the Constitution of the USSR of 1936 was carried out, which showed their importance for the formation of a model of "repressive constitutionalism". The influence of "repressive constitutionalism" on the deformation of the entire state legal system during the period of the totalitarian regime in 1930-1940 was determined.

Discussion and Conclusions: the conclusions of the study are formulated and suggestions are made on improving modern legislation to prohibit the justification of Stalinism and increase the level of the legal culture of society.

Key words: Constitution of the USSR of 1936, constitutionalism, repression, totalitarianism, court, prosecutor's office

For citation: Gataullin A.G., Zaynutdinov D.R. 1936 USSR Constitution: a model of «repressive constitutionalism» // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 150-157. DOI: 10.24420/KUI.2019.35.49.004

Введение

Конституция Союза Советских Социалистических Республик – «Сталинская конституция», утвержденная постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года¹, является уникальным по своему характеру документом, который совершенно расходился с функционирующим государственным режимом и правовой реальностью. В юридической литературе принято считать содержание «Сталинской конституции» самым демократическим в мире в период 1930-х годов. Однако демократизма в ней было не больше, чем в любой советской декларации или декретном законодательстве. По нашему мнению, справедливо замечание выдающегося российского конституционалиста М.В. Баглая: «Лицемерием и цинизмом были пронизаны положения Конституции, связанные со свободой совести» [1, с. 62]. Советский конституционализм со второй половины 1930-х до первой половины 1950-х годов непосредственно легитимировал массовый террор, направленный на создание абсолютно послушного тоталитарному режиму общества. «Опыт российского государственного строительства со всей очевидностью подтверждает, что какое-либо умаление хотя бы одной из общего комплекса общечеловеческих ценностей ведет к деформации конституционализма, отторжение же их – к утверждению идеологии и практики антиконституционализма со всеми его тотальными разрушительными последствиями» [2, с. 441]. Изучение тоталитарного режима, существовавшего в период сталинизма (начало 1930-х годов – первая половина 1950-х годов), не является проблемой минувшего века. Поэтому современная юридическая наука должна продолжать его изучение, для того чтобы учитывать негативный опыт в будущем. В этом аспекте представляется весьма актуальным проведение исследования конституционализма в период функционирования тоталитарного режима.

Обзор литературы

В современной юридической науке крайне мало исследований, посвященных проблемам соотношения конституционализма и функционирования тоталитарного режима, хотя в целом изучение периода сталинизма достаточно широко освещено в научной литературе. При этом больше всего исследований данного периода относятся к сфере истории. Немалое внимание изучению сталинизма уде-

ляют и зарубежные авторы [3, 4, 5]. В значительной степени изучению советского тоталитарного режима способствовали сборники архивных документов и материалов, издаваемые Международным фондом «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева) [6, 7, 8, 9]. Таким образом, следует отметить, что современные юристы обладают достаточной научной и источниковедческой базой для изучения тоталитарного режима.

Материалы и методы

Основу исследования составили такие методы, как формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, историко-правовой. Кроме того, при поиске и анализе литературы по теме был использован аналитический метод. В совокупности данные методы позволили провести анализ ряда конституционных положений и отдельных нормативных правовых актов советского государства. Материалами исследования также послужили статьи ученых, занимающихся вопросами функционирования органов власти в период сталинизма.

Результаты исследования

Соотнося «взрыв» сталинских репрессий периода 1934-1938 годов и принятие Конституции СССР 1936 года, считаем возможным обозначить это юридическое явление как «репрессивный конституционализм». Благодаря «Сталинской конституции» идея репрессии была возведена в ранг закона. Репрессии стали считаться естественным и даже должным элементом государственной власти. В Конституции СССР 1936 года была искажена одна из функций права – карательная. При этом отметим, что карательная «функция права – отнюдь не самый существенный ее признак. Праву присуща в первую очередь созидательная роль» [10, с. 35]. Тем не менее карательная функция права в «Сталинской конституции» приобрела характер превентивной меры. Наказание назначалось не за факт совершения уголовного преступления или административного правонарушения и даже не за умысел его совершения, а за инакомыслие, то есть не относящийся к структуре состава преступления (правонарушения) элемент.

«Репрессивный конституционализм», закрепленный в Конституции СССР 1936 года, внедрялся и последовательно распространялся в конституциях союзных и автономных республик СССР. В частности, 21 января 1937 года была утверждена Конституция Российской Советской Федератив-

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 года) // Известия Центрального исполнительного комитета СССР и Всесоюзного центрального исполнительного комитета. 1936. № 283. 6 декабря.

ной Социалистической Республики¹, а далее принимались конституции автономных республик (например, 25 июня 1937 года была утверждена Конституция Татарской Автономной Советской Социалистической Республики)². Так, «репрессивный конституционализм» получил двухступенчатое и трехступенчатое закрепление: Конституция СССР – Конституция союзной республики или Конституция СССР – Конституция РСФСР – Конституция автономной республики. Нижестоящие конституции не имели никаких особенностей, так как конституционные нормы союзных и автономных республик практически дословно дублировали положения «Сталинской конституции».

В подтверждение вышесказанного необходимо указать на конкретные нормы «Сталинской конституции», в которых был завуалирован «репрессивный конституционализм», – это статьи 102, 103, 131, 133. Так, согласно статье 102 Конституции СССР 1936 года, правосудие в СССР осуществлялось Верховным Судом СССР, Верховными судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами. Данная норма получила свое развитие в последующем законодательстве, а именно в законе СССР от 16 августа 1938 года «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик»³. В частности, статья 53 указанного закона установила разветвленную систему специальных судов СССР, в которую входили военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта, линейные суды водного транспорта. В качестве первой задачи судов СССР (подпункт «а» статьи 2 закона СССР от 16 августа 1938 года «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик») определялось «разбирательство в судебных заседаниях уголовных дел и применение установленных законом мер наказания к изменникам родины, вредителям, расхитителям социалистической собственности и другим врагам народа, а также к грабителям, вора́м, хулиганам и иным преступникам». В этом отношении интересное положение содержала и статья 60 закона СССР «О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 года, согласно которой линейные суды железнодорожного и водного транспорта рассматривали отнесенные законом к их ведению дела о преступлениях,

направленных на подрыв трудовой дисциплины на транспорте, и о других преступлениях, нарушающих нормальную работу транспорта. Данная норма толковалась весьма широко, тем самым постоянно обеспечивая суды новыми «антисоветскими элементами», более известными как «вредители». Например, А.Р. Мухамадеев пишет: «В Верховном суде ТАССР в целях ликвидации последствий вредительства были пересмотрены дела, рассмотренные народными судами, специально организованной комиссией, за период с 1934 по 1937 гг. включительно. Было рассмотрено 29 249 дел с участием 38 982 человек. Были прекращены дела с освобождением 899 человек» [11, с. 27-30].

В то же время вполне демократические нормы не получили своего развития в эпоху расцвета «репрессивного конституционализма». Речь здесь идет о норме статьи 103 Конституции СССР 1936 года, в которой было указано, что рассмотрение дел во всех судах осуществляется с участием народных заседателей. Ее реализация затянулась на целое десятилетие. «Общая организация деятельности народных судов должна была завершиться с принятием закона о выборах народных судей и народных заседателей. Из-за слабого интереса со стороны правительства, а потом из-за войны закон был принят только в 1948 году. В его основу был положен предвоенный проект НКЮ СССР (1940 г.), предусматривающий упрощенную систему выборов» [12, с. 41-43]. Такой длительный период по затягиванию реализации конституционной нормы, заключенной в статье 103 Конституции СССР 1936 года, вполне объясним тем, что советское «правосудие» периода сталинизма должно было быть встроено в вертикаль государственной системы тоталитаризма, а принцип выборности никак в нее не вписывался. Советское «правосудие» должно было быть быстрым, как в процессуальной части, так и в исполнении. Поэтому судебная система периода сталинизма постоянно «совершенствовалась». «В 1934 г. в ходе создания НКВД СССР при Наркоме внутренних дел было образовано так называемое Особое совещание (ОСО), которое могло применять репрессию, подобно судебным органам, но без надлежащих процессуальных гарантий, даже без вызова самого обвиняемого. <...> Уже в 1937 г. Особое совещание получило все репрессивные права вплоть до расстрела» [13, с. 296]. Однако и этого было недостаточно, так как «выявление» антисоветских

¹ Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года // Собрание узаконений Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. 1937. № 2. Ст. 11.

² Конституция Татарской Автономной Советской Социалистической Республики: утверждена постановлением Чрезвычайного XI Съезда Советов Татарской АССР 25 июня 1937 года // Свод законов Республики Татарстан. Том 1. Казань: Идел-Пресс, 2010. С. 31-42.

³ О судеустройстве СССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 16 августа 1938 года // Ведомости Верховного Суда СССР. 1938. № 11.

элементов (контрреволюционеров, шпионов, вредителей) стремительно росло. С таким ростом не справлялись ни суды, ни даже Особое совещание Наркома внутренних дел. Требовалось еще больше ускорить «правосудие». Вот что пишет по этому поводу О.И. Чистяков: «В 1935 г. с явным превышением власти приказом НКВД были созданы так называемые тройки, которые стали как бы филиалами ОСО на местах. В них входили первый секретарь соответствующего обкома партии, начальник областного управления НКВД и областной прокурор. В 1937 г. в разгар массовых репрессий эта конструкция была еще упрощена – из «троек» исключили представителей партийных органов, сделав «двойки». <...> В середине 30-х гг. создавались также милицейские «тройки» для борьбы с мелкими правонарушителями в городах, для очистки городов от нежелательных элементов» [13, с. 296]. Внесудебная расправа выездными сессиями Верховного Суда СССР, специальными судами, Особым совещанием Наркома внутренних дел, «тройками», «двойками» стала нормой для советского государства периода 1930-1940-х годов. Все эти процессы инициировались и проводились исключительно в защиту созданного Конституцией СССР 1936 года советского государственного строя. Поэтому реализация статьи 103 Конституции СССР 1936 года, согласно которой рассмотрение дел во всех судах должно было осуществляться с участием народных заседателей, в рамках «репрессивного конституционализма» было абсолютно невозможным. Несложно сравнить длительность судебного процесса с участием народных заседателей и заседание обычной «двойки». Реализация института народных заседателей катастрофически затормозила бы «вершение» советского «правосудия».

Развитие «репрессивного конституционализма» отразилось и на системе органов прокуратуры, которая была выстроена по жесткой вертикали. В частности, в соответствии со статьей 114 Конституции СССР 1936 года Прокурор СССР назначался Верховным Советом СССР сроком на семь лет, который в дальнейшем, согласно статье 115, назначал сроком на пять лет прокуроров субъектов СССР и союзных республиках (республиканских, краевых, областных прокуроров, а также прокуроров автономных республик и автономных областей). Для сравнения: в настоящее время, согласно части 3 статьи 129 Конституции Российской Федерации 1993 года¹, прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются на должность Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора Российской Федерации, согласованно-

му с субъектами Российской Федерации. По Конституции РФ 1993 года в формировании системы органов прокуратуры Российской Федерации участвуют Президент, Совет Федерации, Генеральный прокурор, субъекты Российской Федерации. В то же время, согласно статье 116 Конституции СССР 1936 года, окружные, районные и городские прокуроры назначались прокурорами союзных республик с утверждения Прокурора СССР сроком на пять лет. Таким образом, становится очевидно, что формирование всей системы советской прокуратуры зависело от Прокурора СССР, де-факто подчиненного И.В. Сталину. В этом отношении О.И. Чистяков делает следующий вывод: «Нельзя сказать, что все эти беззакония совсем не вызывали никаких протестов, и в первую очередь со стороны прокуратуры. Во всяком случае, факты активного противодействия беззаконию отмечаются в первой половине 30-х гг. Однако известны случаи, когда прокурорское реагирование на произвол приводило к тому, что сами прокуроры оказывались за решеткой. Такая судьба постигла даже Прокурора Союза И.А. Акулова» [13, с. 299].

Для практической реализации основ «репрессивного конституционализма», заложенного Конституцией СССР 1936 года, требовались соответствующие кадры: юристы, лишённые нравственных принципов, готовые на любой поступок в угоду власти. Так «рождались» советские прокуроры периода сталинизма, которые в 1935-1937 годы «были втянуты в творящиеся беззакония, когда они были включены в пресловутые "тройки" и "двойки"» [13, с. 299].

Здесь не следует забывать и о самом «верном ревнителе» социалистической «справедливости» – Вышинском Андрее Януарьевиче, занимавшем должность Прокурора СССР (1935-1939-е годы). Во многом А.Я. Вышинский прославился как непосредственный организатор массовых репрессий, выступавший в качестве государственного обвинителя в политических процессах. В правовых трудах А.Я. Вышинского не просто бессовестно оправдывались массовые репрессии, но и создавалась теоретическая база «репрессивного конституционализма». Например, в одной из своих работ [14, с. 18-35] А.Я. Вышинский высказывает многочисленные обвинения в адрес «троцкистско-фашистских агентов» (признания которых были получены под жесточайшими пытками), представляя их как «беспринципную банду вредителей, диверсантов, шпионов и убийц из иностранных разведок» [14, с. 19]. При этом А.Я. Вышинский делает «откровенное признание»: «В борьбе с таким врагом недостаточно одной решительности: нужно большое

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) (с изм. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

искусство, большое умение разоблачать врага и его преступные махинации. В этом заключается одна из важнейших задач в борьбе с троцкистско-фашистскими бандитами» [14, с. 25]. Длинные речи А.Я. Вышинского изобилуют коммунистическим пафосом, они наполнены «заботой» о народе и «благе» Родины, требованиями о социалистической «справедливости» и «законности». Например, блестяще отстаивая «честь» руководителей тоталитарного режима по делу Троцкистско-Зиновьевского террористического центра, А.Я. Вышинский заявлял: «Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе и Косиора, против наших руководителей, руководителей советского государства» [15, с. 356]. Тем не менее А.Я. Вышинский, «тщательно» исследуя дело, как-то пропустил одного из «врагов народа»: С.В. Косиор, первый секретарь Коммунистической партии Украины, заместитель председателя правительства СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б), один из организаторов голода в Украине в 1932-1933 годах, впоследствии был «разоблачен» и 26 февраля 1939 года расстрелян. Никогда А.Я. Вышинский не забывал и про «политические цели» – воспитание послушного тоталитарному режиму общества. В этом смысле показателен судебный процесс 1935 года по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан». В частности, цель данного процесса А.Я. Вышинский истолковывает следующим образом: «Смысл и основное назначение этого процесса заключается в стремлении поднять на более высокую политическую высоту понимание каждым работником нашего водного транспорта той громадной ответственности, которая лежит на нем в области разрешения громадных задач, стоящих перед нашим транспортом» [15, с. 215]. Подобные А.Я. Вышинскому «юристы» не просто обеспечивали функционирование тоталитарного режима – они создавали его высшую законодательную базу и теоретико-правовую основу «репрессивного конституционализма», оправдывая его целесообразность. Таким образом, создание жесткой вертикали органов советской прокуратуры вовсе не способствовало эффективному и справедливому правосудию. В целом советская прокуратура периода сталинизма стала тем органом, который раз за разом непосредственно подтверждал абсолютную легальность «репрессивного конституционализма», обеспечивая процветание кровавого террора.

Благодаря «Сталинской конституции» юридическая наука узнала, что конституционализм не всегда является системой знаний о фундаментальных общечеловеческих политико-правовых ценностях, находящих свое выражение в конституциях и демократической конституционной теории, их содержании, формах, методах и степени реализации, и что в непреложном круге ценностей конституционализма лежат такие приоритеты, как личность, ее права и свободы, народовластие, парламентаризм, верховенство права, разделение властей, защита всех форм собственности, идеологически и политический плюрализм, социальная справедливость [2, с. 440]. Сталинизм извратил саму суть конституционализма. Поэтому точка зрения Н.О. Щербаковой, что «конституционные нормы, связывающие воедино все отрасли права, не имеют и не могут иметь "утверждающего" характера, им чужда карательная функция» [16, с. 115-119], никак не может быть применена по отношению к Конституции СССР 1936 года. Здесь нельзя не согласиться со следующим мнением С.И. Колотыркиной: «Карательная функция конституционного права имеет существенные отличия от карательной функции юридической ответственности в целом. В первую очередь это связано с тем фактом, что карательный потенциал негативной конституционной ответственности не так однозначен, как, например, карательный потенциал ответственности уголовной или административной» [10, с. 46]. Тем не менее вышеуказанные правовые позиции являются отражением современного конституционализма и неприменимы к периоду 1930-1950-х годов.

«Репрессивный конституционализм» в «Сталинской конституции» доказал, что конституционные нормы вполне могут иметь карательную функцию. Этот вывод находит свое подтверждение в статье 133 Конституции СССР 1936 года, в которой было однозначно установлено, что измена «родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние». Бесспорно, что под «всею строгостью закона» понималось лишь одно – высшая мера наказания – смертная казнь. Некоторые правоведы могут выразить несогласие с данной точкой зрения, используя ссылку на часть 2 статьи 20 Конституции СССР 1993 года. Однако здесь следует отметить, что вышеуказанные конституционные нормы кардинально отличаются и поэтому в юридическом отношении неравнозначны. Во-первых, в части 2 статьи 20 Конституции СССР 1993 года говорится о допустимости, а не однозначности наказания в виде смертной казни; во-вторых, и это является главным, конституционная норма не

содержит карательную функцию, так как учреждает, что «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом». В противоположность сказанному «Сталинская конституция» карательную функцию сделала неотъемлемой частью советского конституционализма, активно применяя ее в качестве превентивной меры для борьбы с «врагами народа».

Известно, что «выражение "враг народа" впервые появилось во время Великой французской революции 1789 г. и широко использовалось в политической риторике Дантона, Робеспьера и других революционных лидеров» [17, с. 116]. В то же время понятие «враг народа» впервые было закреплено на конституционном уровне в абзаце 2 статьи 131 «Сталинской конституции». Определение данного понятия было крайне лаконичным: «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа». Также следует процитировать и абзац 1 статьи 131 Конституции СССР 1936 года, дополняющий вышеуказанное определение «врага народа»: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся». Подчеркнем, что содержание статьи 131 напрямую ставит «взаимозависимость» конституционной обязанности и причисление лица к категории «врага народа». Другими словами, априори любой гражданин СССР мог стать «врагом народа» лишь вследствие неисполнения конституционной обязанности по обереганию и укреплению социалистической собственности. При этом с понятием «социалистическая собственность» ассоциируется непосредственно само советское государство. Следовательно, любой «некачественный труд» на советском производстве или «инакомыслие» в отношении функционирования государственного строя автоматически превращает любое лицо во «врага народа». Это формула, введенная в оборот Конституцией СССР 1936 года, неустанно соблюдалась всеми исполнительными и судебными органами власти на протяжении значительного периода существования советской власти.

В Конституции СССР 1936 года был целый ряд весьма удивительных статей, например:

– статья 125, согласно которой гарантировалась свобода слова, свобода печати, свобода собраний и митингов, свобода уличных шествий и демонстраций;

– статья 127, согласно которой гражданам СССР обеспечивалась неприкосновенность личности, и никто не мог быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора;

– статья 128, согласно которой неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охранялась законом.

Однако эти нормы Конституции СССР 1936 года были всего лишь демократической ширмой для беззакония тоталитарного режима. Вышеприведенный анализ позволяет решительно опровергнуть мнение о демократическом содержании «Сталинской конституции», которая не только не давала начало для реализации демократических институтов, но и в своем внутреннем содержании противоречила духу конституционализма. «По иронии судьбы или в силу цинизма И.В. Сталина конституционные нововведения совпали по времени с чудовищными репрессиями против миллионов невинных людей, которые без суда и следствия лишались свободы, подвергались заключению в концлагеря, где их труд использовался в целях "социалистического строительства". Многие были расстреляны или погибли на каторге» [1, с. 64]. Позволим не согласиться с этой мыслью М.В. Баглая – «конституционные нововведения» были далеко не простым совпадением, а являлись «запланированным» шагом для проведения широкомасштабных репрессий и тотальных депортаций. Сама цель принятия Конституции СССР 1936 года – это «узаконение беззакония», то есть создание «уникальной» модели «репрессивного конституционализма», которая возвела жесткость в качестве естественного и неотъемлемого элемента функционирования правовой системы.

Обсуждение и заключения

Подводя итог, отметим, что «репрессивный конституционализм» – это явление, характерное исключительно для периода тоталитаризма. После смерти «отца народов» «репрессивный конституционализм» хотя и медленно, но стал исчезать из практической реализации норм Конституции СССР 1936 года. После принятия Конституции СССР 1977 года («Брежневской конституции»)¹ значительно снижается карательная функция конституционных норм, и уже к началу «перестройки» М.С. Горбачева термин «репрессивный конституционализм» нельзя применять к советскому режиму.

За последние три десятилетия было установлено число лиц, пострадавших от сталинизма. По этому поводу О.И. Чистяков пишет: «За 1930-1953 гг. оно составило 3 778 234 осужденных всеми судебными

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617. 12 октября.

и внесудебными органами <...> Конечно, это тоже громадное число. Но надо иметь в виду, что в массе осужденных были как невиновные, так и виновные в государственных преступлениях» [13, с. 300]. Тем самым О.И. Чистяков пытается оправдать целесообразность и вынужденность проведения массового террора. Это недопустимо для юридической науки. Зверства и жестокость не могут быть оправданы ничем. Юристы должны понимать это и обязаны доносить эту мысль до общественного правосознания. Они не имеют права оправдывать жестокость. Крайне удручающей представляется проявляющаяся в современном правосознании российского общества тенденция оправдания сталинизма. «Вождя народов» представляют как «сильного» лидера, «боровшегося» за величие СССР на международной арене, «победившего» нацизм и прочее. При этом общество совершенно не желает помнить и «забывает» о нескольких десятках миллионов безвинных людских жертв тотальных депортаций и широкомасштабного террора. Такое количество жертв стало возможным исключительно вследствие осуществления правовой политики, легализованной Конституцией СССР 1936 года и тео-

ретически обоснованной модели «репрессивного конституционализма».

При изобилии литературы и открытых архивных фондов современных юристов России мало интересуют вопросы такой формы государственного режима, как тоталитаризм, изучение которой, несомненно, способствовало бы предотвращению возможной негативной трансформации авторитарной власти. В целях выявления тенденций, способствующих развитию тоталитаризма, для отечественной юриспруденции требуются обширные исследования тоталитарного и авторитарного режимов в соотношении с конституционализмом, правовой политикой, законодательством и прочими элементами государственно-правовой системы. Считаем, что в настоящее время за попытки оправдания сталинизма и непосредственно деятельности И.В. Сталина необходимо введение в законодательство Российской Федерации норм об административной (за впервые совершенное правонарушение) и уголовной ответственности (за повторное совершение). Это позволит поднять на новый уровень правовую культуру общества и индивидуальное правосознание каждой отдельно взятой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.
2. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. 1272 с.
3. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М.: Фонд «ПЦ Б.Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2010. 854 с.
4. Ферр Г. Оболганный сталинизм. Клевета XX съезда / пер. с англ. М.: Алгоритм, 2015. 478 с.
5. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А.И. Пигалева. М.: Фонд «ПЦ Б.Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2010. 444 с.
6. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: Изд-во «МФД», 2016. 912 с.
7. Политбюро и «вредители». Кампания по борьбе с «вредительством» на объектах военной промышленности / сост. О.Б. Мозохин, В.В. Кондрашин. М.: Изд-во «МФД», 2016. 752 с.
8. Дети ГУЛАГа. 1918-1956 / сост. С.С. Виленский, А.И. Какурин, Г.В. Аتماшкина, И.Ю. Новиченко. М.: Изд-во «МФД», 2002. 632 с.
9. Сталинские депортации. 1928-1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян; ред. А.Н. Яковлев. М.: Изд-во «МФД», 2005. 904 с.
10. Колотыркина С.И. Карательная функция конституционной ответственности и ее санкции // Труды Института государства и права РАН. 2014. № 2. С. 35-46.
11. Мухамадеев А.Р. Судебная система Татарской АССР после принятия Конституции ТАССР 1937 года // История государства и права. 2008. № 13. С. 27-30.
12. Козинцев А.Я. Проекты положений о выборах народных судов накануне и в годы войны // Военно-юридический журнал. 2009. № 7. С. 41-43.
13. История отечественного государства и права. Ч. 2: учебник / под ред. О.И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 544 с.
14. Вышинский А.Я. Некоторые методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков // ... Будем зорки и бдительны: сборник статей и материалов. Воронеж: Воронеж. обл. кн-во, 1937. 165 с.
15. Вышинский А.Я. Судебные речи. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 520 с.
16. Щербакова Н.В. О санкциях в конституционном (государственном праве) // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных государств: сб. ст. / под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 115-119.
17. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 736 с.

REFERENCES

1. Baglaj M.V. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii: ucheb. dlya vuzov. 6-e izd., izm. i dop. M.: Norma, 2007. 784 s.
2. YUridicheskaya enciklopediya / otv. red. B.N. Topornin. M.: YUrist', 2001. 1272 s.
3. Baberovski J. Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze / per. s nem. V.T. Altuhova. M.: Fond «PC B.N. El'cina»; ROSSPEN, 2010. 854 s.
4. Ferr G. Obolgannyj stalinizm. Kleveta XX s"ezda / per. s angl. M.: Algoritm, 2015. 478 s.
5. Vert N. Terror i besporjadok. Stalinizm kak sistema / per. s fr. A.I. Pigaleva. M.: Fond «PC B.N. El'cina»; ROSSPEN, 2010. 444 s.
6. Lubyanka. Stalin i VCHK-GPU-OGPU-NKVD. YAnvar' 1922 – dekabr' 1936 / sost. V.N. Haustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. M.: Izd-vo «MFD», 2016. 912 s.
7. Politbyuro i «vrediteli». Kampaniya po bor'be s «vreditel'stvom» na ob"ektah voennoj promyshlennosti / sost. O.B. Mozohin, V.V. Kondrashin. M.: Izd-vo «MFD», 2016. 752 s.
8. Deti GULAGa. 1918-1956 / sost. S.S. Vilenskij, A.I. Kakurin, G.V. Atmashkina, I.YU. Novichenko. M.: Izd-vo «MFD», 2002. 632 s.
9. Stalinskie deportacii. 1928-1953 / sost. N.L. Pobel', P.M. Polyan; red. A.N. YAKovlev. M.: Izd-vo «MFD», 2005. 904 s.
10. Kolotyrkina S.I. Karatel'naya funkciya konstitucionnoj otvetstvennosti i ee sankcii // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2014. № 2. S. 35-46.
11. Muhamadeev A.R. Sudebnaya sistema Tatarskoj ASSR posle prinyatiya Konstitucii TASSR 1937 goda // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. № 13. S. 27-30.
12. Kodincev A.YA. Proekty polozhenij o vyborah narodnyh sudov nakanune i v gody vojny // Voенно-yuridicheskij zhurnal. 2009. № 7. S.41-43.
13. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. CH. 2: uchebnik / pod red. O.I. CHistyakova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: YUrist', 2004. 544 s.
14. Vyshinskij A.YA. Nekotorye metody vreditel'sko-diversionnoj raboty trockistsko-fashistskih razvedchikov // ... Budem zorki i bditel'ny: sbornik statej i materialov. Voronezh: Voronezh. obl. kn-vo, 1937. 165 s.
15. Vyshinskij A.YA. Sudebnye rechi. M.: YUridicheskoe izdatel'stvo NKYU SSSR, 1938. 520 s.
16. SHCHerbakova N.V. O sankciyah v konstitucionnom (gosudarstvennom prave) // Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost': problemy Rossii, opyt zarubezhnyh gosudarstv: sb. st. / pod red. S.A. Avak'yana. M.: Izd-vo MGU, 2001. S.115-119.
17. Rossiya. Bol'shoj lingvostranovedcheskij slovar' / pod obshch. red. YU.E. Prohorova. M.: AST-PRESS KNIGA, 2007. 736 s.

Об авторах: Гатауллин Анас Газизович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

e-mail: anas6140@rambler.ru

Зайнутдинов Динар Рафаилович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)

e-mail: knight_1988@mail.ru

© Гатауллин А.Г., 2019.

© Зайнутдинов Д.Р., 2019.

Статья получена: 19.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the authors: Gataullin Anas G., Doctor of Law, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of Kazan Federal University

e-mail: anas6140@rambler.ru

Zaynutdinov Dinar Rafailovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of Department of Theory of State and Law and Public Disciplines of Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)

e-mail: knight_1988@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Гатауллин Анас Газизович – постановка цели и задач исследования, определение объекта и методов, анализ результатов и выводов исследования, их уточнение и дополнение, научная редакция текста.

Зайнутдинов Динар Рафаилович – сбор и анализ эмпирического, исторического и научного материала, его обобщение, формулирование общей идеи исследования, теоретические выводы, оформление статьи по установленным требованиям.

Л.В. Карнаушенко

ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА ДЖ. ФИННИСА
КАК ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ ПРАВА

THE THEORY OF NATURAL LAW OF J. FINNIS
AS THE REVIVAL OF THE METAPHYSICS OF LAW

Введение: аксиология права Дж. Финниса является одним из наиболее авторитетных учений в современной западной философии права, где ставится и решается задача по определению онтологического статуса правовой реальности. В настоящей статье рассматривается вопрос о необходимости связи между аксиологической проблематикой в структуре философии права и метафизическим подходом к раскрытию данной проблематики.

Материалы и методы: предметом исследования является аксиологический аспект теории права Дж. Финниса и его связь с общей парадигмой метафизики права. Рассмотрение данного вопроса осуществляется на материалах изложения теории естественного права самим Финнисом. Кроме того, в объект исследования входит реакция на теорию естественного права, возникшая в кругах позитивно-правовых учений, и критика современного состояния онтологии права в актуальной научной литературе. Метод исследования: анализ правовой концепции Финниса, направленный на установление связи между аксиологической проблематикой и метафизическим решением проблематики в отношении права.

Результаты исследования: применение аналитической методологии к философии права Финниса позволяет отделить аксиологию права от метафизики права, а также разграничить имманентную метафизику права и трансцендентную метафизику права, что позволяет по-новому взглянуть на соотношение теории естественного и позитивного права.

Обсуждение и заключения: в заключении обосновывается тезис, что при условии должной дифференциации аксиологии права и дифференциации метафизики права обнаруживается вариативность связей, конечный характер которых определяется общей парадигмой исследования, имеющей внеправовые основания.

Ключевые слова: аксиология права, имманентная метафизика права, трансцендентная метафизика права, философско-правовой дискурс, естественное право, позитивное право.

Для цитирования: Карнаушенко Л.В. Теория естественного права Дж. Финниса как возрождение метафизики права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 158-162. DOI: 10.24420/KUI.2019.12.17.005

Introduction: Finnis's axiology of law is one of the most authoritative doctrines in modern western legal philosophy, where the task of defining the ontological status of legal reality is set and being solved. This article examines the need for a connection between the axiological issues in the structure of the philosophy of law and the metaphysical approach to the disclosure of this problem.

Materials and Methods: the subject of research is the axiological aspect of J. Finnis's theory of law and its connection to the general paradigm of law metaphysics. The consideration of this issue is carried out on the materials of the presentation of the theory of natural law by Finnis himself. In addition, the object of the study includes a reaction to the theory of natural law, which has arisen in the circles of positive legal doctrines and criticism of the current state of the ontology of law in modern scientific literature. Research method: analysis of the legal concept of Finnis, aimed at establishing the connection between axiological problems and the metaphysical solution of problems, in relation to law.

Results: the application of analytical methodology to Finnis's philosophy of law makes it possible to separate the axiology of law from the metaphysics of law, as well as to distinguish between the inherent metaphysics of law and the transcendental metaphysics of law, which makes it possible to take a fresh look at the relationship between the theory of natural and positive law.

Discussion and Conclusions: in conclusion, the thesis is substantiated that, subject to the proper differentiation of the axiology of law, on the one hand, and the differentiation of the metaphysics of law, on the other, the

variability of connections is found, the final character of which is determined by the general research paradigm having out-of-law grounds.

Keywords: axiology of law, immanent metaphysics of law, transcendent metaphysics of law, philosophical and legal discourse, natural law, positive law

For citation: Karnaushenko L.V. The theory of natural law of J. Finnis as the revival of the metaphysics of law // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 158-162. DOI: 10.24420/KUI.2019.12.17.005

Введение

Теория естественного права Дж. Финниса относится к наиболее авторитетным учениям в области аксиологии права [1]. Возрождение метафизики права в современном философско-правовом дискурсе и возрастающая роль аксиологического аргумента в системе правоприменительной практики (о чем упоминает Р. Дворкин) представляют собой взаимосвязанные явления [2]. В связи с этим невозможно отрицать влияние метафизических правовых концепций, формируемых в русле теории естественного права, на функционирование правовых институтов. В этом смысле позитивистская программа противопоставления аналитики действующих правовых систем и абстрактно-теоретического уровня метафизико-правовых учений перестает отражать современную ситуацию соотношения правовой сферы жизни общества и мировоззренческих оснований культуры. Тематика соотношения морали и права получает выражение в крупнейших естественно-правовых учениях XX века. К таковым можно отнести теорию права Фуллера, в которой обосновывается связь между моралью и правом (мораль как имманентный принцип права), аксиологическую метафизику права Финниса, герменевтику права Дворкина и ряд других учений.

Теоретическая проблема, возникающая на фоне рецепции теории естественного права, состоит в том, что аксиология права во многом в связи с развитием позитивно-правовых концепций права (Кельзен, Харт) перестает быть прерогативой именно метафизико-правовых учений [3, 4]. С другой стороны, теории естественного права обнаруживают выход в сферу метафизики права именно через аксиологическую проблематику, применимую к правовой реальности [5]. Отсюда возникает вопрос относительно предметной и сущностной связи между аксиологией права и метафизикой права.

Обзор литературы

Аксиология права Дж. Финниса раскрывается в фундаментальном произведении «Естественное право и естественные права». Данная книга публикуется в том числе и на русском языке [6]. Теория естественного права Дж. Финниса получает широкое признание, как со стороны последователей, так и со стороны критиков и оппонентов. Также можно

отметить возрастающий интерес к аналитической философии права, к теоретической дискуссии между теориями естественного и позитивного права в отечественной научной литературе [7, 8, 9, 10]. В связи с этим неуклонно возрастает количество исследовательских работ, так или иначе отражающих основные идеи философии права Финниса.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет аналитический подход в отношении системы идей, составляющих ядро рассматриваемого естественно-правового учения. Здесь же стоит сделать уточнение: позиционируемое нами разграничение имманентной и трансцендентной метафизики права в представленном тексте носит преимущественно инструментальный характер.

Логика исследования такова. Предполагается реконструкция связей между основополагающими идеями с целью установления онто-эпистемологического статуса аксиологической теории естественного права Дж. Финниса. В частности, актуализируется ряд вопросов. Предполагает ли с необходимостью аксиология права общую телеологическую концепцию правовых ценностей? Предполагает ли телеологический подход к проблеме правовых ценностей метафизику права? И является ли общая теория права, абстрагировавшаяся от метафизики права, в то же время дисциплиной, абстрактной от предметного поля аксиологии права?

Результаты исследования

С философией права Финниса связана основная разработка ценностного подхода в отношении содержания права как идеи, определяющей нормативный характер социального взаимодействия. Финнис находится в ряду теоретиков права, утверждавших неразрывность морали и права. Однако, в отличие от Л. Фуллера, который ограничивается структурной типологией морали (мораль долга и мораль стремления) и конкретно не погружается в аналитику непосредственного содержания морали [8,11], Финнис рассматривает мораль с позиции ценностей, на которые она направлена. В результате право получает не только ценностную форму, но и ценностное содержание [8]. Однако аксиология права Финниса, благодаря этому, прочно закрепляет за собой статус современной версии ме-

тафизического учения о праве. Этому способствует и то большое внимание, которое философ уделяет исследованию права у Фомы Аквинского.

На общем фоне того, что метафизическая парадигма мышления испытывает серьезное давление со стороны позитивистской модели научного познания с одной стороны и со стороны диалектической методологии мышления с другой, вызывает интерес, каковы новые стратегии, задействованные метафизикой права, для обоснования собственной актуальности. В лице Финниса мы видим выдающегося теоретика права, который решает данную задачу с позиции аксиологического подхода, что отсылает нас к антропологии и аксиологии М. Шелера и его аргументам в пользу научности общей теории ценностей.

Естественно-правовые учения играют двоякую роль в системе общего развития теории права. С одной стороны, они реализуют выразительную функцию в том смысле, что делают доступными для теоретического познания исследование роли морали в сфере правовой деятельности. То есть естественно-правовые теории призваны раскрывать действительные механизмы формирования и развития правосознания и выводить мировоззренческие детерминанты правовой сферы жизни общества из тени. С другой стороны, теории естественного права, каждая в своей степени, реализуют аксиологическую функцию, задают ценностные ориентиры для прикладной сферы права. Делая мировоззренческие основания права теоретически оформленными и тем самым осознанными, естественно-правовые теории допускают их существенную корректировку в соответствии с идеальными ориентирами права. Таким образом, теории естественного права повышают управляемость правосознанием в соответствии с принципами практической рациональности. Данная тематика хорошо представлена в теории естественного права Дж. Финниса.

Теория естественного права Дж. Финниса ориентирована на то, чтобы показать связь между принципами функционирования правовых институтов и основополагающими ценностями человеческого и социального бытия [8]. Необходимость в установлении характера данной связи обусловлена тем, что в основе идеи права уже заложен принцип защиты ценностей. Поскольку право немислимо вне ценностного измерения, возникает вопрос, касающийся зависимости онтологического статуса самих ценностей и последствий для правовой сферы жизни общества от того или иного способа решения данного вопроса.

С точки зрения Финниса, невозможно сформировать адекватное и целостное понимание права без прояснения того, в чем заключается его целесообразность и на какие конкретные цели оно

ориентировано [6]. Особенность теоретического подхода Финниса состоит в гипотезе, согласно которой ценности, имманентно присутствующие в праве, являются общечеловеческими ценностями, поэтому в отношении самого исследования более целесообразно априорно определить базовый набор всеобщих ценностей и применить их к системе права, чем, анализируя актуально присутствующие в культуре системы права, доказывать факт присутствия в них общечеловеческих ценностей. Априорное отношение к общечеловеческим ценностям оправдано в том числе в свете нормативной природы права. В связи с этим ценности присутствуют не в качестве реальных или абстрактных объектов, соотносимых со сферой существующего, а в качестве формализованного долженствования.

Правовые нормы отсылают нас к сфере должного, которое, как предполагается, выступает в роли практического ориентира для осуществления конкретной системы социальных взаимоотношений. Выход на уровень философской рефлексии в отношении феномена права с неизбежностью приводит к определению различия между законами природы и теми законами, которые устанавливаются в системе общества. Суть этого различия в том, что первые нельзя нарушить ни при каких обстоятельствах, тогда как вторые нельзя нарушать, но при этом их нарушение является возможным и практически неизбежным. Данное различие при определенном теоретическом ракурсе пронизывает и саму «социальную материю»: можно говорить о законах социального развития как общем предметном поле социального познания, можно говорить о законах, в соответствии с которыми намеревается развиваться конкретное общество и в конкретную эпоху. При этом онтологический статус законов первого порядка и законов второго порядка существенным образом различается.

Правовые законы и нормы, очевидно, не открываются, как в естествознании, а создаются всякий раз в конкретной социокультурной ситуации. Данное обстоятельство, при условии возможности отстраненного рефлексивного созерцания устанавливаемых законов, способно породить вопрос доверия к ним. Иными словами, ключевой вопрос философии права состоит в том, что именно удостоверяет номинативно-правовые нормы в качестве действительно правовых?

Метафизика права формируется в строго определенной социокультурной парадигме – в античной традиции, впервые дающей идеалистическую модель онтологического обоснования базовых социальных «добродетелей», а через них и критериев действительности для устанавливаемых социальных норм. Развитие тематики совершенного и

несовершенного способа организации общества в античной культуре осуществляется именно в этом ключе. Далее благодатной почвой для метафизики права становится схоластическая традиция средневековой философии, дающая строгое категориальное разграничение естественного и позитивного права с позиции теологии.

В этом смысле правовая сфера жизни общества немыслима вне ценностного измерения, что порождает необходимость структуризации правовых ценностей, а также определения их онтологического статуса. В теории права Дж. Финниса вызывает доверие то, что автор определяет круг данных ценностей, предлагает опыт культурологической экспликации их содержания. Кроме того, в отличие от классической метафизики права, в которой превалирует концепция трансцендентных оснований социальных ценностей, Дж. Финнис делает важный шаг в сторону имманентной парадигмы ценностей. Это, в свою очередь, позволяет разграничивать трансцендентную и имманентную метафизику права. Введение данного разграничения позволяет избежать проблемы соотношения аксиологии права и метафизики права.

Методологические трансформации в системе современного научного познания предполагают активное взаимодействие исследовательских стратегий, привнесенных из различных теоретических областей [12, 13]. Подобное обстоятельство определяет необходимость совершенствования аналитической методологии с целью разграничения концептов [14].

Обсуждение и заключения

Термин «метафизика права», широко используемый в современных исследованиях, объектом которых становятся те или иные правовые теории, отражает лишь общую ориентацию данных теорий на поиск сущностных оснований правовой

реальности. То есть метафизическими правовые теории являются постольку, поскольку рассматривают право в системе социальных связей и в общественном сознании как явление, предполагающее диалектическую пару – сущность. Абсолютизация сущностного подхода к проблеме права традиционно именуется метафизикой права. Следует, однако, учитывать то, что введение термина «метафизика права» способно сыграть двоякую роль в системе науки и образования. С одной стороны, вводится классифицирующее основание для правовых концепций, что позволяет лучше «разбираться» в философско-правовых теориях на стадии получения образования. Однако вместе с этим закладывается стереотип относительно однородности метафизически ориентированных философско-правовых учений. Данное обстоятельство нуждается в более внимательном отношении. Предлагаемое в данной статье разграничение имманентной и трансцендентной метафизики права позволяет по-новому взглянуть на соотношение теории естественного и позитивного права. Также приведенное разграничение метафизики права и аксиологии права на уровне теоретической предметности позволяет сделать вывод о синтетическом единстве ценностных концептов и метафизических принципов в структуре естественно-правовых теорий. Это означает необходимость включения в предметность философско-правового исследования дополнительных оснований, ответственных за формирование тех или иных смысловых связей в исследуемых философско-правовых теориях. Подобная саморефлексия на современном уровне развития метафизики права является необходимой, поскольку иначе метафизика права утратит статус теоретического подхода к философии права и будет вытеснена в сферу повседневного знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ивушкин А. С. Социально-экономические права в контексте теории публичного права Лона Фуллера и Джона Финниса // Теория и практика общественного развития. 2017. № 1. С.132-134.
2. Коваленко А. В. Основные философско-правовые идеи труда Рональда Дворкина «О правах всерьез» // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 365-374.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
4. Харт Г.Л. А. Понятие права : пер. с англ. / под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с.
5. Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г.Л.А. Хартом и Л.Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. № 330. С. 55-59.
6. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с.
7. Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Том. ун-та. Томск, 2016. 244с.
8. Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae, СХОЛЭ. 2014. № 2. С.418-424.
9. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Брайан Бикс и аналитическая философия права в Америке // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 206-210.

10. Оглеzneв В.В. Аналитическая философия права: новый подход к решению старых проблем // Философия права. 2010. № 5. С. 7-10.
11. Фуллер Л.А. Мораль права / Лон А. Фуллер; пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М.: ИРИС ЭН, 2007. 308 с.
12. Гришай Е.В., Плотников В.В. Интегративные тенденции в методологических установках социально-гуманитарного познания: социально-философский анализ на примере исследования феноменологических оснований историзма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 126-130.
13. Лукьянов Д.В. О пользе «Коммуникатологического» понимания концепции научных революций Томаса Куна // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 3 (9). С. 65-73.
14. Фон Вригт Георг Хенрик. Аналитическая философия: историко-критический обзор // Кантовский сборник. 2013. № 1. С. 78-89.

REFERENCES

1. Ivushkin A. S. Social'no-ekonomicheskie prava v kontekste teorii publichnogo prava Lona Fullera i Dzhona Finnis-a // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2017. № 1. S.132-134.
2. Kovalenko A. V. Osnovnye filosofsko-pravovye idei truda Ronal'da Dvorkina «O pravah vser'ez» // Problemy zakonnosti. 2013. № 123. S. 365-374.
3. Kel'zen G. CHistoe uchenie o prave. 2-e izd / per. s nem. M.V. Antonova i S.V. Lyozova. SPb.: ООО Izdatel'skij Dom «Alef-Press», 2015. 542 s.
4. Hart G.L. A. Ponyatie prava : per. s angl. / pod obshch. red. E.V. Afonasina i S.V. Moiseeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 302 s.
5. Ogleznev V.V. Pereosmyslenie i novaya interpretaciya diskussij mezhd G.L.A. Hartom i L.L. Fullerom i ih znachenie dlya analiticheskoy filosofii prava // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2010. № 330. S. 55-59.
6. Finnis Dzh. Estestvennoe pravo i estestvennye prava. M.: IRISEN, Mysl', 2012. 554 s.
7. Didikin A.B. Analiticheskaya filosofiya prava: istoki, genezis i struktura. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. Tomsk, 2016. 244s.
8. Didikin A.B. Sovremennye teorii estestvennogo prava i klassicheskaya tradiciya // Schole, SKHOLE. 2014. № 2. S.418-424.
9. Ogleznev V.V., Surovcev V.A. Brajan Biks i analiticheskaya filosofiya prava v Amerike // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2013. № 2 (22). S. 206-210.
10. Ogleznev V.V. Analiticheskaya filosofiya prava: novyj podhod k resheniyu staryh problem // Filosofiya prava. 2010. № 5. S. 7-10.
11. Fuller L.A. Moral' prava / Lon A. Fuller; per. s angl. T. Danilovoj; pod red. A. Kuryaeva. M.: IRIS EN, 2007. 308 s.
12. Grishaj E.V., Plotnikov V.V. Integrativnye tendencii v metodologicheskikh ustanovkah social'no-gumanitarnogo poznaniya: social'no-filosofskij analiz na primere issledovaniya fenomenologicheskikh osnovanij istorizma // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 4 (34). S. 126-130.
13. Luk'yanov D.V. O pol'ze «Kommunikatologicheskogo» ponimaniya koncepcii nauchnyh revolyucij Tomas-a Kuna // Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie». 2017. № 3 (9). S. 65-73.
14. Fon Vrigt Georg Henrik. Analiticheskaya filosofiya: istoriko-kriticheskij obzor // Kantovskij sbornik. 2013. № 1. S. 78-89.

Об авторе: Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
e-mail: karnl@mail.ru
© Карнаушенко Л.В., 2019.

Статья получена: 19.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

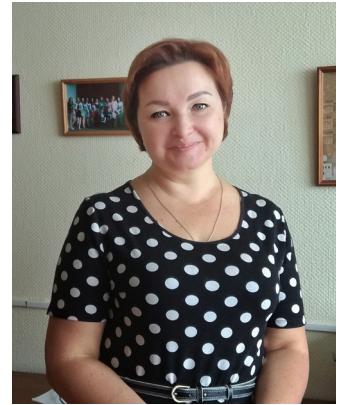
About the author: Karnaushenko Leonid V., Doctor of History, Professor, Head of Chair of Theory and History of Law and State of Krasnodar University of MIA of Russia
e-mail: karnl@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

М.А. Никищенкова

**ЕДИНСТВО И СОГЛАСОВАННОСТЬ СИСТЕМЫ ПРАВА
И СИСТЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

**THE UNITY AND COHESION OF THE SYSTEM OF LAW
AND SYSTEM OF LEGISLATION**

Введение: в статье рассматриваются основные подходы к определению системности права, выявлению единства составляющих ее структурных элементов посредством определения объективных и субъективных факторов, влияющих на ее структурную организацию, принципы строения и развития.

Материалы и методы: исследование основано на использовании диалектического, системного и функционального методов. Поставленные задачи определения внутренней согласованности системы права и системы законодательства могут быть решены благодаря диалектическому методу познания; рассмотрение системы права и системы законодательства как единого механизма согласованных и взаимодействующих элементов осуществляется на основании системного метода; выявление связи общественных отношений, системы права и системы законодательства становится возможным в рамках использования функционального метода.

Результаты исследования: систему права и систему законодательства необходимо рассматривать как единый механизм согласованных и взаимодействующих структурных элементов системы, взаимосвязанных друг с другом и с системой регулируемых общественных отношений.

Обсуждение и заключения: системное познание права возможно в определении объективных закономерностей его построения, нашедших свое воплощение в структуре построения системы права и системы законодательства.

Ключевые слова: общественные отношения, система права, система законодательства, содержание права, внутренняя и внешняя форма права, единство элементов системы права

Для цитирования: Никищенкова М.А. Единство и согласованность системы права и системы законодательства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 163-167. DOI: 10.24420/KUI.2019.96.48.006

Introduction: the article deals with the main approaches to the definition of the system of law, the identification of the unity of its constituent structural elements by determining the objective and subjective factors affecting its structural organization, the principles of structure and development.

Materials and Methods: the study is based on dialectical, systemic and functional methods. Assigned task of determining the internal coherence of the legal system and the system legislation can be completed through dialectical method of knowledge; consideration of the system of law and the system of legislation as a consolidated mechanism of coherent and interactive elements is carried out on the basis of the systematic approach; identification of the relationship of social relations, the system of law and the system of legislation becomes possible in the framework of using the functional method.

Results: the system of law and the system of legislation should be considered as a consolidated mechanism of coordinated and interacting structural elements of the system, interconnected with each other and with the system of regulated social relations.

Discussion and Conclusions: systematic knowledge of law is possible in determining the objective laws of its construction, embodied in the structure of the construction of the system of law and the system of legislation.

Key words: public relations, system of law, system of legislation, content of law, internal and external form of law, unity of elements of the system of law

For citation: Nikishchenkova M.A. The unity and cohesion of the system of law and system of legislation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 163-167. DOI: 10.24420/KUI.2019.96.48.006

Введение

Дискуссия о системе права, ее природе, содержании и динамике развития традиционно остается в центре научного внимания. Несмотря на то, что данный вопрос не является новым для отечественной юриспруденции, его актуальность сохраняется, поскольку система права находится в постоянном процессе трансформации, объективном изменении сферы и объема правового регулирования. Динамичность системы права определяется изменением, развитием системы общественных отношений, подлежащих правовой регуляции, что, в свою очередь, неизменно приводит к изменению и системы законодательства. Определение характера динамики развития данных систем является одним из условий эффективности действующего законодательства.

Существующая устойчивая традиция, закрепившаяся в отечественной научной литературе, зачастую отождествляет термины «право» и «законодательство», что уже на уровне теоретического познания затрудняет выявление факторов, влияющих на формирование и развитие данных систем. Система законодательства, признаваемая формой права и одним из источников его развития, в своем развитии зависит, прежде всего, от объективных условий, к коим относится структура системы права, системообразующие связи регулируемых общественных отношений, материальные и социальные условия жизни общества. В этом смысле система права выступает в качестве одного из важных факторов, определяющих строение и развитие системы законодательства. Однако, будучи самостоятельной системой, обладающей собственными условиями и этапами формирования, система законодательства не свободна от воздействия и субъективных факторов, обусловленных волей и сознанием законодателя. Развитие рассматриваемых систем представляет собой сложный процесс, в котором подчас сталкиваются противоположные тенденции.

Определение характера связи системы права и системы законодательства, способность данных систем наилучшим образом отражать в своем строении и содержании объективные закономерности общественного развития составляют как предмет теоретического научного интереса к данному вопросу, так и тенденции развития действующей системы законодательства.

Обзор литературы

Рассмотрение системы права и системы законодательства традиционно касается вопросов отраслевого строения системы права и ее отражения в системе действующего законодательства. Вместе с тем вопросы методологии исследования системы права и системы законодательства подвергались в

отечественной литературе лишь фрагментарному изучению и относятся к сфере изучения философии права [1, 2, 3]. Именно поэтому современная юридическая научная мысль обращается к поиску комплексного (системного) подхода к изучению системы права [4, 5, 6, 7] и определению факторов, влияющих на ее структуру, детерминацию, развития общественных отношений и связи с системой действующего законодательства [8, 9, 10, 11].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили диалектический, системный и функциональный методы. Диалектический метод послужил основанием выявления внутреннего единства и противоречия системы права и системы законодательства; системный метод позволил рассмотреть систему права и систему законодательства как единый механизм согласованных и взаимодействующих структурных элементов системы права; функциональный метод определил познание права в рассмотрении взаимосвязи общественных отношений, системы права и системы законодательства.

Результаты исследования

Системный подход к определению права основан на признании его в качестве целостного единства элементов, которые объединены между собой совокупностью внутренних связей и отношений. Вопрос о системе права – это вопрос «о составных элементах права, их взаимосвязи между собой, способе организации в процессе развития. Другими словами, исследовать систему права – значит выявить ее структурную организацию, указать принципы строения и развития» [6, с. 11].

Вопрос о соотношении системы права и системы законодательства зачастую сводится к основаниям их разграничения. Эти различия проводятся по содержанию, объему, классификации внутренних элементов, внутренней структурной организации, закономерностям формирования и практической значимости. Итогом данного соотношения является утверждение, что система права и система законодательства соотносятся друг с другом как содержание и форма. Однако указанный подход не позволяет определить основания структурирования системы права и в полной мере выявить системообразующие связи между системой права и системой законодательства. Более того, определение системы законодательства как формы выражения системы права в большей степени определяет ее как систему, зависимую от внешних факторов, нежели систему, следующую в своей структуре логике и содержанию права. И в качестве внешних факторов, влияющих на систему законодательства, заявлены воля законодателя, его целенаправленная деятельность, федеративное устройство государ-

ства, иерархическая соподчиненность нормативных актов по юридической силе, включенность в нормативно-правовую базу предписаний неправового (организационного) характера.

Представляется, что подобное акцентирование внимания на субъективных факторах, влияющих на формирование и структуру системы законодательства, не позволяет нам в полной мере определить сущностные связи рассматриваемых систем (системы права и системы законодательства), их обусловленность содержанием права. Более того, рассмотрение системы законодательства в качестве формы системы права, которая полностью относится к содержательной категории, предполагает, что оптимальная форма должна служить отражением логики построения выражаемого содержания. Отсюда стремление научного познания права к идеальному совпадению отраслей права и отраслей законодательства (уголовный кодекс – форма уголовного права, гражданский кодекс – форма гражданского права и т.д.). Вместе с тем практика отраслевого строения права и сложившаяся система законодательства представляют нам примеры существования комплексных отраслей, которые не нашли своего отражения в соответствующем кодифицированном законодательстве (банковское право, финансовое право, предпринимательское право), но находят свое закрепление в статьях нескольких отраслей законодательства. И наоборот, отрасль законодательства закрепляет несколько межотраслевых правовых институтов (например, экологическое законодательство).

В связи с этим представляется безупречным соотношение системы права и системы законодательства как формы и содержания. Более удачным видится подход, согласно которому система права, представляя собой внутреннюю его структуру, является структурой содержания права, в то время как система законодательства выражает структуру формы права. Данное утверждение своим основанием имеет идею «удвоения формы» Г.В.Ф. Гегеля [1, с. 297] как формы, рефлексированной внутрь себя, и формы, не рефлексированной внутрь себя. «Форма, рефлексированная внутрь себя, сливается со своим содержанием, хотя это вовсе не исключает в процессе анализа возможности обнаружения как содержания права, так и его внутренней структурной организации» [2, с. 222]. Другими словами, внутренняя форма права (форма, рефлексированная в себя) есть структурирование и упорядочение правовых предписаний, составляющих содержание права, т.е. придание им формы норм права и возможность их объединения в укрупненные элементы – институты и отрасли. В то же время внешняя (не рефлексированная внутрь себя) форма лишь от-

носительно самостоятельна от содержания права, представленного в ней. Поскольку форма должна и может выражать различное, но не любое содержание. Так и содержание может быть представлено в различных, но не в любых формах. Таким образом, диалектическое единство содержания и формы права находит свое отражение в утверждении необходимого соответствия внутренней и внешней его формы не только друг другу, но, прежде всего, выражаемому в них содержанию. «Система права и система законодательства выглядят как близкие по смыслу, но не совпадающие по объему, содержанию и формам своего выражения в правовой системе общества. Это два относительно самостоятельные выражения сущности права» [7, с. 12]. Действительно, речь идет об относительной самостоятельности системы права и системы законодательства, поскольку они представляют собой внутреннюю и внешнюю формы права, где система права есть способ нормативного выражения правовых предписаний, составляющих содержание права и их структурное объединение в правовые институты и отрасли, в то время как система законодательства представляет собой внешнюю форму выражения правового содержания в букве закона.

Система права составляет структурное качество действующего в данном обществе права и соответствует системе закрепляемых ею общественных отношений. Отсюда основной задачей исследования системы права является поиск объективных закономерностей, лежащих в основе ее построения, а формирование системы права есть одновременно выявляемый наукой процесс раскрытия объективно существующих закономерностей общественного развития [9, с. 5]. По справедливому мнению С.В. Полениной, «познанная наукой объективно существующая система права должна служить тем компасом, с которым необходимо сверять свои действия законодателя при принятии конкретного решения, если он хочет добиться эффективности действующего законодательства» [9, с. 5].

В.С. Нерсисянц считал, что процесс познания объективных закономерностей общественно-го развития будет затруднен, т.к. «соответствие» объективно сложившимся отношениям в данном обществе получает качество объективности только при правильности, истинности человеческих суждений, умозаключений, волевых намерений и действий... Поэтому об объективности системы правовых норм можно говорить только в смысле их интеллектуально-волевых качеств: правильности, истинности, полезности, понятности для населения, органов власти и иных субъектов права» [11, с. 335]. Вместе с тем затрудненность выявления объективных закономерностей развития обще-

ственных отношений, связанная с субъективными свойствами познавательного процесса, а также субъективными качествами субъекта познания, не может служить основанием отказа от данного действия, но ставит задачу определения путей и способов преодоления данных препятствий.

Системный подход в исследовании данного вопроса представляется одним из способов преодоления субъективности, поскольку предполагает рассмотрение права в качестве целостного единства элементов, которые объединены между собой совокупностью внутренних связей и отношений. Речь идет о признании системности в качестве объективного свойства права, а не результата субъективной познавательной деятельности. Предполагается рассмотрение целостной системности права в единстве системы права и системы законодательства, а не их обособленной самостоятельности. «Системный подход к исследованию сложных динамических целостностей позволяет обнаружить внутренний механизм не только действия отдельных его компонентов, но и их взаимодействия на различных уровнях. Тем самым открывается возможность обнаружения субстанциональной и организационной "много-слойности" систем, глубокой диалектической связи и взаимозависимости субстанциональных частей, структур и функционирования явлений бытия как сложных целостных организмов» [2, с. 274].

Один из способов системного исследования права связан с функциональным подходом, предлагаемым А.В. Кузьменко [7, с. 7]. Согласно данному подходу познание права возможно в рассмотрении взаимосвязи триады – общественные отношения, система права и система законодательства. При этом данная связь носит не линейный причинно-следственный характер, а выражена в их единстве, взаимодействии. То есть целью познания является не определение первичных и производных элементов данной системы, а определение ее состояния, закономерность ее функционирования.

Систему права и систему законодательства необходимо рассматривать как единый механизм согласованных и взаимодействующих структурных элементов системы, который решает известные задачи и направлен на достижение определенных целей удовлетворения интересов общества и государства. «Система права в этом "треугольнике" выступает в качестве модели правового регулирования, имеющей научный характер построения и практическую направленность. Научный характер модели заключается в том, что она должна строиться на основе результатов научного изучения закономерностей правового регулирования общественных отношений, т.е. анализа объективных факторов детерминации общественных отношений

и возможностей их субъективной модификации. Практическая направленность выражается в том, что ее функционирование имеет целью поддержание внутренне непротиворечивой и оптимально регулирующей общественные отношения системы законодательства» [8, с. 9].

В этом смысле система права должна быть рассмотрена не как система суммативного типа, а как система органического типа, т.е. она обладает способностью существенно видоизменять составляющие ее элементы в пределах своего единства как в результате взаимодействия данных элементов в рамках единой системы, так и под воздействием внешних факторов. «Право, как и законодательство, относится к типу органических систем, которым присуще диалектическое соотношение между их структурой в целом и элементами. При этом структура может пониматься и как строение (состав) объекта, и как закон связи, система устойчивых отношений между элементами, и как результат взаимодействия между элементами. Такой подход позволяет получить не только статичную, но и динамичную характеристику объекта, в том числе права и законодательства» [9, с. 5].

Обсуждение и заключения

Проблемность исследования взаимодействия системы права и системы законодательства во многом обусловлена их диалектическим единством и противоречием. Для обеспечения эффективности правового регулирования право во всех своих проявлениях должно быть внутренне согласованным, представлять целостную органичную систему. Система права и система законодательства представляют собой целостное единство, элементы которого объединены между собой совокупностью внутренних связей и отношений, где система права представляет форму, «рефлектированную внутрь себя» (внутреннюю форму), а система законодательства – форму, «не рефлектированную внутрь себя» (внешнюю форму).

Системное познание права возможно в определении объективных закономерностей его построения, нашедших свое воплощение в структуре права и в системе законодательства. Познание данных закономерностей происходит на двух уровнях – уровне научного изучения закономерностей правового регулирования общественных отношений, выраженных в структурном построении системы права, и уровне практического определения целей и задач правового регулирования, нашедших свое воплощение в системе действующего законодательства. Таким образом, системность права определяется через триединство взаимовлияющих элементов: общественные отношения, подлежащие правовому регулированию, система права и система законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
2. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. 472 с.
3. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
4. Азми Д.М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М.: Юстицинформ, 2014. 391с.
5. Азми Д.М. Структурное строение системы права: теоретико-методологический анализ // Государство и право. 2010. № 12. С. 5-13.
6. Вопленко Н.Н. Понятие системы права // Вестник ВолГУ. Серия 5. Вып. 11. 2009. С. 11-16.
7. Кузьменко А.В. «Системный взгляд» на систему права // Правоведение. 2003. № 3 (248). С. 4-11.
8. Парягина О.А. Проблемы структурирования права в аспекте его социализации // Правоведение. 2004. № 6. С. 177-189.
9. Поленина С.В. Система права и система законодательства в современных условиях // Правоведение. 1987. № 5. С. 29-37.
10. Поленина С.В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России // Государство и право. 1999. № 9. С. 5-12.
11. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общей ред. В.С. Несесянца, М., 1999. 540 с.

REFERENCES

1. Gegel' G.V.F. Enciklopediya filosofskih nauk. T. 1. Nauka logiki. M.: Mysl', 1974. 452 s.
2. Kerimov D.A. Filosofskie problemy prava. M., 1972. 472 s.
3. Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funkcii, problemy filosofii prava). M.: Avanta+, 2001. 560 s.
4. Azmi D.M. Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podhody i resheniya. M.: YUsticinform, 2014. 391s.
5. Azmi D.M. Strukturnoe stroenie sistemy prava: teoretiko-metodologicheskij analiz // Gosudarstvo i pravo. 2010. № 12. S. 5-13.
6. Voplenko N.N. Ponyatie sistemy prava // Vestnik VolGU. Seriya 5. Vyp. 11. 2009. S. 11-16.
7. Kuz'menko A.V. «Sistemnyj vzglyad» na sistemu prava // Pravovedenie. 2003. № 3 (248). S. 4-11.
8. Paryagina O.A. Problemy strukturirovaniya prava v aspekte ego socializacii // Pravovedenie. 2004. № 6. S. 177-189.
9. Polenina S.V. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva v sovremennyh usloviyah // Pravovedenie. 1987. № 5. S. 29-37.
10. Polenina S.V. Vzaimodejstvie sistemy prava i sistemy zakonodatel'stva v sovremennoj Rossii // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 9. S. 5-12.
11. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva: uchebnik dlya vuzov / pod obshchej red. V.S. Nesesyanc, M., 1999. 540 s.

Об авторе: Никищенко Мария Александровна, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева
e-mail: nikishchenkova@yandex.ru

© Никищенко М.А., 2019.

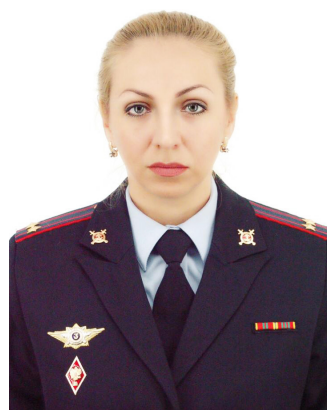
Статья получена: 10.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Nikishchenkova Maria A., associate Professor, Department of theory and history of state and law and international law of the Samara National Research University
e-mail: nikishchenkova@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Т.В. Пинкевич, О.А. Зубалова

РЕГИСТРАЦИИ НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

REGISTRATION OF ILLEGAL REAL ESTATE TRANSACTIONS: CHALLENGES IN LAW ENFORCEMENT

Введение: статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с повышением эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступлениями, предусмотренными ст. 170 Уголовного кодекса РФ (Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом).

Материалы и методы: материалами исследования послужили законодательная база, регламентирующая порядок регистрации недвижимого имущества, данные судебной практики, статистические показатели зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 170 УК РФ, за период с 2007 по 2017 гг. В качестве методологического инструментария выступили эмпирический и лингвистический методы познания, научно-аналитический подход, а также специально-юридические методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты исследования: исследование позволило прийти к выводу о неэффективности судебно-следственной практики в сфере регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом. Одной из причин снижения количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 170 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), и количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности, следует считать изменение законодательства, регламентирующего порядок регистрации недвижимого имущества. Указанные обстоятельства свидетельствуют о недостаточно продуманном научном подходе к регламентации уголовной ответственности за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом.

Обсуждение и заключения: в настоящее время доктринально обоснованные предложения по совершенствованию дифференциации уголовной ответственности исследуемой уголовно-правовой нормы приобретают особое значение. В связи с этим предложено внести изменения в название ст. 170 УК РФ и ее диспозицию, а также дополнить названную норму квалифицирующими признаками. Кроме того, считаем целесообразным дополнить ст. 199.5 УК РФ «Занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости».

Ключевые слова: недвижимое имущество, регистрация, сделка, дифференциация, эффективность, норма, уголовное право, искажение, кадастровый учет, реестр.

Для цитирования: Пинкевич Т.В., Зубалова О.А. Регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы правоприменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 168-173. DOI: 10.24420/KUI.2019.81.41.007

Introduction: the article is devoted to challenges in law enforcement related to improving effectiveness of criminal justice measures to combat the offences covered by Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation (Registration of Illegal Real Estate Transaction).

Materials and Methods: the legislative base regulating the procedure of real estate registration, the data of judicial practice, statistics of the registered crimes under Article 170 of the Criminal Code of the Russian Fed-

eration for the period from 2007 to 2017. As the methodological tools made empirical and linguistic methods of cognition, scientific and analytical approach, as well as special legal methods: formal-legal and comparative-legal served as study materials.

Results: the study led to the conclusion about the ineffectiveness of judicial and investigative practice in the field of registration of illegal real estate transactions. One of the reasons for the decrease in the number of registered crimes under Art. 170 of the Criminal Code of the Russian Federation and the number of persons prosecuted should be considered a change in the legislation governing the registration of real estate. These circumstances indicate an insufficiently thought-out scientific approach to the regulation of criminal liability for registration of illegal transactions with non-movable property.

Discussion and Conclusions: at present, doctrinally justified proposals to improve the differentiation of criminal responsibility of the criminal law norm under study are of particular importance. In this regard, it is proposed to amend the title of Article 170 of the Criminal Code of the Russian Federation and the disposition, as well as to supplement this norm with qualifying features. In addition, we consider it expedient to supplement Art. 199.5 of the Criminal Code of the Russian Federation "Understatement of the cadastral value of real estate".

Key words: real estate, registration, transaction, defamation, efficiency, norm, criminal law, distortion, cadastral registration, register

For citation: Pinkevich T.V., Zubalova O.A. Registration of Illegal Real Estate Transactions: Challenges in Law Enforcement // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 168-173. DOI: 10.24420/KUI.2019.81.41.007

Введение

Реализация государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности в России невозможна без продуманной концепции уголовной политики, целью которой выступает «достижение состояния безопасности личности, общества, государства от криминологических угроз» [1, с. 180]. Правоохранительная деятельность, посредством которой применяется уголовный закон, в этом случае является средством достижения указанной цели. В свою очередь, удержание граждан от совершения преступлений под угрозой наказания является общепреventивной целью уголовного закона. Специальная же превенция «адресована к определенному числу граждан, которые уже совершили общественно-опасные деяния» [2, с. 121]. Она получила свое выражение в неотвратимости наказания.

Достижение поставленных целей зависит от множества факторов, одним из которых является эффективность уголовно-правовых норм. При этом критериями эффективности должны стать стабильность и результативность изменений норм уголовного законодательства, анализ проблем и ошибок квалификации, изучение объема и динамики судебных ошибок как при квалификации, так и в карательной практике. Особое значение здесь приобретает мониторинг эффективности уголовного закона, проведение которого позволит, во-первых, исследовать все критерии его эффективности, на основе полученных данных создать работающий механизм и обеспечить его соответствие государ-

ственной уголовно-правовой политике. Во-вторых, выявить эффективность уголовно-правового воздействия на преступления, которая зависит, прежде всего, от того, насколько правильно сформулирована уголовно-правовая норма.

Обзор литературы

Следует признать, что проблемам правотворчества уделяется много внимания, особенно законодательной технике, в том числе и уголовного закона [3, с. 5; 4, с. 4; 5, с. 20], так как «оптимальность и логичность правовой конструкции правовой нормы свидетельствует о том, что уголовно-правовая норма сформулирована по правилам законодательной техники» [6, с. 49].

Случаи нарушения правил законодательной техники при построении уголовно-правовой нормы, во-первых, не в полной мере позволяют раскрыть сущность общественно опасного деяния; во-вторых, могут привести к недостаткам в стиле изложения уголовно-правовых предписаний, вследствие чего у правоприменителя возникнут проблемы при квалификации преступлений; в-третьих, приводят к пробельности уголовного законодательства и снижают вероятность соответствия таких норм задачам уголовного закона.

Материалы и методы

Использование законодательной базы, регламентирующей порядок регистрации недвижимого имущества, материалов судебной практики, статистических данных, эмпирического и лингвистического методов познания, а также специально-юридических методов: формально-юридического и

сравнительно-правового – позволило всесторонне изучить проблему. Так, например, анализ статистических данных за период с 2007 по 2017 гг. о количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 170 УК РФ (Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом), и количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности по названной норме, демонстрирует негативную динамику этого вида преступлений, что, в свою очередь, свидетельствует о неэффективной судебно-следственной практике.

Результаты исследования

Для повышения эффективности уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом, считаем необходимым внесение ряда изменений в действующее уголовное законодательство.

Известно, что в 2015 году в диспозицию ст. 170 УК РФ (Регистрация незаконных сделок с землей) были внесены существенные изменения¹, причиной которых послужили кардинальные нововведения в законодательства иных отраслей права в части защиты недвижимого имущества и реформирования регистрационного законодательства России.

В соответствии с обновленной нормой ответственность по ст. 170 УК РФ может наступить за регистрацию «заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения» [7].

Однако законодатель не учел изменений, которые на тот момент были уже внесены в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости», установивший основы регистрации недвижимого имущества². Так, согласно этим изменениям, Единый государственный реестр недвижимости объединяет систему государственной регистрации прав на недвижимое имущество и систему учета объектов недвижимости (государственный кадастровый учет) в одну общую базу. Это дает основание коренным образом изменить как название, так и диспозицию ст. 170 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Ст. 170 УК РФ. Искажение сведений Единого государственного реестра недвижимости

Внесение в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним заведомо искаженных сведений об объектах недвижимости, о зарегистрированных правах на недвижимое имущество, основаниях их возникновения, правообладателях, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения, – ...».

Предлагаем в самостоятельную уголовно-правовую норму выделить такой состав преступления, как занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, и изложить ее в следующей редакции:

«Ст. 199.5 УК РФ. Занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости

1. Незаконное занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности лицом с использованием своего служебного положения, – ...

2. Те же действия, причинившие крупный ущерб, – ...».

Вместе с тем дифференциация уголовной ответственности за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом, на взгляд авторов статьи, выглядит недостаточно продуманной. Несмотря на то, что в доктринальных источниках уголовного права неоднократно вносились предложения о дополнении ст. 170 УК РФ квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками, к практическому воплощению научных рекомендаций законодатель так и не приступил. Так, А.В. Путилин считает ошибкой законодателя отсутствие квалифицирующих обстоятельств в данном составе преступления [8, с. 22] и предлагает дополнить норму квалифицирующим признаком «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору (специальных субъектов – должностных лиц) и организованной группой» [8, с. 22-24]. Такого же мнения придерживаются Н.Н. Алексеенко, Р.В. Хомутов и А.А. Гостев [9, с. 12; 10, с. 23; 11, с. 12-13]. По мнению Н.Н. Алексеенко, отсутствие уголовной ответственности за групповое совершение противоправного деяния является пробелом состава преступления, предусмотренного ст. 170 УК РФ, поскольку объективно незаконная регистрация земли (ныне объектов недвижимости) не может быть реализована одним лицом [9, с. 9].

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/71127768/#ixzz5RZMynDeu> (дата обращения: 16.09.2018).

² О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/71129192/#ixzz5RZNISKix> (дата обращения: 16.09.2018).

Более того, авторами исследований был предложен еще ряд квалифицирующих признаков с целью оптимизации уголовной ответственности за посягательства на недвижимое имущество (землю), в их числе было предложено дополнить ст. 170 УК РФ следующими квалифицирующими и особо квалифицирующими признаками:

- причинение крупного и особо крупного ущерба гражданам, организациям или государству [10, с. 23; 11, с. 12-13];

- с применением насилия или угрозы его применения [10, с. 23];

- повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [9, с. 13];

- тяжкие последствия [9, с. 137].

Действительно, норма, предусматривающая ответственность за регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом, не содержит квалифицирующих признаков, что, верно, является упущением законодателя, поскольку квалифицирующий признак по сравнению с основным составом преступления всегда существенно повышает степень его общественной опасности. Поэтому, учитывая мнение ряда авторов о дополнении ст. 170 УК РФ квалифицирующими признаками и результаты проведенного нами исследования в этой сфере, считаем необходимым предусмотреть ряд квалифицирующих признаков и дополнить ст. 170 УК РФ частью 2 следующего содержания: «Те же действия, совершенные группой лиц по предварительному сговору». Это позволит при квалификации установить его совершение двумя и более субъектами. В случае совершения названного преступления одним лицом, даже при наличии предварительного сговора между субъектами, названный квалифицирующий признак (группа лиц по предварительному сговору) отсутствует. Показательным в этом отношении является решение Пленума Верховного Суда РФ¹.

Вместе с тем для рассмотрения квалифицирующего признака состава исследуемого преступления требуются некоторые дополнительные пояснения. Так, например, между участвующими в группе лицами может быть осуществлено распределение ролей. В то же время каждый из них непосредственно выполняет объективную сторону регистрации незаконных сделок с недвижимым имуществом, что существенно повышает об-

щественную опасность преступления и является основанием ужесточения ответственности всех участников этого преступления. Схема может быть абсолютно простой, но следует учитывать, что исполнителями этого деяния могут быть только должностные лица.

Так, например, до процедуры внесения сведений в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним документы проходят несколько проверок:

- «а) прием и регистрацию заявления о предоставлении государственной услуги и документов, необходимых для предоставления государственной услуги;

- б) правовую экспертизу документов, в том числе проверку законности сделки (за исключением нотариально удостоверенной сделки);

- в) внесение сведений в ЕГРН, удостоверение осуществления государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав;

- г) выдачу (направление) документов по результатам предоставления государственной услуги»².

В связи с этим при квалификации исследуемого преступления следует, прежде всего, выяснить, могли ли «документы, устанавливающие наличие, возникновение, переход, прекращение, ограничение права и обременение недвижимого имущества и представляемые для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав»³, содержать в себе ненадлежащую информацию и соответствовали ли они требованиям, установленным российским законодательством.

В ходе правовой экспертизы представленных документов для регистрации объектов и прав недвижимости (ст. 230-253 Административного регламента) государственный регистратор принимает решение о возможности регистрации, отказе в регистрации, прекращении государственной регистрации и иных случаях, прописанных в законе, поэтому практически в одиночку совершать такие преступления сложно. Таким образом, как правило, деяния, предусмотренные ст. 170 УК РФ, совершаются двумя и более лицами, обладающими соответствующими полномочиями, поскольку необходимы совместные действия нескольких должностных лиц.

Отмеченное обстоятельство предопределяет постановку вопроса, соответствует ли рассматриваемый квалифицированный состав правилам

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 4. С. 9; Определение Военной коллегии № 3-066/99 по делу Ерофеева и Аношкина. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 1999 года по уголовным делам // БВС РФ. 2000. № 5. С. 12.

² Приказ Министерства экономического развития РФ от 7 июня 2017 г. № 278. URL: <http://base.garant.ru/71751130/#ixzz5OoCn3hWS> (дата обращения 19.08.2018).

³ О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/71129192/#ixzz5RZNISKix> (дата обращения: 16.09.2018).

конструирования квалифицированных составов преступлений.

По мнению ряда авторов, значительное повышение уровня общественной опасности деяния по сравнению с тем, который является основным составом преступления и закреплён в уголовном законодательстве, даёт возможность «конструировать его разновидность в уголовном законе» [6, с. 182]. При этом, как утверждают Л.Л. Кругликов и О.Е. Спиридонова, преступное поведение должно быть «типичным, то есть характерным для отражаемого в квалифицированном составе вида преступления» [5, с. 99].

Соблюдение этих правил при конструировании квалифицированных составов ст. 170 УК РФ не вызывает, на наш взгляд, каких-либо сомнений. Сложно отрицать, что участие в совершении преступления группой лиц по предварительному сговору существенно повышает уровень его общественной опасности. Уже по этой причине очевидно, что общественно опасное воздействие на объект уголовно-правовой охраны группой лиц обладает повышенной степенью общественной опасности по сравнению с аналогичным деянием, совершённым одним субъектом.

Совершение преступления организованной группой предлагается предусмотреть в качестве ещё одного квалифицирующего признака исследуемого состава преступления. Мы не углубляемся в научный анализ данной формы соучастия, поскольку в научной юридической литературе этот признак достаточно полно освещён.

Следующий квалифицирующий признак, который также предлагаем законодательно закрепить в

ч. 3 ст. 170 УК РФ, – «деяния, повлекшие тяжкие последствия». Известно, что понятие «тяжкие последствия» на законодательном уровне не закреплёно, легальное толкование отсутствует, а доктринальные его исследования не привели к единству взглядов. В то же время следует присоединиться к мнению ряда авторов, что тяжкие последствия являются оценочной категорией и определяются исходя из конкретных фактов и обстоятельств [7]. Как правило, тяжкие последствия рассматривают как оценочный признак, поэтому при квалификации преступлений и в ходе судебного следствия необходимо исследовать всесторонне все обстоятельства, которые хоть как-то влияют на вывод о наличии или отсутствии указанных последствий. Искажение сведений Единого государственного реестра недвижимости может привести к нарушению прав и причинению ущерба правообладателям, принятие ошибочных решений при экспертизе документов, переданных для внесения сведений в Единый государственный реестр, – к нарушению прав на недвижимое имущество, что может повлечь юридические последствия, в том числе отчуждение недвижимости в ходе рейдерских захватов и пр.

Обсуждение и заключения

В заключение следует отметить, что предложения по совершенствованию ст. 170 УК РФ и дополнению УК РФ ст. 199.5 являются итогом проведения исследования уголовно-правовой нормы, законодательной базы, регламентирующей порядок регистрации объектов недвижимости и осуществления с ними разного вида сделок, и, конечно же, исследования проблемных вопросов квалификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С 170-180.
2. Зубалова О.А. Уголовно-правовые меры борьбы с организацией экстремистского сообщества: дис. ...канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2013. С. 121.
3. Баранов В.М. Эссе главного редактора // Юридическая техника: Ежегодник. 2007. № 1. С. 5.
4. Куринов Б.А. Повышение роли уголовного закона в предупреждении преступлений // Вестник МГУ. Серия «Право». 1974. Вып. 5. С. 12.
5. Кругликов Л.Л., Василевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 182.
6. Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы теории уголовного права. Избранные статьи (1982-1999 гг.) Ярославль, 1999. С. 20
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. С. В. Дьяконова, Н. Г. Кадникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Юриспруденция», 2016. С. 434, 479.
8. Путилин А.В. Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 137.
9. Алексеенко Н.Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений в сфере регистрации незаконных сделок с землей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9, 12, 13.
10. Гостев А.А. Уголовно-правовое регулирование ответственности за регистрацию незаконных сделок с землей: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 23.
11. Хомутов Р.В. Ответственность за регистрации незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 12 - 13.

REFERENCES

1. Babaev M.M., Pudovochkin YU.E. Rossijskaya ugolovnaya politika i ugolovnyj zakon: opyt kriticheskogo analiza: monografiya. M.: YUrlitinform, 2017. S 170-180.
2. Zubalova O.A Ugolovno-pravovye меры бор'бы с организацией экстремистского сообщество: дис. ...канд. юрид. наук. N.Novgorod, 2013. S. 121.
3. Baranov V.M. Esse главного редактора // YUridicheskaya tekhnika: Ezhegodnik. 2007. № 1. S. 5.
4. Kurinov B.A. Povyshenie roli ugolovnogo zakona v preduprezhdenii prestuplenij // Vestnik MGU. Seriya «Pravo». 1974. Vyp. 5. S. 12.
5. Kruglikov L.L. , Vasilevskij A.V. Differenciatsiya otvetstvennosti v ugolovnom prave. SPb., 2002. S. 182.
6. Kruglikov L.L. O sredstvakh zakonodatel'noj tekhniki v ugolovnom prave // Problemy teorii ugolovnogo prava. Izbrannye stat'i (1982-1999 gg.) YAroslavl', 1999. S. 20
7. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (nauchno-prakticheskij, postatejnyj) / pod red. S. V. D'yakonova, N. G. Kadnikova. 4-e izd., pererab. i dop. M. : ID «YUrisprudenciya», 2016. S. 434, 479.
8. Putilin A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za registratsiyu nezakonnyh sdelok s zemlej : дис. ... канд. юрид. наук. Krasnodar, 2006. S. 137.
9. Alekseenko N.N. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya karakteristika prestuplenij v sfere registratsii nezakonnyh sdelok s zemlej: дис. ... канд. юрид. наук. M., 2013. S. 9, 12, 13.
10. Gostev A.A. Ugolovno-pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za registratsiyu nezakonnyh sdelok s zemlej: дис. ... канд. юрид. наук. M., 2012. S. 23.
11. Homutov R.V. Otvetstvennost' za registratsii nezakonnyh sdelok s zemlej (st. 170 UK RF): avtoref. дис. ... канд. юрид. наук. Krasnodar, 2014. S. 12 - 13.

Об авторах: Пинкевич Татьяна Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

e-mail: pinkevich@yandex.ru

Зубалова Оксана Александровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

e-mail: zubalova.ok@yandex.ru

© Пинкевич Т.В., 2019.

© Зубалова О.А., 2019.

Статья получена: 14.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the authors: Pinkevich Tatyana V., doctor of legal Sciences, Professor, Professor of Department of criminal and criminal-Executive law of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

e-mail: pinkevich@yandex.ru

Zubalova Oksana Aleksandrovna, candidate of law Sciences, senior lecturer of criminal law and criminology of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

e-mail: zubalova.ok@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Зубалова Оксана Александровна – сбор и анализ законодательного, научного, эмпирического материала и судебной практики, их обобщение, проведение критического анализа материалов и формирование выводов и практических рекомендаций; подготовка первоначального варианта текста, оформление статьи по установленным требованиям разработка концептуальных подходов исследования.

Пинкевич Татьяна Валентиновна – определение объекта и методов, формулирование общей идеи исследования, анализ научной литературы по проблеме исследования, результатов и выводов исследования, их уточнение и дополнение, корректировка общей идеи научной работы, формулировка теоретических выводов и разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства, научная редакция текста.

УДК 343.623

DOI: 10.24420/KUI.2019.82.21.009

А.Р. Позднякова

**СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ
И ЗДОРОВЬЯ НОВОРОЖДЕННОГО КАК ЛИЦА,
НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ**

**SOCIAL RESPONSIBILITY REGIMENTATION FOR CRIMES
AGAINST LIFE AND HEALTH OF A NEWBORN
AS A PERSON IN A HELPLESS STATE**

Введение: в статье на основе изучения статистических данных, нормативных правовых актов Российской Федерации и опыта зарубежных государств исследуются социально-правовые предпосылки усиления ответственности за посягательства на жизнь и здоровье новорожденного по УК РФ как лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Материалы и методы: методологической основой исследования выступают диалектический метод познания, а так же логический, системно-структурный, статистический, сравнительно-правовой и конкретно-социологические методы.

Результаты исследования: обосновывается вывод, что имеющаяся дифференциация норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья человека недостаточна. Формулируются предложения по внесению изменений в ст. 115 и 116 УК РФ в целях обеспечения охраны здоровья и телесной неприкосновенности новорожденного человека как лица, находящегося в беспомощном состоянии.

Ключевые слова: *криминологическая обоснованность изменений уголовного законодательства, криминообразующий признак, квалифицирующий признак, дифференциация уголовной ответственности, побои, умышленное причинение легкого вреда здоровью человека.*

Для цитирования: Позднякова А.Р. Социальная обусловленность регламентации ответственности за преступления против жизни и здоровья новорожденного как лица, находящегося в беспомощном состоянии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 174-178. DOI: 10.24420/KUI.2019.82.21.009

Introduction: in the article, based on the study of statistical data, regulatory legal acts of the Russian Federation and the experience of foreign countries, the social and legal prerequisites of increasing responsibility for encroaching on life and health of a newborn in the Criminal Code of the Russian Federation as a person in a helpless state are investigated.

Materials and Methods: the methodological basis of the research is the dialectical method of cognition, as well as logical, system-structural, statistical, comparative legal and concrete sociological methods.

Results: the result is the conclusion that the existing differentiation of norms on responsibility for crimes against human life and health is insufficient. Formulated proposals for amendments to Art. 115 and 116 of the Criminal Code of the Russian Federation, in order to ensure the protection of the health and bodily integrity of the newborn person as a person in a helpless state.

Key words: *criminological validity of changes in criminal law, criminally-based feature, qualifying feature, differentiation of criminal liability, beating, intentional infliction of light harm to human health*

For citation: Pozdnyakova A. Social responsibility regimentation for crimes against life and health of a newborn as a person in a helpless state // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 174-178. DOI: 10.24420/KUI.2019.82.21.009

Введение

В юридической науке является общепринятым тезис, что уголовно-правовые нормы должны существовать по причине объективных потребностей общества. Справедливым может считаться только закон, отвечающий требованиям криминологической обоснованности, адекватно отражающий необходимость в охране наиболее важных общественных отношений с учетом их современного состояния и тенденций развития [1, с. 12]. Так, Э.Ф. Побегайло, анализируя содержание УК РФ, отсутствие социальной обусловленности некоторых уголовно-правовых норм называет «тупиком» современной уголовной политики [2, с. 14].

Наличие того или иного общественно опасного деяния в объективной действительности является важным фактором развития законодательства [3, с. 32-34]. В связи с этим для определения обоснованности уголовно-правовой охраны прав новорожденного имеют значение данные официальной статистики о количестве таких преступлений, выявленных правоохранительными органами и зарегистрированных в установленном порядке. В частности, в Республике Татарстан за период с 2013 по 2017 годы было выявлено 70 посягательств на новорожденных детей¹.

Анализ состояния преступности против жизни и здоровья новорожденного показывает, что данные преступления характеризуются высоким уровнем латентности [4, с. 94-114; 5, с. 44; 6, с. 10-14; 7, с. 181]. Косвенно это подтверждается данными о высокой младенческой смертности в современной России: в 2012 году – 16 306 младенцев, в 2013 г. – 15 477, в 2014 г. – 14 322, в 2015 г. – 12 664, в 2016 г. – 11 428, в 2017 г. – 9577². Несмотря на очевидную тенденцию снижения, отмечается, что ее уровень в России примерно в два раза выше, чем в развитых европейских странах, Канаде и США³. На наш взгляд, такое положение обусловливается беспомощным состоянием потерпевших, причинением им вреда в условиях неочевидности, а также с трудностями получения и приобщения доказательств к материалам по делу.

Однако не столько распространенность данных преступлений, сколько их общественная

опасность и жестокость виновного свидетельствуют об актуальности темы исследования. Жизнь и здоровье каждого новорожденного ребенка признаются непререкаемыми ценностями. Справедливость отражения законодателем характера и степени опасности посягательств на общественные отношения по их охране является показателем цивилизованности общества и уровня развития уголовного права.

Обзор литературы

Вопросам уголовно-правовой охраны жизни и здоровья человека посвящены труды многих ученых, в том числе Г.Н. Борзенкова [8], С.В. Бородина [9], Э.Ф. Побегайло [2] и других.

Отдельные аспекты уголовно-правовой охраны жизни новорожденного ребенка исследовались в диссертационных работах Е.И. Грубовой [10], Е.В. Серегиной [11], А.А. Луневой [7], С.М. Балашова, В.Б. Хатиева [12].

В то же время традиционные для науки уголовного права [13, с. 76-83; 14, с. 70-76; 15, с. 100-104] вопросы социальной обусловленности норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья новорожденного ранее в литературе не рассматривались.

Материалы и методы

Основой исследования выступают диалектический метод познания, логический, системно-структурный, статистический, сравнительно-правовой и конкретно-социологический методы.

В качестве эмпирической базы использованы статистические данные Информационного центра МВД по Республике Татарстан (далее – ИЦ МВД по РТ) о количестве преступлений в отношении новорожденных за период с 2013 по 2017 годы и Федеральной службы государственной статистики РФ (далее – ФСГС РФ) за период с 2013 по 2017 годы.

Результаты исследования

Жизнь и здоровье являются естественными правами человека. Это закреплено в общепризнанных нормах международного права: во Всеобщей Декларации прав человека⁴, Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵, Международном пакте о гражданских и политических правах⁶, Международном пакте об экономических, соци-

¹ Данные о преступлениях, совершенных в отношении новорожденных, формируются отдельно по каждому субъекту РФ. Информация о количестве преступлений, выявленных в Республике Татарстан, получена автором по официальному запросу в ИЦ МВД по РТ.

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 23.03.2019).

³ Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9.10.2007 № 1351 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 3.02.2019).

⁴ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 6.02.2019).

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заклучена в г. Риме 04.11.1950; с изм. от 13.05.2004) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 6.02.2019).

⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 6.02.2019).

альных и культурных правах¹, Конвенции против пыток², также в международных документах, посвященных правам детей – Декларации прав ребенка³ и Конвенции о правах ребенка⁴. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 6 Конвенции о правах ребенка, государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь, они обеспечивают его выживание и здоровое развитие⁵. В ст. 24 данной Конвенции провозглашены обязанности государств-участников принятия необходимых мер для снижения уровня младенческой смертности и неотъемлемое право каждого ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения.

На уровне национального законодательства права и свободы человека и гражданина охраняются согласно общепризнанным международным нормам. В ч. 1 ст. 20 и ст. 43 Конституции РФ гарантируется охрана жизни, здоровья человека, а также предоставление ему медицинской помощи. Право на особое попечение и помощь материнства и младенчества, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека, отражается также в ст. 38 Конституции РФ, которая гласит, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства⁶.

В уголовном законодательстве России конституционные права на жизнь и здоровье человека выражаются в самом приоритете уголовно-правовой охраны. Нормы об ответственности за преступления против жизни и здоровья располагаются в самом начале Особенной части УК РФ. В доктрине они также признаются наиболее важными объектами, поскольку представляют собой важнейшие данные, от природы основополагающие социальные ценности [1, с. 9-10]. Отмечается, что «жизнь человека – самый хрупкий дар природы» [2, с. 10], его утрата необратима, также как, по нашему мнению, и утрата здоровья в ряде случаев, например, при тяжком вреде здоровью (в случае определения тяжести вреда по последствиям в виде прерывания беременности, потери зрения, слуха и т.д.).

Общественная опасность посягательств на жизнь и здоровье человека повышается в случае, когда потерпевшим является лицо, заведомо для виновного находящееся в беспомощном состоянии, в том числе новорожденный. Как справедливо ука-

зывается в литературе, совершение такого преступления говорит о бесчеловечности, глубоком моральном падении и особой злостности виновного. Эти обстоятельства свидетельствуют о повышенной опасности его для общества и требуют применения к нему более строгого наказания [12, с. 3]. Поэтому беспомощное состояние потерпевшего в преступлениях против личности в целом и против жизни и здоровья человека в частности усиливают уголовную ответственность.

Дифференциация уголовной ответственности по этому и смежному с ним критериям сформулирована в главе 16 УК РФ следующим образом. Понятие «новорожденный» используется законодателем один раз в ст. 106 УК РФ. В ряде других норм данной главы в качестве квалифицирующих выделяются иные признаки потерпевшего: малолетний или несовершеннолетний возраст, беспомощное состояние (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 117, ч. 3 ст. 122 УК РФ). Объединенный квалифицирующий признак «*в отношении малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии*» содержится только в ст. 105, 111, 112 УК РФ.

При этом в нормах, предусматривающих ответственность за причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и нанесение побоев (ст. 116, 116.1 УК РФ), такие признаки отсутствуют. Так, если умышленное причинение легкого вреда здоровью беспомощному лицу влечет ответственность по ч. 1 ст. 115 УК РФ, то за нанесение побоев той же категории потерпевшего она не предусмотрена. После неоднократной частичной декриминализации побоев уголовно наказуемыми по ст. 116 УК РФ (за исключением случаев повторного их совершения лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ), остались только побои, совершенные из хулиганских побуждений либо по экстремистским мотивам. Так, несмотря на уголовно-процессуальные гарантии защиты интересов всех лиц, находящихся в зависимом или беспомощном состоянии (ч. 4 ст. 20 УПК РФ), теперь нет возможности привлечения виновного лица к уголовной ответственности за впервые совершенные побои при отсутствии указанных мотивов, даже если они совершены в отношении новорожденного.

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2019).

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (заключена 10.12.1984) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.19).

³ Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2019).

⁴ Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2019 г.).

⁵ Там же.

⁶ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2019)

Обоснованность такой позиции законодателя вызывает сомнения. Остается непонятным, почему ответственность за причинение легкого вреда здоровью не усиливается в случае, когда он причинен новорожденному и любому другому лицу, находящемуся в беспомощном состоянии. Неясно, почему криминообразующие признаки преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, ограничены лишь мотивами. В связи с чем оставлена без внимания защита неприкосновенности лиц, лишенных возможности защищаться? Обеспокоенность этим выразил и Комитет ООН против пыток в заключительных замечаниях по шестому периодическому докладу Российской Федерации от 28.08.2018¹

На наш взгляд, такой подход противоречит общепринятым международным правовым нормам и Конституции РФ. Думается, что, установленная в УК РФ дифференциация ответственности за исследуемые преступления недостаточна. Например, согласно ст. 222-12 и 222-13 УК Франции, ответственность за насильственные посяательства на здоровье и телесную неприкосновенность человека усиливается, если они совершены в отношении лица, особая уязвимость которого в силу его возраста, болезни, увечья, физического или психического недостатка очевидна или известна исполнителю...» [17, с. 187].

Представляется, что следовало бы учесть опыт Франции и внести изменения в ст. 115 и ст. 116 УК РФ в целях адекватного усиления (в ст. 115 УК РФ) и установления (в ст. 116 УК РФ) уголов-

ной ответственности за соответствующие посяательства на лиц, находящихся в беспомощном состоянии.

Наличие того или иного общественно опасного деяния в объективной действительности является важным фактором развития законодательства.

Обсуждения и заключения

На основании вышеизложенного предлагается:

1) дополнить ч. 2 ст. 115 УК РФ пунктом «г» в следующей редакции: *«в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии»;*

2) изложить ст. 116 УК РФ в следующей редакции: *«Побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, совершенные в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно из хулиганских побуждений или по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы наказываются...».*

Думается, что вышеизложенные предложения по совершенствованию уголовного законодательства будут способствовать как более подробной регламентации ответственности за преступления против жизни, так и охране здоровья лиц, находящихся в беспомощном состоянии, в том числе новорожденных детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Орехов В.В. Социология в науке уголовного права: учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1985. 69 с.
2. Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. 1066 с.
3. Апенев С.М. Социальная обусловленность норм уголовного права как одно из условий их эффективности // Закон и право. 2008. № 7. С. 32-34.
4. Антонян Ю.М., Гончарова М.В., Кургузкина Е.Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Противодействие преступности. 2018. № 3. С. 94-114.
5. Иванова Я.И. Методика расследования ятрогенных преступлений, совершаемых в сфере родовспоможения: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.12. М., 2017. 177 с.
6. Багмет А.М., Черкасова Л.И. Криминалистические особенности расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Российский следователь. 2014. № 1. С. 10-14.
7. Лунева А.А. Уголовная ответственность за детоубийство: проблемы теории и правоприменения: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. 196 с.
8. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учебно-практическое пособие. М.: Зерцало-М, 2006. 144 с.
9. Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.
10. Грубова Е.И. Проблемы ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в российском и зарубежном уголовном законодательстве: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2009. 260 с.
11. Серегина Е.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2004. 219 с.
12. Хатуев В.Б. Уголовно-правовая охрана беременных женщин, малолетних, беззащитных и беспомощных лиц и лиц, находящихся в зависимости от виновного: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. 189 с.

¹ Офиц. сайт Комитета ООН против пыток. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2fRUS%2fCO%2f6&Lang=ru (дата обращения: 20.02.2019).

13. Борков В.Н. Социальная обусловленность уголовно-правового запрета на бездействие власти // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 1. № 12. С. 76–83.
14. Рогова Е.В. Социальная обусловленность категории уголовного проступка в современном уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3. С. 70-76.
15. Комогорцева Н.А. Социальная обусловленность уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Современное право. 2010. № 1. С. 100-104.
16. Артюшина О.В. Убийство с особой жестокостью: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Н.Новгород, 2011. 26 с.
17. Уголовный кодекс Франции / под ред. Н.Е. Крыловой, Л.В. Головки. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. 650 с.

REFERENCES

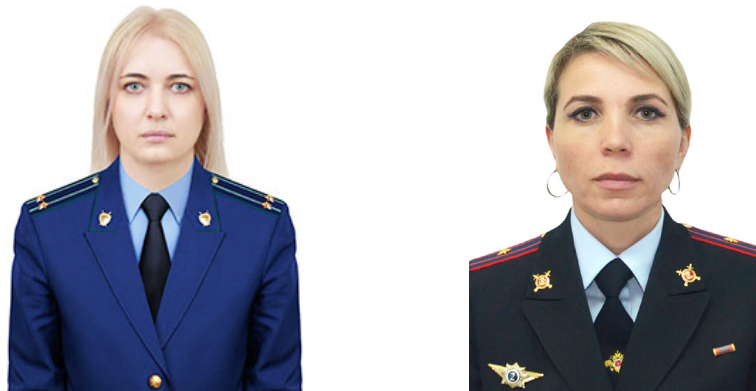
1. Orekhov V.V. Sociologiya v nauke ugodnogo prava: uchebnoe posobie. L.: LGU, 1985. 69 s.
2. Pobegajlo E.F. Izbrannye trudy. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2008. 1066 s.
3. Apenov S.M. Social'naya obuslovlennost' norm ugodnogo prava kak odno iz uslovij ih effektivnosti // Zakon i pravo. 2008. № 7. S. 32-34.
4. Antonyan YU.M., Goncharova M.V., Kurguzkina E.B. Ubijstvo mater'yu novorozhdenno rebenka: ugodno-pravovye i kriminologicheskie problemy // Protivodejstvie prestupnosti. 2018. № 3. S. 94-114.
5. Ivanova YA.I. Metodika rassledovaniya yatrogenykh prestuplenij, sovershaemykh v sfere rodovspomozheniya: diss. kand. yurid. nauk: 12.00.12. M., 2017. 177 s.
6. Bagmet A.M., Cherkasova L.I. Kriminalisticheskie osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershennykh medicinskimi rabotnikami // Rossijskij sledovatel'. 2014. № 1. S. 10-14.
7. Luneva A.A. Ugodnaya otvetstvennost' za detoubijstvo: problemy teorii i pravoprimereniya: dis... kand. yurid. nauk: 12.00.08. M., 2013. 196 s.
8. Borzenkov G.N. Kvalifikaciya prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya: uchebno-prakticheskoe posobie. M.: Zerkalo-M, 2006. 144 s.
9. Borodin S.V. Prestupleniya protiv zhizni. SPb.: YUridicheskij centr Press, 2003. 467 s.
10. Grubova E.I. Problemy otvetstvennosti za ubijstvo mater'yu novorozhdenno rebenka v rossijskom i zarubezhnom ugodnom zakonodatel'stve: dis... kand. yurid. nauk: 12.00.08. M., 2009. 260 s.
11. Seregina E.V. Ugodno-pravovye i kriminologicheskie aspekty ohrany zhizni novorozhdenno rebenka: dis... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Rostov-na-Donu, 2004. 219 s.
12. Hatuev V.B. Ugodno-pravovaya ohrana beremennykh zhenshchin, maloletnih, bezzashchitnykh i bespomoshchnykh lic i lic, nahodyashchih v zavisimosti ot vinovno: dis...kand. yurid. nauk: 12.00.08. M., 2004. 189 s.
13. Borkov V.N. Social'naya obuslovlennost' ugodno-pravovogo zapreta na bezdejstvie vlasti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. T. 1. № 12. S. 76–83.
14. Rogova E.V. Social'naya obuslovlennost' kategorii ugodnogo prostupka v sovremennom ugodnom prave // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2015. № 3. S. 70-76.
15. Komogorceva N.A. Social'naya obuslovlennost' ugodno-pravovoj normy, predusmatrivayushchej otvetstvennost' za ugrozu ubijstvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu // Sovremennoe pravo. 2010. № 1. S. 100-104.
16. Artyushina O.V. Ubijstvo s osoboj zhestokost'yu: ugodno-pravovye i kriminologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. N.Novgorod, 2011. 26 s.
17. Ugodnyj kodeks Francii / pod red. N.E. Krylovoj, L.V. Golovko. SPb: YUridicheskij centr Press, 2002. 650 s.

Об авторе: Позднякова Айсылу Рамисовна, доцент ОД ОП № 5 «Московский» Управления МВД России по г. Казани, адъюнкт КЮИ МВД России
e-mail: Khatyamova-aislu@mail.ru
© Позднякова А.Р., 2019.

Статья получена: 01.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Pozdnyakova Aysylu R., Investigator of the Department of Inquiry of Police Office of No. 5 "Moskovsky" of the Office of MIA of Russia for the City of Kazan, Postgraduate in a Military College of Kazan Law Institute of MIA of Russia
e-mail: Khatyamova-aislu@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Е.В. Рогова, Е.А. Лайкова

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 322² И 322³ УК РФ

PUBLIC DANGER OF CRIMES UNDER ARTICLES 322² AND 322³
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: статья посвящена исследованию проблемы криминализации противоправных деяний в сфере регистрационного и миграционного учетов. Особое внимание авторами уделено установлению и изучению общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ. Акцентируется внимание на таком сложном социальном явлении, как скрытая незаконная миграция, способствующая развитию терроризма и экстремизма, а также приводящая к росту преступности в стране. Проанализированы факторы формирования криминального рынка в сфере регистрационного и миграционного учета.

Материалы и методы: в работе использовались логический, системно-структурный и статистический методы. Материалами исследования послужили нормы уголовного, регистрационного и миграционного законодательства Российской Федерации, научная литература.

Результаты исследования: в статье сформулировано авторское понятие «криминального рынка в сфере регистрационного и миграционного учета». Исследована общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, которые наносят существенный вред ряду общественных отношений, охраняемых уголовным законом.

Обсуждение и заключения: авторы приходят к выводу, что общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, представлена совокупностью ряда факторов (социально-экономический, политический, социально-правовой). Для криминализации данных противоправных деяний имеет значение их общественная опасность и распространенность.

Ключевые слова: фиктивная регистрация, фиктивная постановка на учет, общественная опасность, преступление, криминализация, уголовная ответственность

Для цитирования: Рогова Е.В., Лайкова Е.А. Общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 179-184. DOI: 10.24420/KUI.2019.59.69.010

Introduction: the article is devoted to criminalization of illegal acts in registration and migration service registration. Special attention is paid to the establishment and study of public danger of the crimes under Articles 322² and 322³ of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention is focused on such a complex social phenomenon as hidden illegal migration contributing to the development of terrorism and extremism, as well as leading to an increase in crime in the country. Factors of formation of the criminal market in the sphere of registration and migration accounting are analyzed.

Materials and Methods: logical, system-structural and statistical methods were used. The research materials were norms of criminal, registration and migration legislation of the Russian Federation, scientific literature.

Results: the article formulates the author's concept of "criminal market in the field of registration and migration registration". Social danger of the crimes provided by Art. 322² and 322³ of the Criminal Code of the

Russian Federation which cause essential harm to a number of the public relations protected by the criminal law is investigated.

Discussion and Conclusions: the social danger of crimes under Articles 322² and 322³ of the Criminal Code of the Russian Federation is represented by a set of factors (socio-economic, political, socio-legal). For the criminalization of these illegal acts, their social danger and prevalence are important.

Key words: fictitious registration, public danger, crime, criminalization, criminal liability

For citation: Rogova E.V., Laikova E. A. Public danger of crimes under articles 322² and 322³ of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 179-184. DOI: 10.24420/KUI.2019.59.69.010

Введение

В декабре 2013 г. в российском законодательстве были криминализированы два противоправных деяния, предусмотренные ст. 322² «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации» и ст. 322³ «Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации»¹. Данные новшества призваны противодействовать злоупотреблению владельцами жилья своими правами относительно регистрации и постановки на учет в нем граждан иностранных государств, лиц без гражданства. При этом собственниками и иными владельцами жилых и иных помещений нередко руководит корыстный мотив, так как они имели определенную материальную заинтересованность. Однако в свете либерализации уголовно-правовой политики России на современном этапе эти нововведения вызвали неоднозначную оценку среди научной общественности.

Обзор литературы

Преступления, связанные с нелегальной миграцией и сопутствующими ей противоправными деяниями, рассматривались такими учеными, как С.А. Авакьян, Ю.М. Антонян, Г.Н. Борзенков, В.А. Владимиров, Л.Д. Гаухман, П.Н. Кобец, И.А. Коробеев, А.Л. Репецкая, Н.Н. Тоцкий, А.Н. Шкилев, В.Ф. Цепелев и др.

Исследованием преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, при рассмотрении общих вопросов незаконной миграции на диссертационном уровне занимались М.Н. Ахмедов, В.А. Андрущенко, Э.Р. Байбурин, С.П. Бондарев, Э.Х. Кахбулаева, В.С. Соков.

Материалы и методы

Методологическую основу данной работы составили методы диалектического познания,

историко-сравнительный, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический (статистическое наблюдение, анализ) методы исследования, изучение общественного развития правовых явлений. Материалами исследования послужили нормы уголовного, регистрационного и миграционного законодательства Российской Федерации, научная литература по теме.

Результаты исследования

В статье исследована общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, которые наносят существенный вред ряду общественных отношений, охраняемых уголовным законом, дано авторское понятие «криминального рынка в сфере регистрационного и миграционного учета».

В юридической литературе подвергается сомнению необходимость криминализация противоправных деяний, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, за совершение которых, как полагают авторы, при должной организации работы правоохранительных и жилищно-коммунальных служб было бы вполне достаточно административной ответственности [1, с. 34-38]. Так, по мнению П.А. Филиппова, «криминализация фиктивной регистрации была бы обоснованной при условии наличия таких конструктивно образующих признаков объективной стороны, как «системность», «фиктивная регистрация на постоянной основе», «извлечение прибыли или дохода в крупном размере» [2, с. 90]. Другие авторы подчеркивают, что «общественная опасность» – это свойство деяния, отражающее его способность причинять вред либо создавать угрозу нанесения существенного ущерба господствующим в нем общественным отношениям, образу жизни. Борисов С.В. говорит о необходимости обратить основное внимание не на характер, а на степень общественной опасности соответствующих деяний, так как, по мнению ученого, «при совершении общественно опасного деяния правоприменителю не удалось дать ответ

¹ Федеральный закон РФ от 21.12.2013 № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6696.

на вопрос о том, достигают ли неразрешенные в них действия уровня вредоносности» [3, с. 83]. Данную точку зрения поддерживает и И.А. Петрова, которая считает, что установление уголовной ответственности за данные деяния является избыточной мерой [4, с. 88-89].

Не соглашаясь с данными рассуждениями, отметим, что рассматриваемые преступления прежде всего нарушают общественные отношения, возникающие в результате решения государством современных миграционных, политических и социально-экономических проблем.

Необходимость криминализации исследуемых нами деяний связана с тем, что в последнее время существенно увеличилось число адресов, где фиктивно регистрируются (встают на учет) российские и иностранные граждане без намерения реально проживать (пребывать) в жилых помещениях в РФ. Более того, «закрепление уголовной ответственности за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет направлено на обеспечение соблюдения гражданами и должностными лицами правил регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также на обеспечение соблюдения указанными лицами требований миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹.

За последние несколько лет Россия столкнулась с масштабной проблемой нелегального пребывания и нахождения граждан других стран на территории страны. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 11 438 преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, что составило 0,5 % от общего количества всех зарегистрированных преступлений, в 2015 г. – 17 960 (0,7 %), в 2016 г. – 23 737 (1 %), в 2017 г. – 38 283 (1,8 %), в 2018 г. – 46 063 (2 %)². Приведенные данные свидетельствуют о ежегодном увеличении количества зарегистрированных преступлений.

Следует отметить, что рост числа случаев фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет считается одной из главных причин многих общественно опасных последствий для личности, общества, государства: расовая, религиозная, этническая вражда среди мигрантов приводит к осложнению криминогенной обстановки в стране, способствует развитию терроризма и экстремизма, усугубляет негативные социальные явления,

связанные с преступностью (проституцию, наркоманию, попрошайничество), а также провоцирует рост теневой экономики.

Так, ряд авторов среди причин и условий, способствующих нарушениям общественного порядка, увеличению фактов экстремистских проявлений, террористических актов, прямо указывают на нарушения регистрационного и миграционного режимов пребывания и проживания иностранных граждан (лиц без гражданства) в жилых помещениях на территории Российской Федерации [5, с. 83].

Фиктивная регистрация и фиктивная постановка на учет усложняют прогнозирование миграционной ситуации в стране, органы государственной власти и местного самоуправления теряют контроль над лицами, которые фиктивно регистрируются или фиктивно встают на учет. Указанные лица бесконтрольно передвигаются по стране, распространяя достаточно опасные для здоровья заболевания, совершая административные правонарушения, преступления. А их местонахождение неизвестно правоохранительным органам.

Другой важный момент, на который необходимо обратить особое внимание, – это связь преступлений, предусмотренных ст. 322² и 322³ УК РФ, с нелегальной миграцией. Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, незаконная миграция – это перемещение в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) лиц других государств и (или) осуществления ими трудовой деятельности³. Незаконная миграция – это социальное исторически изменчивое общественно опасное массовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных на определенной территории за определенный период мигрантами, объединенными общностью криминальной сферы и интересов [6, с. 88–89]. На долю этих лиц приходится значительное число довольно серьезных преступлений, таких как незаконный оборот наркотиков, разбой, грабежи.

Так, по официальным статистическим данным МВД России, в 2012 г. иностранными гражданами на территории РФ было совершено 42 650 преступлений, в том числе гражданами стран СНГ – 37 319 из 2302,2 тыс.; в 2013 г. – 46 984, СНГ – 40 295 из 2206,3 тыс.; в 2014 г. – 45 538, СНГ – 39 438 из 2166,4 тыс.; в 2015 г. – 48 210,

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 200753-6. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=200753-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=200753-6) (дата обращения: 12.08.2017)

² Статистические данные Верховного Суда РФ. Форма № 10-а за январь–декабрь 2014 г.; Форма № 10-а за январь–декабрь 2015 г.; Форма № 10-а за январь–декабрь 2016 г.; Форма № 10-а за январь–июнь 2017 г.; Форма № 10-а за январь–июнь 2018 г. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 20.03.2019).

³ Президент утвердил Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.kremlin.ru/news/15635> (дата обращения: 27.02.2017).

СНГ – 42 070 из 2352,1 тыс.; в 2016 г. – 43 933, СНГ – 38 501 из 2160,0 тыс., в 2017 г. – 41 047, СНГ – 36 233 из 2058,5 тыс., в 2018 г. – 35 892, СНГ – 31 923 из 1841,3 тыс.¹ Из этого следует, что доля деяний, совершаемых гражданами других стран на территории Российской Федерации, ежегодно составляет около 2 % от общего количества зарегистрированных преступлений. Данные сведения подтверждают достаточно стабильное состояние преступности указанных лиц. В то же время цифры представляют собой только формальную статистику преступлений, поскольку фиктивная регистрация и фиктивная постановка на учет незаконных мигрантов способствуют увеличению латентной преступности иностранных граждан и лиц без гражданства.

Кроме того, нелегальное пребывание указанных лиц представляет возможный риск возникновения серьезной угрозы здоровью населения принимающей страны, поскольку в ряде стран происхождения незаконных мигрантов наблюдается неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка, а сами мигранты не попадают в сферу санитарного контроля в России и имеют минимальный доступ к медицинским услугам, что приводит к распространению различного рода заболеваний, таких как СПИД, ВИЧ-инфекция, туберкулез, брюшной тиф и многих других [7].

Другой не менее важной проблемой для экономики Российской Федерации является отток денежных средств за незаконную трудовую деятельность мигрантов на их родину. Ежегодно от недополученных налогов российский бюджет теряет примерно 200-300 млрд руб., тем самым российской экономике наносится ощутимый ущерб. Формируется нелегальный оборот финансовых средств в значительных объемах, эти доходы используются для финансирования преступной деятельности. Получая деньги за нелегальную трудовую деятельность, мигранты любым способом высылают их на родину для поддержания своих семей.

С другой стороны, следует отметить, что и российские предприимчивые граждане, воспользовавшись данной ситуацией, превратили прописку и учет в своеобразный бизнес, получивший название «резинový адрес». В многочисленных населенных пунктах России благополучно преуспевает предпринимательство, связанное с вымышленной пропиской, в котором задействованы не только владельцы жилых помещений, но и юридические лица, выступающие посредниками в качестве агентств недвижимости и других организаций. Сущность данного бизнеса заключается в том, что владельцы

жилых помещений (квартир, жилых домов, комнат и даже незначительных долей в них) за конкретную сумму предоставляют свое жилое помещение. Данный вид услуг имеет неофициальный характер, т.е. исключает уплату налогов с прибыли.

Иностранные граждане, лица без гражданства на основании такой регистрации и учета в последующем оформляют другие документы: патент, разрешение на краткосрочное проживание и др., приобретают гражданство Российской Федерации, получают паспорт гражданина Российской Федерации.

Следует отметить, что на смену квартирам пришли так называемые «резинové офисы», где недобросовестные работодатели или фирмы-однодневки ставили на миграционный учет по адресам организации прибывающих в Россию граждан из других стран, которые там фактически не проживали и не работали, порождая этим скрытую незаконную миграцию, которая влекла за собой соответствующие по объему негативные последствия, нанося тем самым угрозу национальной безопасности государства. Внесением изменений в уголовное и миграционное законодательство в ноябре 2018 г. данный правовой пробел был устранен.

Таким образом, все перечисленные обстоятельства способствуют формированию так называемого «криминального рынка» в сфере миграционного и регистрационного учета граждан России, иностранных граждан или лиц без гражданства, под которым следует понимать взаимосвязанную систему рыночных отношений, в которой регистрация и постановка на учет граждан России, иностранных граждан или лиц без гражданства осуществляется с нарушением официального контроля, с сокрытием целей от контролирующих органов, а также с целью взаимодействия с органами местного самоуправления, муниципальными, финансовыми и другими организациями.

Обсуждение и заключения

Подводя итог вышесказанному, приходим к выводу, что рассматриваемые преступления являются объективно общественно опасными: они наносят существенный вред ряду общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Эти преступления представляют значительную угрозу национальной безопасности страны, неконтролируемые миграционные потоки обуславливают высокую латентность преступности граждан других стран, вызванную рядом факторов, среди которых следует выделить отсутствие их надлежащего регистрационного и миграционного учета.

¹ Состояние преступности в России за 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг. // Офиц. сайт МВД России. URL: <http://mdd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (дата обращения: 19.01.2018).

Общественная опасность фиктивной регистрации и фиктивной постановки на учет граждан Российской Федерации и иностранцев по месту пребывания или по месту жительства в помещении в Российской Федерации характеризуется:

- во-первых, нарушением общественных отношений, возникающих в результате реализации государством современной миграционной и социально-экономической политики;

- во-вторых, тем, что они выступают угрозой безопасности страны, способствуют усилению теневой экономики, утечке денежных средств, развитию коррупции, уклонению от уплаты налогов, штрафов и других платежей;

- в-третьих, тем, что прослеживается их связь с незаконной миграцией, что, в свою очередь, ведет к увеличению количества преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства;

- в-четвертых, тем, что нарушения регистрационного режима иностранных граждан и лиц без гражданства вызывают рост конфликтов на межнациональной, а также религиозной почве, которые приводят к социальной напряженности в обществе, что, в свою очередь, обостряет криминальную ситуацию в государстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 34–38.
2. Филиппов П.А. Организация незаконной миграции: практика применения ст. 322.1 УК РФ и новеллы законодательства // Уголовное право. 2014. № 3. С.83-92.
3. Борисов С.В. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию (постановку на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации // Юридическая наука. 2015. № 2. С. 66-67.
4. Петрова И.А. Уголовная ответственность за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59). Ч. 2. С. 138-139.
5. Кадников Н.Г., Шкабин Г.С. Проблемы уголовной ответственности за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет граждан Российской Федерации и иностранцев по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 83-88.
6. Шкилев А.Н. Миграция: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 237 с.
7. Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений: (по итогам социологического исследования) / Междунар. организация по миграции (МОМ), Бюро МОМ в России. М.: Гендальф, 2004. 520 с.

REFERENCES

1. Gladkih V.I. Novye pravovye mekhanizmy protivodejstviya terrorizmu: kriticheskij analiz // Rossiiskiy sledovatel'. 2014. № 5. S. 34–38.
2. Filippov P.A. Organizatsiya nezakonnoj migratsii: praktika primeneniya st. 322.1 UK RF i novelty zakonodatel'stva // Ugolovnoe pravo. 2014. № 3. S.83-92.
3. Borisov S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za fiktivnyuyu registratsiyu (postanovku na uchet) po mestu prebyvaniya ili po mestu zhitel'stva v zhilom pomeshchenii v Rossijskoj Federacii // YUridicheskaya nauka. 2015. № 2. S. 66-67.
4. Petrova I.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za fiktivnyuyu registratsiyu i fiktivnyuyu postanovku na uchet inostrannogo grazhdanina ili lica bez grazhdanstva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 9 (59). CH. 2. S. 138-139.
5. Kadnikov N.G., SHkabin G.S. Problemy ugolovnoj otvetstvennosti za fiktivnyuyu registratsiyu i fiktivnyuyu postanovku na uchet grazhdan Rossijskoj Federacii i inostrancev po mestu prebyvaniya ili po mestu zhitel'stva v zhilom pomeshchenii v rossijskoj Federacii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2017. № 4. S. 83-88.
6. SHkilev A.N. Migratsiya: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty : dis. ...kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2006. 237 s.
7. Problema nezakonnoj migratsii v Rossii: realii i poisk reshenij: (po itogam sociologicheskogo issledovaniya) / Mezhdunar. organizatsiya po migratsii (MOM), Byuro MOM v Rossii. M.: Gendal'f, 2004. 520 s.

Об авторах: Рогова Евгения Викторовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

e-mail: rev-80@yandex.ru

Лайкова Елена Александровна, преподаватель кафедры специальной подготовки Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел Российской Федерации (ВСИ МВД России)

e-mail: elena-lajkova@yandex.ru

© Рогова Е.В., 2019.

© Лайкова Е.А., 2019.

Статья получена: 18.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the authors: Rogova Evgeniya V., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

e-mail: rev-80@yandex.ru

Laikova E.A., Lecturer of the Department of Special Education of East-Siberian Institute of MIA of Russia

e-mail: elena-lajkova@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Лайкова Елена Александровна – подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; подбор и поиск аналитических материалов

Рогова Евгения Викторовна – концепция и инициация исследования; осуществление критического анализа и доработка текста.

Р.Ш. Асанов

**ПРОБЛЕМА ДОПУСКА И УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА
ДВУХ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМЫХ ЛИЦ В ОДНОМ
ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

**THE ISSUE OF ADMISSION AND PARTICIPATION
OF THE DEFENSE COUNSEL OF TWO CRIMINALLY
PROSECUTED PERSONS IN ONE PRE-TRIAL PROCEDURE**

Введение: наличие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) нормы, допускающей участие в одном уголовном деле защитника двух подозреваемых (обвиняемых) при условии отсутствия противоречий в их интересах, создает определенные сложности в правоприменительной деятельности. В связи с этим в статье исследуется степень раскрытия значения понятия «интерес» на нормативном уровне, а также возможность использования в качестве условия участия защитника двух подозреваемых (обвиняемых) при отсутствии противоречий в интересах данных лиц.

Материалы и методы: в ходе исследования применялись диалектический, логический, функциональный, системно-структурный методы, а также методы анализа, синтеза и группировки. Материалами выступили научные труды процессуалистов, а также нормативные правовые акты различного уровня в сфере уголовного судопроизводства.

Результаты исследования: при рассмотрении данной темы автором проанализирована сущность понятия «интерес» в целом, значение данной категории применительно к уголовному судопроизводству, нормативно закреплённая трактовка значения понятия «противоречие интересов», а также возможность использования понятия «отсутствие противоречий интересов» в качестве условия участия защитника двух подозреваемых (обвиняемых) по одному уголовному делу.

Обсуждение и заключения: итогом исследования явился вывод о том, что «отсутствие противоречий интересов» не может выступать в качестве главного требования при решении вопроса об участии защитника двух уголовно преследуемых лиц в рамках одного уголовного дела.

Ключевые слова: следователь, защитник, адвокат, допуск, участие, интерес, противоречие интересов, подозреваемый, обвиняемый

Для цитирования: Асанов Р.Ш. Проблема допуска и участия защитника двух уголовно преследуемых лиц в одном досудебном производстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 185-190. DOI: 10.24420/KUI.2019.30.76.011

Introduction: the standard of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation allowing the participation of a lawyer of two suspects (defendants) in one criminal case, provided there are no contradictions in their interests, presents certain challenges in law enforcement. In this regard, the article examines the degree of disclosure of the meaning of "interest" at the normative level, as well as the possibility of use as a condition for the participation of a defender of two suspects (accused) the absence of contradictions of interests of these persons.

Materials and Methods: during the study, dialectical, logical, functional, system-structural methods, as well as methods of analysis, synthesis and grouping were used. Materials were scientific works of proceduralists, as well as legal acts of various levels in the field of criminal proceedings.

Results: when examining this topic, the author clarified the essence of the concept of "interest" as a whole, as well as the meaning of this category in relation to criminal proceedings. An attempt was made to find a statutory interpretation of the meaning of the notion "contradiction of interests". The possibility of using the concept of "absence of conflicting interests" as a condition for the participation of a general defense counsel for two suspects (accused) in one criminal case is considered.

Discussion and Conclusions: according to the results of the study, the author came to the main conclusion that "the absence of conflicting interests" cannot act as the main requirement when deciding on the participation of a lawyer of two criminally prosecuted persons in one criminal case.

Key words: investigator, defense counsel, lawyer, admission, participation, interest, contradiction of interests, suspect, accused.

For citation: Asanov R.SH. The issue of admission and participation of the defense counsel of two criminally prosecuted persons in one pre-trial procedure // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 185-190. DOI: 10.24420/KUI.2019.30.76.011

Введение

Значительная часть уголовных дел, находящихся в производстве органов предварительного следствия, содержит сведения о реализации преступных действий в соучастии группой лиц. Как известно, санкции статей за групповые преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) более строгие, поскольку они представляют большую общественную опасность по сравнению с уголовно-наказуемыми деяниями, совершенными в одиночку. Указанные обстоятельства выступают дополнительной мотивацией к стремлению подозреваемых и обвиняемых по данным уголовным делам привлечь защитников по соглашению (ч. 1 ст. 50 УПК РФ), либо ходатайствовать перед следователем об участии адвоката по назначению (ч. 2 ст. 50 УПК РФ).

Не акцентируя внимание на способе привлечения защитников, следует отметить, что, закрепив в УПК РФ норму, согласно которой «одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противостоят интересам другого» (ч. 6 ст. 49 УПК РФ), законодатель тем самым ориентирует правоприменителя на то, что: 1) один защитник может участвовать в уголовном деле, действуя в интересах одновременно двух уголовно преследуемых лиц; 2) основным условием для этого является наличие единого, не противоречащего интереса у подзащитных.

В целях обеспечения реализации указанной нормы законодатель сделал оговорку, что несоблюдение данного условия влечет за собой исключение участия защитника в производстве по уголовному делу (п. 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ пп. 2 п. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹).

Таким образом, на нормативном уровне главную роль в вопросе допуска и участия защитника двух уголовно-преследуемых лиц в одном досудебном производстве играет отсутствие противоречий интересов данных лиц.

В уголовно-процессуальной деятельности данный вопрос вызывает немало сложностей среди правоприменителей, поскольку представленная законодателем трактовка данного условия участия защитника носит весьма размытый характер и не имеет относительно четких границ и рамок. Обусловлено это в первую очередь тем, что УПК РФ не содержит нормы, разъясняющей, что именно

понимается под «интересом» личности в уголовном судопроизводстве. Ведь данное понятие несет в себе довольно глубокую смысловую нагрузку [1, с. 90-102], в связи с чем зачастую не воспринимается следователями однозначно.

Однако законом также не урегулирован вопрос о возможности участия защитника двух уголовно преследуемых лиц в случае устранения противоречий их интересов непосредственно в ходе расследования. И, наконец, законодатель не указал на степень несовпадения, достаточную для того, чтобы полагать об имеющемся (или возникшем) противоречии интересов лиц, которым юридическую помощь оказывает один и тот же защитник.

В тех случаях, когда позиции подозреваемых (обвиняемых), совершивших преступление в соучастии, полностью совпадают, рассматриваемая проблема практически не проявляется. Однако стоит уголовно-преследуемым лицам несколько изменить свое отношение к инкриминируемому им деянию, как ситуация тут же приобретает проблемный характер. Как показывает практика, у данных лиц нередко в ходе расследования имеются некоторые расхождения как в показаниях, так и в позиции, избранной по уголовному делу. И это вполне естественно и объясняется стремлением избежать личной ответственности либо уменьшить степень своей виновности перед органами следствия и суда.

Отсюда в уголовно-процессуальной деятельности у следователей возникают следующие наиболее распространенные вопросы: что, кроме признания вины, охватывается интересом уголовно преследуемого лица и как поступать в ситуации, когда из двух лиц, имеющих по уголовному делу одного защитника, один признает вину полностью, а второй – частично либо у них имеются существенные расхождения в показаниях? Можно ли считать это как противоречия их интересов, позволяющие следователю принять решение о недопущении участия или отстранении уже ранее допущенного защитника? Какова должна быть степень расхождения данных, чтобы расценивать их как противоречия интересов? То есть речь идет о тех часто встречающихся случаях, когда позиции двух лиц, имеющих общего адвоката-защитника, противоречат не полностью, а в какой-то определенной части. И, наконец, не менее важным выступает отдельный вопрос: правомерно ли допускать защитника к участию в уголовном деле

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2019).

для оказания юридической помощи двум лицам, если ранее у них были противоречия в интересах, но на момент решения вопроса об участии адвоката они были устранены, либо у следователя имеются основания полагать, что разногласия могут возникнуть впоследствии?

Обзор литературы

В науке уголовного процесса исследованию деятельности защитников в уголовном судопроизводстве уделено достаточно много внимания. Такие авторы, как Н.А. Власова, А.А. Давлетов, П.А. Лупинская, В.С. Попов, А.В. Рагулин, А.П. Рыжаков, Е.В. Селина, Г.И. Сибирцев и многие другие, посвятили свои научные труды вопросам участия адвокатов-защитников в уголовном процессе. При этом отдельная проблема, касающаяся допуска и участия защитника двух подозреваемых (обвиняемых) по одному уголовному делу, процессуалистами в должной мере не исследовалась.

Некоторые аспекты по теме исследования нашли свое отражение в трудах С.В. Куприйченко, А.С. Таран, С.С. Ампенцова, М.В. Горского и др.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступает совокупность приемов и методов научного познания, направленных на достижение поставленной цели. В основе лежит общенаучный диалектический метод, позволивший проанализировать современное состояние рассматриваемой проблемы. Кроме этого, в работе также использовались логический, функциональный, системно-структурный методы, а также методы анализа, синтеза и группировки.

Материалами исследования выступают научные труды, касающиеся рассматриваемой темы, уголовно-процессуальное законодательство РСФСР и РФ, а также иные нормативные правовые акты в сфере уголовного судопроизводства.

Результаты исследования

Как отмечалось нами ранее, в основе проблемы допуска и участия защитника двух уголовно преследуемых лиц в одном досудебном производстве лежит категория «интерес» личности в уголовном судопроизводстве.

Прежде чем перейти к уяснению смыслового значения данного понятия применительно к уголовно-процессуальной деятельности, следует отметить, что по своему семантическому значению «интерес» подразумевает: «1) внимание, возбуждаемое по отношению к кому-чему-н. значительному, важному, полезному или кажущемуся таким; 2) предмет, тема, приковывающая, возбуждающая

внимание; 3) прибыль, польза, смысл; 4) выгоды, нужды; 5) стремления, потребности»¹.

В науке уголовного процесса определение категории «интерес» личности также имеет неоднозначный характер, в связи с чем выступает отдельной проблемой [2, с. 180]. Так, по мнению Ю.А. Анишиной, интерес личности представляет собой потребность в защите прав и законных интересов [3, с. 1-24]. Багаутдинов Ф.Н. рассматривает интерес личности как потребность в правильном применении закона и обеспечении прав участников в связи с их вовлечением в уголовный процесс [4, с. 16]. Ильницкая Л.И. данное понятие рассматривает как стремление участников, отстаивающих по делу собственный интерес, достичь определенного исхода уголовного дела [5, с. 6-7].

Как видно, под данной категорией можно понимать все, от чего зависит положение того или иного участника уголовного процесса. Соответственно, без раскрытия значения понятия «интерес» на нормативном уровне его использование в ч. 6 ст. 49 УПК РФ в качестве главного условия участия защитника двух уголовно преследуемых лиц по одному уголовному делу видится довольно сложным. Данные обстоятельства указывают на несовершенство действующей нормативно-правовой конструкции.

При этом обращение к УПК РСФСР 1960 года (далее – УПК РСФСР), позволяет сделать вывод, что аналогичная норма была закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве задолго до принятия УПК РФ. Так, согласно ст. 47 УПК РСФСР, содержащей положения об участии защитника в уголовном судопроизводстве, «одно и то же лицо не может быть защитником двух обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого». То есть советский законодатель использовал при регулировании данного вопроса нормативную конструкцию, подобную действующей. Отсюда можно сделать вывод, что ст. 47 УПК РСФСР, выступая в качестве основы, нашла свое отражение в тексте современного УПК РФ.

Однако создатели действующего уголовно-процессуального закона, прибегнув к преемственности права, не учли два немаловажных момента.

Во-первых, согласно УПК РСФСР, адвокат допускался лишь к защите лица, имеющего статус обвиняемого, причем только на этапе окончания предварительного следствия, то есть с момента объявления об окончании расследования и предъявления материалов уголовного дела для ознакомления (ст. 47 УПК РСФСР). При данных обстоятельствах выявить несовпадение интересов

¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

защищаемых лиц было намного проще, поскольку к заключительному этапу расследования у обвиняемых, как правило, формируется уже какая-то устойчивая конечная позиция, позволяющая правоприменителю принять процессуальное решение о допуске и участии защитника для двух лиц с учетом наличия имеющихся противоречий.

Во-вторых, количество адвокатов, выступающих в качестве защитников, в советский период было значительно меньше, чем в настоящее время. Думается, что именно этим обусловлен тот факт, что законодатель того времени усматривал необходимость закрепления в УПК РСФСР нормы, предусматривающей возможность участия одного защитника для двух обвиняемых одновременно.

Учитывая данные обстоятельства, действующий порядок участия защитника двух уголовно преследуемых лиц в досудебном производстве не может основываться на положениях ст. 47 УПК РСФСР, поскольку использование на нормативном уровне формулировки «противоречие интересов» в современном уголовном процессе уже не обладает (в отличие от советского периода) способностью выступать в качестве критерия допустимости участия защитника.

Несколько поясняет данную ситуацию постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»¹. В соответствии с п. 10 данного постановления «при наличии любого из обстоятельств, указанных в статье 72 УПК РФ, участие защитника исключается во всех стадиях уголовного судопроизводства. Если между интересами обвиняемых, защиту которых осуществляет один адвокат, выявятся противоречия (признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; избличение одним обвиняемым другого и т.п.), то такой адвокат подлежит отводу».

Согласно данному постановлению, в качестве «противоречий интересов» приводятся такие варианты, как «признание обвинения одним и оспаривание другим по одним и тем же эпизодам дела; избличение одним обвиняемым другого и т.п.». Анализ данных положений свидетельствует, что: 1) указанные конкретные случаи противоречий интересов распространяются лишь на обвиняемых, оставляя без внимания подозреваемых лиц. А это, в свою очередь, подтверждает мысль, что нормативной основой в данном вопросе выступают положения ст. 47 УПК РСФСР, регламентирующей возможность привлечь за-

щитника только обвиняемому лицу; 2) приведенный перечень является далеко не исчерпывающим, что еще раз подчеркивает многозначный характер исходного понятия.

Однако отсутствие нормативно-правой регламентации значения понятия «противоречие интересов» является не единственной проблемой в рассматриваемом вопросе. Наиболее важную роль играет то обстоятельство, что основной чертой, характеризующей уголовный процесс, является его динамичность. Смена действий, принимаемых процессуальных решений, этапов и стадий, а также изменение хода развития уголовного судопроизводства – являются неотъемлемыми атрибутами данного вида деятельности. По данному поводу Л.В. Головкин совершенно справедливо отмечает следующее: «Слово "процесс" происходит от латинского *processus*, т.е. "движение вперед", что подчеркивает динамику уголовно-процессуальной деятельности, когда уголовное дело движется из стадии в стадию, каждая из которых должна приближать нас к окончательному разрешению вопросов материального уголовного права» [6, с. 34].

Кроме этого, как известно, все участники судопроизводства вовлечены в уголовно-процессуальные правоотношения, которые выступают как «форма связи между субъектами – участниками уголовного процесса. Эта форма наполняется реальным содержанием в результате совершения процессуальных действий, которые в свою очередь дают толчок развитию правовых отношений» [7, с. 44]. То есть предпосылками к изменению тех или иных правоотношений в уголовном судопроизводстве выступают различные действия участников судопроизводства и принятые процессуальные решения.

В связи с этим даже изначально сформированные четкие позиции подозреваемых и обвиняемых по уголовному делу отнюдь не гарантируют их неизменность в ходе дальнейшего расследования.

Исходя из этого, понятие «противоречие интересов», выступающее в качестве условия допуска и участия одного защитника двух подозреваемых (обвиняемых) в досудебном производстве, не обладает устойчивостью, в связи с чем, по нашему мнению, является неприемлемым в рассматриваемом аспекте. То есть вне зависимости от понимания содержательной стороны понятия «интерес» в уголовном процессе и ее закрепления на нормативном уровне, сам факт использования данной категории в качестве условия участия защитника является методологически неверным, поскольку одним из главных требований, предъявляемых к

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2019).

условиям подобного рода, выступает их неизменность, константа.

Абсолютно иной характер имеет вопрос о привлечении одним уголовно-преследуемым лицом одновременно нескольких защитников, отстаивающих интересы только одного лица по уголовному делу. Действующий УПК РФ, в отличие от предшествующего ему УПК РСФСР, предоставляет данную возможность (ч. 1 ст. 50 УПК РФ). В контексте рассматриваемой проблемы данное право видится куда более действенным и эффективным способом реализации защиты, чем наличие одного адвоката для нескольких уголовно преследуемых лиц.

Обсуждение и заключения

Исследование указанной проблемы ни в коей мере не ориентировано на ограничение права на защиту и имеет своей целью исключительно совершенствование правоотношений, возникающих между участниками уголовного процесса в данном аспекте.

Подводя итог по теме исследования, в заключении отметим:

1. В настоящее время главным условием допуска и участия защитника двух уголовно преследуемых лиц (подозреваемых, обвиняемых) по одному уголовному делу является отсутствие у них противоречий интересов. Закрепив указанное требование в УПК РФ, законодатель не раскрыл его сущность и значение применительно к данному

вопросу, в связи с чем многими юристами данное условие трактуется по-разному, что, в конечном счете, вызывает определенные сложности в практической деятельности.

2. В качестве правовой основы в данном вопросе выступили нормы УПК РСФСР, содержащие положения, практически полностью аналогичные тем, что закреплены в действующем УПК РФ. Однако законодателем не учтены особенности советского уголовного процесса, в котором участие защитника по уголовному делу априори было возможным лишь для оказания правовой помощи обвиняемым на конечном этапе расследования. Соответственно, отсутствие противоречий интересов между двумя обвиняемыми при решении вопроса о допуске единого защитника в советский период более действенно выступало в качестве условия привлечения адвоката.

3. Учитывая динамичный характер уголовного процесса, в котором позиции участников судопроизводства, в частности подозреваемых и обвиняемых, не обладают стабильностью и зависят от многих факторов, противоречия в их интересах (в разной степени) могут возникнуть в любой момент расследования. Соответственно, «отсутствие противоречий» не может выступать в качестве главного требования и критерия при решении вопроса об участии защитника двух уголовно преследуемых лиц в рамках одного уголовного дела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таран А.С. Обстоятельства, исключаяющие участие адвоката в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
2. Купрейченко С.В. Противоречие интересов доверителей адвоката-защитника в уголовном процессе. Понятие, последствия, проблемы установления и процессуального реагирования // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 177-185.
3. Анишина Ю.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 24 с.
4. Багаутдинов Ф.Н. Публичные и личные интересы в российской уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2004. 59 с.
5. Ильницкая Л.И. Личные интересы участников российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ижевск, 2002. 20 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
7. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова. М.: Юрид. лит., 1989. 650 с.

REFERENCES

1. Taran A.S. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie uchastie advokata v ugolovnom processe: monografiya. M.: YUrlitinform, 2013. 192 s.
2. Kuprejchenko S.V. Protivorechie interesov doveritelej advokata-zashchitnika v ugolovnom processe. Ponyatie, posledstviya, problemy ustanovleniya i processual'nogo reagirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 9 (82). S. 177-185.
3. Anishina YU.A. Obespechenie prav i zakonnyh interesov poterpevshego po ugolovnym delam chastnogo i chastno-publichnogo obvineniya v dosudebnom proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2013. 24 s.

4. Bagautdinov F.N. Publichnye i lichnye interesy v rossijskoj ugolovnom sudoproizvodstve i garantii ih obespecheniya na predvaritel'nom sledstvii: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk: 12.00.09. M., 2004. 59 s.
5. Il'nickaya L.I. Lichnye interesy uchastnikov rossijskogo ugolovnogo processa: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.09. Izhevsk, 2002. 20 s.
6. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L.V. Golovko. 2-e izd., ispr. M.: Statut, 2017. 1280 s.
7. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa: Obshchaya chast' / pod red. A.D. Bojkova. M. : YUrid. lit., 1989. 650 s.

Об авторе: Асанов Решат Шевкетович, адъюнкт Уральского юридического института МВД России
e-mail: reshrock@mail.ru
© Асанов Р.Ш., 2019.

Статья получена: 01.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Asanov Reshat Sh., Postgraduate of Ural Law Institute of the MIA of Russia
e-mail: reshrock@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Ф.Н. Багаутдинов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ
СУДЕБНОГО ШТРАФА

ISSUES OF ORDER A COURT FINE

Введение: в статье рассматриваются спорные вопросы судебной практики применения института судебного штрафа, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в отношении применения статьи 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Материалы и методы: в ходе работы над статьей применялись аналитический, формально-логический, сравнительно-правовой методы, метод обобщения судебной практики.

Результаты исследования: выявлены противоречивые подходы судов при назначении судебного штрафа, исследована имеющаяся судебная практика, сформулированы предложения в целях создания единообразия судебной практики.

Обсуждение и заключения: автор считает необходимым законодательно закрепить в ст. 76.2 УК РФ перечень составов преступлений, в случае совершения которых судебный штраф не может быть назначен.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, назначение судебного штрафа, подсудимый, уголовное наказание, меры уголовно-правового характера

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы назначения судебного штрафа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 191-195. DOI: 10.24420/KUI.2019.43.75.012

Introduction: the article considers disputable issues of court practice of the use of court fine, elucidation of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to Article 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: analytical, formal-logical, comparative legal methods and the method of generalization of court practice were used.

Results: differing approaches of courts in determining a fine emerged, court practice was studied, and suggestions to unify court practice were made.

Discussion and Conclusions: the author considers necessary to legislate a list of offences, in the case of which a judicial fine cannot be assigned.

Key words: exemption from criminal liability, appointment of a judicial fine, defendant, criminal punishment, measures of criminal law character

For citation: Bagautdinov F. N. Issues of Order a Court Fine // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 2. P. 191-195. DOI: 10.24420/KUI.2019.43.75.012

Введение

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была введена ст. 76.2, которая предоставила суду право освобождать виновное лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести впервые, возмещения ущерба или заглаживания причиненного преступлением вреда.

В соответствии со ст. 15 УК РФ преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы.

Преступлениями средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых мак-

симальное наказание, предусмотренное УК РФ, превышает три года лишения свободы.

В итоге на судебный штраф могут рассчитывать лица, совершившие умышленные преступления, за которые максимальное наказание составляет 5 лет лишения свободы. Также судебный штраф может быть назначен за любые неосторожные преступления. Согласимся, что это достаточно широкий круг самых различных преступлений.

Результаты исследования

Следует согласиться с мнением, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа представляет собой самостоятельный (обособленный) вид освобождения от уголовной ответственности, не связанный условиями с другими видами освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный Общей частью УК РФ. Данный вид освобождения от уголовной ответственности входит в комплекс норм уголовно-правового поощрения [1, с. 8-9].

Сравним законодательные формулировки статей 75 и 76.2 Уголовного кодекса РФ: в чем заключаются общие черты и отличия двух оснований освобождения от уголовной ответственности?

В соответствии со ст. 75 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием) лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

В соответствии со ст. 76.2 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа) лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный вред.

Выделим общие черты, признаки обоих институтов:

- совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести;
- возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда (ущерба) иным образом.

Дополнительные требования в ст. 75 УК РФ:

- добровольная явка с повинной (что не всегда возможно), способствование раскрытию и расследованию преступления.

Данные обстоятельства в ст. 76.2 УК РФ не указаны, но фактически также могут иметь место.

Интересная деталь: в ст. 75 УК РФ законодатель проводит мысль, что лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, вследствие деятельного раскаяния перестает быть общественно опасным. Подобной формулировки в ст. 76.2 УК РФ не содержится.

В связи с этим отдельными учеными высказана мысль, что основанием освобождения лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 75 УК РФ является утрата лицом, совершившим преступление, его прежней общественной опасности. Утрата лицом общественной опасности при этом подтверждается тем, что оно добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию совершенного им преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный данным преступлением [2, с. 26-27].

На наш взгляд, данное мнение представляется спорным. Сложно сделать вывод об утрате лицом, совершившим преступление, общественной опасности, исходя лишь из отдельных его действий, которые оно вынуждено совершить, желая избежать уголовной ответственности. Эти действия – лишь внешнее проявление его мыслей и стремлений. Лицо может возместить ущерб, изобразить деятельное раскаяние и при этом внутренне остаться общественно опасным, способным на совершение новых преступлений.

Перестало лицо быть общественно опасным или не перестало – объективно невозможно установить, и данную формулировку, по нашему мнению, следует исключить из закона. Допустимо говорить лишь об уменьшении, снижении общественной опасности лица в результате деятельного раскаяния.

Таким образом, серьезных отличий между статьями 75 и 76.2 УК РФ не усматривается.

Что касается сравнительного анализа статей 76 и 76.2 УК РФ, как следует из определения Конституционного Суда РФ от 21 июня 2011 г. № 860-О по жалобе Зяблина Е.В., вытекающее из взаимосвязанных положений статьи 76 УК Российской Федерации и статьи 25 УПК Российской Федерации полномочие суда, следователя и дознавателя отказать в прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, направлено на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиления их исправительного воздействия, предупреждения новых преступлений и тем самым – защиту личности, общества и государства от преступных посягательств. При этом указание в названных статьях на возможность освобождения от уголовной ответственности, на право, а не обязанность прекратить уголовное дело, не означает произвольное разрешение данного вопроса упол-

номоченным органом или должностным лицом, которые, рассматривая заявление о прекращении уголовного дела, не просто констатируют наличие или отсутствие указанных в законе оснований для этого, а принимают соответствующее решение с учетом всей совокупности обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

Вполне очевидно, что данная правовая позиция распространяется и на прекращение уголовного дела с применением судебного штрафа, за исключением требования о наличии согласия потерпевшего.

Уголовный закон не содержит прямого запрета на прекращение уголовных дел в связи с назначением судебного штрафа в случае отсутствия потерпевшего. В случае же отсутствия по делу ущерба суды обходят вопрос о возмещении причиненного преступлением вреда, не указывая на данное обстоятельство либо ссылаясь на отсутствие по делу ущерба как такового. Речь идет об уголовных делах по ст. 139, 308, 319, 322.3 УК РФ и др.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 2.1 Постановления от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (в ред. от 29.11.2016) разъяснил, что в ст. 76.2 УК РФ под ущербом понимается имущественный вред, который может быть возмещен в натуральном виде или в денежной форме. Речь идет о преступлениях с наличием потерпевшего и возможностью определить размер материального ущерба, например, вернуть ранее похищенную вещь, предоставить взамен данной вещи эквивалентную по стоимости, возместить ущерб деньгами. Компенсация морального вреда и принесение извинений потерпевшему охватываются категорией заглаживания вреда и принятия иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего.

Несмотря на подробные разъяснения Пленума, именно требование возместить ущерб или иным образом загладить вред в качестве обязательного условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа вызывает определенные трудности в правоприменительной практике.

Рассмотрим несколько примеров. Приговором Уватского районного суда Тюменской области от 22.05.2017 г. Ш. по ч. 1 ст. 228 УК РФ за незаконное хранение наркотических средств приговорен к штрафу в размере 25 тыс. руб. Уголовное дело рассматривалось в особом порядке. Тюменский областной суд по апелляционной жалобе осужденного приговор отменил и уголовное дело прекратил на основании ст. 25.1 УПК РФ в связи с назначением судебного штрафа в размере 25 тыс. руб. Отменяя приговор, судебная коллегия указала, что Ш. ранее не судим, обратился с явкой с повинной в правоохранительные органы, вину в совершении преступления признал, характеризуется положительно. В целях заглаживания вреда, причиненного преступлением, Ш. осуществил безвозмездное пожертвование имущества в пользу МКУ «Боровский детский дом» на сумму 20 960 руб. Указанные в совокупности обстоятельства первоначально выступали в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, а в суде апелляционной инстанции уже явились основанием для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа¹.

По другому уголовному делу по ч. 1 ст. 228 УК РФ (Ленинградская область) суд первой инстанции признал способом заглаживания вреда факт перечисления подсудимой 10 тысяч рублей в ООО «Центр социальной реабилитации "Возрождение"», занимающийся лечением больных наркоманией. Постановлением Президиума Ленинградского областного суда от 13 июня 2017 г. № 44у-47/2017 г. постановление суда первой инстанции о прекращении уголовного дела по ч. 1 ст. 228 УК РФ с назначением судебного штрафа было отменено с указанием, что объектом данного преступления является здоровье населения. Оно совершено не в отношении какого-либо конкретного потерпевшего, в связи с чем обязательное условие по возмещению вреда или иному заглаживанию вреда не может быть выполнено. Поэтому уголовно-правовая мера в виде судебного штрафа не может быть применена по данной категории преступлений.

Ленинский районный суд г. Тюмени постановлением от 15 марта 2018 г. прекратил уголовное дело в отношении Ф. по ч. 1 ст. 228 УК РФ, признав в качестве заглаживания вреда в том числе добровольное перечисление им в «Реабилитационный центр помощи наркозависимым "Поколение"» денежных средств, а также участие в оперативно-розыскных мероприятиях по проверочным закупкам, направленным на пресечение совершения новых подобных преступлений

¹ Архив Уватского районного суда Тюменской области за 2017 г.: уголовное дело № 22-1548/2017 // СПС «Гарант» (дата обращения: 25.03.2019).

иными лицами. Государственный обвинитель в апелляционном представлении поставил вопрос об отмене постановления суда, поскольку Ф. освобожден от уголовной ответственности в нарушение требований закона, что искажает саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия. По мнению прокурора, в данном уголовном деле нет какого-либо потерпевшего, и пожертвование в реабилитационный центр помощи наркозависимым не может рассматриваться как заглаживание вреда. В уголовном деле также нет данных об участии Ф. в проверочных закупках в отношении иных лиц. Кроме этого, прокурор обратил внимание и на личность Ф., который в течение длительного времени употребляет наркотические средства, приобретая их через сеть Интернет, состоит на учете в наркологическом диспансере. Тюменский областной суд согласился с доводами прокурора, постановление суда отменил, дело направил на новое судебное рассмотрение¹.

Таким образом, в данном конкретном случае государственный обвинитель привел убедительные доводы, опровергающие наличие заглаживания вреда со стороны виновного лица.

Как видим, в данных случаях суд как заглаживание вреда расценил безвозмездное пожертвование со стороны виновного лица в социальное учреждение. Подобные примеры заглаживания вреда в виде добровольных пожертвований в различные социальные учреждения в судебной практике не являются единичными. Вполне очевидно, что такие действия подсудимые совершают по предложению суда либо следователя. Считаем подобную практику незаконной.

Положение дел и криминальная ситуация в сфере незаконного оборота наркотических средств представляет серьезную угрозу для здоровья населения, поэтому практика прекращения уголовных дел по ст. 228 УК РФ с назначением судебного штрафа является необоснованной. Она создает у лиц, участвовавших в незаконном обороте наркотических средств, чувство безнаказанности, более того, не оставляет следов в биографии правонарушителя в виде судимости. Такой подход противоречит государственной политике в сфере противодействия распространению наркомании в целом, нарушает согласованный комплекс мер предупредительно-профилактического характера в отношении участников незаконного оборота наркотических средств.

Полагаем, что уголовное дело также не может быть прекращено с назначением судебного штрафа

в случаях совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, например, преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ. В судебной практике такие случаи имеются, несмотря на возражения государственных обвинителей в ходе судебного заседания.

Например, Красноармейский районный суд Челябинской области постановлением от 7 декабря 2016 г. прекратил с назначением судебного штрафа уголовное дело по ч. 1 ст. 222 УК РФ в отношении Ч., обвиняемого в незаконном хранении огнестрельного оружия – охотничьего карабина. Возражения государственного обвинителя не были приняты во внимание.

Д. привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ за незаконное хранение огнестрельного оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ. Постановлением Оленегорского городского суда Мурманской области уголовное дело прекращено с назначением судебного штрафа в размере 15 тысяч рублей при согласии государственного обвинителя. При этом суд указал, что Д. впервые привлекается к уголовной ответственности за совершение преступлений средней тяжести, полностью признал свою вину, раскаивается в содеянном, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, огнестрельное оружие, боеприпасы и взрывчатое вещество изъято у Д. полностью.

Однако из материалов дела, из приговора суда следует, что Д. хранил огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатое вещество с 2010 г. до 2017 г. – более 7 лет. Он никак не способствовал раскрытию и расследованию преступления – оружие было изъято при проведении сотрудниками полиции оперативно-розыскных мероприятий. Данные преступления обладают повышенной общественной опасностью, и прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа в данном конкретном случае представляется необоснованным².

Аналогичным образом в этом же суде тем же судьей прекращено уголовное дело по обвинению Д. в незаконном сбыте взрывчатых веществ – ч. 1 ст. 222.1 УК РФ: Д. продал взрывчатое вещество – порох. Государственный обвинитель снова не возражал. Снова суд повторяет доводы: активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, взрывчатое вещество изъято полностью. Какие еще могут быть другие варианты, если человек задержан с поличным при контроле-

¹ Апелляционное постановление Тюменского областного суда от 8 мая 2018 г. по уголовному делу № 22-968/2018 // СПС «Гарант» (дата обращения: 25.03.2019).

² Приговор Оленегорского городского суда Мурманской области от 5 октября 2017 г. по делу № 1-106/2017 // СПС «Гарант» (дата обращения: 25.03.2019).

ной закупке пороха?¹ Подобные приговоры, на наш взгляд, искажают смысл закона.

По нашему убеждению, в связи с повышенной общественной опасностью незаконного оборота огнестрельного оружия, несчастными случаями с применением оружия, следует запретить прекращение таких уголовных дел в порядке ст. 76.2 УК РФ.

В свою очередь Полуэктов А.Г. предлагает дополнить ст. 76.2 УК РФ частью 2 о том, что лица, совершившие преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135, ст. 205.2, ч. 1, 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221, ст. 240.1 УК РФ, не могут быть освобождены судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, предусмотренного ч. 1 ст. 76.2 УК РФ. Речь идет

об отдельных преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также о преступлениях, связанных с осуществлением террористической деятельности.

В связи с общественной значимостью борьбы с коррупцией, распространенностью коррупционных преступлений полагаем также невозможным применение судебного штрафа по составам дачи и получения взятки, посредничества во взяточничестве, за исключением мелкого взяточничества.

Обсуждение и заключения

С учетом изложенного предлагаем в ст. 76.2 УК РФ указать перечень составов преступлений, в случае совершения которых судебный штраф не может быть назначен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
2. Крылова Н.Е. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы законодательной регламентации и правоприменения // Вестник Моск. ун-та. Серия 11. Право. 2016. № 3.

REFERENCES

1. Poluektov A.G. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: teoreticheskij i prikladnoj aspekty: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018.
2. Krylova N.E. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: problemy zakonodatel'noj reglamentacii i pravoprimeneniya // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 11. Pravo. 2016. № 3.

Об авторе: Багаутдинов Флер Нуретдинович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

e-mail: kzn.ui.agprf@mail.ru

© Багаутдинов Ф.Н., 2019.

Статья получена: 03.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Bagautdinov Fleur N. Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision over the execution of laws in Investigation Activity and the Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Russian Federation

e-mail: kzn.ui.agprf@mail.ru

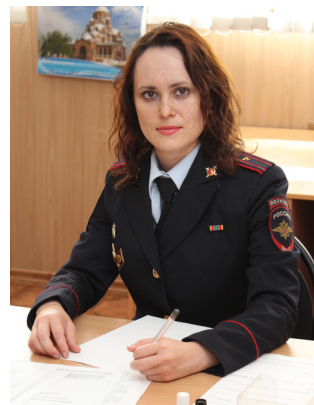
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

¹ Приговор Оленегорского городского суда Мурманской области от 6 июля 2017 г. по делу № 1-65/2017 // СПС «Гарант» (дата обращения: 25.03.2019).

УДК 343.102

DOI: 10.24420/KUI.2019.30.38.013

Ф.К. Зиннуров, Э.Д. Шайдуллина

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗБРАНИЯ ПРИСМОТРА
ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕНЫМ
ИЛИ ОБВИНЯЕМЫМ В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

**LAW ENFORCEMENT ASPECTS OF THE ELECTION OF BROWSING
FOR JUVENILE SUSPECT OR ACCUSED AS A PREVENTIVE MEASURE
DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION**

Введение: в статье рассмотрены правоприменительные аспекты присмотра за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми в качестве меры пресечения в ходе предварительного следствия.

Материалы и методы: статья подготовлена на основании изучения действующего законодательства, статистических данных, теоретических позиций по рассматриваемой теме, материалов уголовных дел, мнения практических сотрудников, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам. При написании статьи использован основной метод познания – диалектический, а также методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы.

Результаты исследования: в статье в процессе рассмотрения общих процессуальных правил избрания меры пресечения – присмотр определено, что в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых целесообразно избирать именно данную специальную меру пресечения. Однако анализ деятельности органов предварительного расследования показал, что следователи, дознаватели чаще всего заменяют данную меру на подписку о невыезде и надлежащем поведении. Авторы анализируют причины редкого применения специальной меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним и делают вывод о необходимости комплексного подхода к возникшей проблеме.

Обсуждение и заключения: авторами на основании действующего законодательства и судебной практики предложен комплекс мер по реформированию уголовно-процессуального закона и рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ, направленный на оптимизацию применения в отношении несовершеннолетних в качестве меры пресечения не подписки о невыезде и надлежащем поведении, а присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый), мера пресечения, досудебное производство, присмотр за несовершеннолетним

Для цитирования: Зиннуров Ф.К., Шайдуллина Э.Д. Правоприменительные аспекты избрания присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в качестве меры пресечения в ходе предварительного расследования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 196-201. DOI: 10.24420/KUI.2019.30.38.013

Introduction: the article deals with law-enforcement aspects of supervision of minors suspected or accused as a preventive measure during the preliminary investigation.

Materials and Methods: the article is prepared on the basis of a study of current legislation, statistical data, theoretical positions on the topic under consideration, materials of criminal cases, opinions of practitioners conducting preliminary investigation in criminal cases. When writing the article, the main method of cogni-

tion – the dialectical method, as well as methods of analysis and synthesis, comparative legal, statistical and formal logical methods are used.

Results: the article in the process of reviewing the general procedural rules for the selection of a preventive measure – supervision determined that in relation to juvenile suspects or accused persons it is advisable to choose this particular special preventive measure. However, an analysis of the activities of the preliminary investigation showed that investigators and detectives most often replace this measure with restriction of travel order and proper behavior. The authors analyze the reasons for the rare use of a special preventive measure in the form of looking after a minor and conclude on the need for an integrated approach to the problem.

Discussion and Conclusions: the authors, on the basis of current legislation and judicial practice, proposed a set of measures to reform the criminal procedure law and recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, aimed at optimizing the use of juveniles as a preventive measure, not on a restriction of travel order and proper behavior, but browsing juvenile suspect or accused.

Key words: *juvenile suspect (accused), preventive measure, pre-trial proceedings, browsing for a minor*

For citation: Zinnurov F.K., SHaidullina E.D. Law enforcement aspects of the election of browsing for juvenile suspect or accused as a preventive measure during the preliminary investigation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V.10, N 2. P. 196-201. DOI: 10.24420/KUI.2019.30.38.013

Введение

Одним из приоритетных направлений деятельности российского государства является улучшение механизма реализации прав и обеспечения защиты законных интересов семьи и несовершеннолетних¹. Не является исключением и сфера уголовного судопроизводства, где каждый участник обретает свой статус в зависимости от той роли, которую он играет в уголовном процессе. В то же время из этого общего правила есть исключения, которые сводятся к субъективным особенностям отдельных групп лиц. Одной из них выступает возраст лица [1, с. 113]. К особой категории участников уголовного судопроизводства относятся несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые. Преступность несовершеннолетних и вопросы привлечения их к уголовной ответственности, ограничение их прав и свобод в ходе расследования уголовного дела при наличии специфических особенностей остаются самостоятельным объектом изучения.

Согласно официальным статистическим данным, в 2018 г. было расследовано 43 553 уголовных дел с участием несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления. Всего за указанный период велось уголовное преследование в отношении 40 860 несовершеннолетних².

Интерес авторов статьи к вопросам обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних при избрании в отношении них мер пресечения в рамках предварительного расследования обусловлен прежде всего тем, что такая деятельность подразумевает всегда наличие государственного воздействия на подозреваемых, обвиняемых, сопровождаемого ограничением их прав и свобод.

В свою очередь, под мерами пресечения следует понимать меры, применяемые в предусмотренных законом случаях и в установленном порядке, направленные на недопущение воспрепятствования производству по уголовному делу, а также обеспечения исполнения приговора со стороны лица, в отношении которого ведется уголовное преследование. Согласно статье 100 Уголовно-процессуального кодекса РФ³ (далее – УПК РФ), меры пресечения избираются преимущественно в отношении обвиняемых, в отношении же подозреваемых – в исключительных случаях.

Уголовно-процессуальный закон России определяет восемь мер пресечения, среди которых для несовершеннолетних предусмотрена специальная мера – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ). Часть 2 статьи 423 УПК РФ гласит, что при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в каждом случае должна обсуждаться возможность отдачи его под присмотр.

Однако анализ правоприменительной практики показал, что в настоящее время данная мера пресечения следователями, дознавателями практически не применяется. В качестве альтернативы ей выступают подписка о невыезде и надлежащем поведении, а также меры пресечения, избираемые по судебному решению (домашний арест или заключение под стражу). Данный аспект определил актуальность нашего исследования.

Обзор литературы

Вопросам обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых,

¹ Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 30.03.2019).

² Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 30.03.2019).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921; Собрание законодательства РФ. 2019. № 10. Ст. 891.

обвиняемых при избрании мер пресечения посвящены исследования Гринева В.А., Машинской Н.В., Давыденко А.П., Ережипалиева Д.И., Оськиной И.Ю., Тетюева С.В., Химичевой Г.П. и других. В частности, Химичева Г.П. обосновывает позицию о необходимости определения в УПК РФ иерархии мер пресечения, что позволит в этих условиях выбрать меру в зависимости от характеристик личности несовершеннолетних [2, с. 23].

Тетюев С.В. подчеркивает, что следователи и дознаватели обязаны при избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым обращать свое внимание на такие факторы, как условия, в которых подростки живут и воспитываются, насколько его родители, под чей присмотр они отдаются, могут на него позитивно влиять, не находятся ли данные лица в алкогольной, наркотической зависимости, не ведут ли они аморальный образ жизни [3, с. 20].

Ережипалиев Д.И. обосновывает необходимость дополнения УПК РФ нормой, предусматривающей обязанность следователей и дознавателей оповещать специализированные органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений детей и подростков в случае избрания в отношении несовершеннолетнего меры пресечения [4, с. 67].

В то же время вопрос о возможности оптимизации применения присмотра за несовершеннолетними подозреваемыми или обвиняемыми в ходе предварительного расследования комплексно не рассматривался.

Материалы и методы

При написании статьи использовано действующее законодательство, статистические данные, проведен анализ уголовных дел, производство по которым осуществлялось в отношении несовершеннолетних, исследованы результаты интервьюирования действующих следователей и дознавателей, их руководителей, а также теоретические аспекты рассмотрения данной проблематики. В статье в качестве основного использован диалектический метод познания объективной действительности. В качестве частных научных методов авторами использованы такие методы, как методы анализа и синтеза, а также сравнительно-правовой, статистический и формально-логический методы.

Результаты исследования

Прежде всего, на наш взгляд, целесообразно определить сущность меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Следует отметить, что в ходе предварительного расследования она избирается по решению следователя, дознавателя в случаях,

когда имеются основания полагать, что лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, может скрыться от органов предварительного расследования или суда, продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства, а также иным путем препятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым заключается в том, что вызывающие доверие родители, опекуны, попечители несовершеннолетних, а также должностные лица специализированных учреждений, где находится несовершеннолетний, дают письменное обязательство, что их подопечный не будет без разрешения органа предварительного расследования или суда покидать свое постоянное или временное место жительства, будет своевременно являться к следователю, дознавателю и в суд по их вызовам, а также не будет иными путями препятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 105 УПК РФ).

При этом лицам, взявшим на себя обязательства по присмотру за несовершеннолетним, разъясняется суть обвинения (подозрения), а также последствия нарушения избранной меры пресечения в виде наложения на них по судебному решению денежного взыскания (ч. 2, 3 ст. 105, ч. 4 ст. 103 УПК РФ).

Таким образом, рассматриваемая мера пресечения является своего рода разновидностью подписки о невыезде и надлежащем поведении. Существенным и важным отличием является то обстоятельство, что в случае избрания подписки подозреваемый или обвиняемый несет персональную ответственность за ее исполнение, при присмотре за несовершеннолетним данная ответственность возлагается на лиц, которые в силу действующего законодательства реализуют свои родительские обязанности.

Такая позиция законодателя обосновывается предписаниями международных правовых актов, а также действующего гражданского законодательства России. Так, согласно «Пекинским правилам»¹, следует уделять достаточное внимание осуществлению позитивных мер, предполагающих полную мобилизацию всех возможных ресурсов, включая семью, с целью содействия благополучию подростка, с тем чтобы сократить необходимость вмешательства со стороны закона, и эффективного, справедливого и гуманного обращения с несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым. В соответствии с Конвенцией о правах ребенка обеспечение защиты несовершеннолетних и заботы о них возлагается, прежде всего,

¹ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2019).

на их родителей, опекунов или других лиц, несущих за них ответственность по закону¹.

Согласно статье 64 Семейного кодекса РФ², защита прав и интересов несовершеннолетних возлагается на родителей, которые являются их законными представителями и выступают в защиту их прав и интересов, в том числе в судах. При этом в случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Соответственно, в ходе предварительного расследования в случае необходимости применения меры пресечения по решению следователя или дознавателя в отношении несовершеннолетнего целесообразно избирать присмотр за ним. Причем такое решение закреплено не только УПК РФ, но и Пленумом Верховного Суда РФ³. Иными словами, и законодатель, и высший судебный орган отдают приоритет данной мере пресечения.

Как же обстоят дела в правоприменительной деятельности? Анализ судебно-следственной практики и опрос практических сотрудников показал, что чаще всего в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого избирается подписка о невыезде и надлежащем поведении в случаях отсутствия необходимости домашнего ареста либо заключения под стражу. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым применяется как мера пресечения крайне редко.

Почему же до настоящего времени сохраняется подобная практика? В теории уголовного судопроизводства подчеркивается, что присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым будет действителен лишь только в том случае, когда взявшие под присмотр лица авторитетны для подростка и полностью могут обеспечить реализацию условий такой меры пресечения [3, 5]. Изучение судебной практики показывает, что несовершеннолетние не были отданы под присмотр в порядке, предусмотренном статьей 105 УПК РФ, ввиду того, что они были из неблагополучных семей, где родители вели аморальный образ жизни, находились чаще всего в сильной алкогольной зависимости, не воспитывали своих детей, что привело к тому, что они перестали быть авторитетом для них [3, с. 21].

Однако мы полагаем, что этот аспект не является основанием для возложения на самого несовершеннолетнего обязанности по исполнению предписаний,

предусмотренных статьей 102 УПК РФ. Действительно, в данной статье уголовно-процессуального закона России нет запрета на избрание подписки о невыезде и надлежащем поведении в отношении несовершеннолетнего. В то же время следует помнить, что законодатель изначально закрепил в УПК РФ дополнительные гарантии для лиц, не достигших возраста 18 лет, которые отражаются, прежде всего, в главе 50. В частности, предусмотрены особые условия по задержанию несовершеннолетнего (ст. 423 УПК РФ), возможность заключения под стражу данной категории подозреваемых или обвиняемых в исключительных случаях и преимущественно по тяжким и особо тяжким преступлениям (ст. 108, 423 УПК РФ). Кроме того, в случаях совершения несовершеннолетним преступления в соучастии с совершеннолетним рекомендуется осуществлять выделение уголовных дел в отдельное производство (ст. 422 УПК РФ). Уголовно-процессуальный кодекс РФ также предусматривает необходимость обязательного участия в уголовном судопроизводстве защитника несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (ст. 51 УПК РФ), закрепляет права законных представителей (ст. 48, 426 УПК РФ), а также обязывает следователя и дознавателя при производстве допроса с участием лиц до 16 лет обеспечивать присутствие педагогов или психологов (ст. 425 УПК РФ). Даже вызов к следователю, дознавателю или в суд несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, производится через его законных представителей, а если несовершеннолетний содержится в специализированном учреждении для несовершеннолетних – через администрацию этого учреждения (ст. 424 УПК РФ). Этот перечень не исчерпывающий.

Таким образом, получается, что закон с учетом того, что несовершеннолетний априори не может в полной мере нести за себя ответственность, возлагает на органы предварительного расследования дополнительные обязанности по обеспечению прав подозреваемых и обвиняемых, не достигших 18 лет. Согласно УПК РФ, в случае неисполнения обязательств избранная мера пресечения может быть изменена на более строгую.

Иными словами, в правоприменительной деятельности, с одной стороны, несовершеннолетних полностью оберегают и реализуют в отношении них предусмотренные законом дополнительные гарантии, в том числе связанные с их родителями и замещающи-

¹ Конвенция ООН о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2019).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1225.

³ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2019); О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2019).

ми их лицами. В то же время при избрании мер пресечения, где всегда ограничиваются права участников, в полном объеме возлагают всю ответственность на несовершеннолетнего, который даже не является еще дееспособным (за исключением случаев эмансипации)¹. При этом его родители либо лица и учреждения, на которых по закону возложена обязанность по воспитанию, обеспечению нормального развития детей и подростков до 18 лет, никакой ответственности не несут. Соответствует ли такое положение предписаниям международного и отечественного законодательства, обеспечивающего защиту прав и законных интересов несовершеннолетних? Полагаем, что ответ на поверхности и он отрицательный.

Несовершенство уголовно-процессуального закона России, отсутствие детальных разъяснений о порядке применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, в отношении несовершеннолетних привели к тому, что следователи и дознаватели изначально избирают в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых подписку о невыезде и надлежащем поведении при отсутствии объективной возможности отдачи его под присмотр. Это привело к тому, что в сложившейся практике на сегодняшний день сотрудники органов предварительного расследования, особенно начинающие, чаще всего избирают подписку о невыезде в отношении лиц, не достигших 18 лет, даже не рассматривая возможность отдачи их под присмотр, нарушая тем самым предписания ч. 2 ст. 105 УПК РФ.

Полагаем, что для разрешения данной проблемы целесообразно предусмотреть целый комплекс мер, в том числе связанных с внесением изменений и дополнений в УПК РФ.

Обсуждение и заключения

На основании действующего законодательства и имеющейся судебной практики считаем необходимым предусмотреть следующие меры, направленные на обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых при избрании в отношении них мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, в ходе предварительного расследования:

1. В статье 102 УПК РФ предусмотреть новую часть 2 следующего содержания: «Подписка о невыезде и надлежащем поведении может быть избрана в отношении несовершеннолетнего только в том случае, когда он на основании действующего гражданского законодательства РФ признается полностью дееспособным».

2. Следует дополнить часть 2 статьи 423 УПК РФ следующим предложением: «Результаты обсуждения и принятия решения об избрании иной меры пресечения должны быть мотивированно обоснованы в

соответствующем постановлении следователя, дознавателя или суда». Данное дополнение позволит оптимизировать ведомственный и судебный контроль, а также прокурорский надзор за деятельностью следователей и дознавателей при принятии ими решений об избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

3. В научной литературе неоднократно обсуждалась возможность введения разновидности домашнего ареста в виде помещения несовершеннолетнего в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа [2, 6]. Учитывая, что при домашнем аресте контроль за исполнением данной меры пресечения осуществляют подразделения ФСИН России, а местом нахождения при данной мере пресечения является место постоянного или временного жительства подозреваемого или обвиняемого, полагаем, что целесообразнее будет применение такой возможности не в рамках домашнего ареста, а именно в качестве разновидности присмотра за несовершеннолетним. Это обусловлено тем, что в данной ситуации несовершеннолетний отдается под присмотр администрации указанного специализированного учреждения. Однако, учитывая в таком случае ограничение конституционных прав несовершеннолетнего на свободу передвижения, такую разновидность присмотра следует избирать по судебному решению.

На основании вышеизложенного необходимо дополнить статью 105 УПК РФ новой нормой и закрепить ее в части 3.1: «В случае невозможности отдачи под присмотр несовершеннолетнего его родителям, опекунам, попечителям или другим заслуживающим доверия лицам следователь с согласия руководителя следственного органа, дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство о помещении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в специализированное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на срок, предусмотренный статьей 109 настоящего Кодекса».

4. Целесообразно внести в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» новый пункт 7.1, в котором следует отразить следующее: «Следователи, дознаватели при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым должны изучить лиц, которым несовершеннолетний передается под присмотр, и быть уверенными, что те имеют хорошую

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Собрание законодательства РФ. 2018. № 32. Ч. II. Ст. 5132.

репутацию, способны оказать на него положительное воспитательное воздействие и обеспечить его надлежащее поведение. В случае отсутствия объективной возможности передачи под присмотр несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого его родителям, опекунам, попечителям либо администрации специализированного учреждения, где несовершеннолетний проживает, целесообразно

рассмотреть возможность его помещения по судебному решению в специализированные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа».

Полагаем, что данные предложения станут одной из первых ступеней в вопросе оптимизации применения мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в ходе предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова О.В. Обеспечение прав несовершеннолетних потерпевших на досудебном этапе уголовного судопроизводства // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 113-118.
2. Химичева Г.П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 20-24.
3. Тетюев С.В. Избрание мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Судья. 2015. № 7. С. 20-23.
4. Ережипалиев Д.И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при избрании и применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 65-70.
5. Оськина И., Лупу А. Внимание! Несовершеннолетний подозреваемый // ЭЖ-Юрист. 2015. № 5. С. 8.
6. Давыденко А.В. Проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении несовершеннолетних // Адвокат. 2015. № 10. С. 29-34.

REFERENCES

1. Vinogradova O.V. Obespechenie prav nesovershennoletnikh poterpevshikh na dosudebnom etape ugovnogo sudoproizvodstva // Novyy yuridicheskiy zhurnal. 2014. № 3. S. 113-118.
2. Khimicheva G.P. Nesovershennoletniy obvinayemyy (podozrevaemyy): mery presecheniya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2014. № 4. S. 20-24.
3. Tetyuev S.V. Izbranie mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh // Sud'ya. 2015. № 7. S. 20-23.
4. Erezhipaliev D. I. Osobennosti prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov pri izbranii i primenenii mer presecheniya v otnoshenii nesovershennoletnikh // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2014. № 5. S. 65-70.
5. Os'kina I., Lupu A. Vnimanie! Nesovershennoletniy podozrevaemyy // EZh-Yurist. 2015. № 5. S. 8.
6. Davydenko A.V. Problemy primeneniya mery presecheniya v vide domashnego aresta v otnoshenii nesovershennoletnikh // Advokat. 2015. № 10. S. 29-34.

Об авторах: Зиннуров Фоат Канафиевич, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент, начальник Казанского юридического института МВД России

Шайдуллина Эльвира Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

e-mail: elya-hi@bk.ru

© Зиннуров Ф.К., 2019.

© Шайдуллина Э.Д., 2019.

Статья получена: 11.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the authors: Zinnurov Foat K., Doctor of Pedagogical Sciences (Higher Doctorate), Candidate of Psychological Sciences (Research Doctorate), Associate Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Shaidullina Elvira D., candidate of law sciences, assistant professor, deputy chief of department of criminal process of Kazan law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

e-mail: elya-hi@bk.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Шайдуллина Эльвира Дамировна – подготовка первоначального варианта текста, осуществление первичного анализа проблематики на основании действующего отечественного и международного законодательства, статистических данных, научных исследований и материалов уголовных дел по заявленной теме, формирование выводов. Зиннуров Фоат Канафиевич – инициация исследования, определение основной его концепции, осуществление критического анализа и доработка текста статьи.

УДК 343.121

DOI: 10.24420/KUI.2019.85.99.014

М.Э. Каац

**ПРОБЛЕМНЫЕ СТОРОНЫ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА
СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ
(ДОСУДЕБНЫЙ ПЕРИОД)**

**CHALLENGING SIDES OF RUSSIAN COOPERATION
AGREEMENT (PRETRIAL PERIOD)**

Введение: практика использования института досудебного соглашения о сотрудничестве в отечественном уголовном судопроизводстве, а также вносимые изменения в законодательство свидетельствуют о необходимости продолжения научной дискуссии, посвященной анализу проблемных моментов гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В статье исследуются нормативные и практические вопросы, возникающие в первоначальный период производства по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составляют общенаучные (общелогические) методы исследования (индукция и дедукция), а также частные (формально-юридический и конкретно-социологический) методы исследования. Материалами исследования являются нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, научные труды ученых, материалы следственной и судебной практики, а также результаты проведенного автором опроса сотрудников следственных подразделений.

Результаты исследования: в статье анализируются отдельные процессуальные моменты применения института досудебного соглашения о сотрудничестве, связанные с нормативной архитектурой гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, особенностями заключения соглашения (отказа в его заключении), участием в анализируемом производстве защитника, определением процессуального положения лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, и условий его заключения с одним привлекаемым к уголовной ответственности субъектом.

Обсуждение и заключения: сделаны выводы о необходимости нормативного «переезда» гл. 40.1 в часть 4 Уголовно-процессуального кодекса РФ, законодательном закреплении в ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РФ случая обязательного участия защитника по уголовным делам с соглашением о сотрудничестве, расширении перечня субъектов рассмотрения жалоб об отказе в удовлетворении ходатайства о сотрудничестве, различии в процессуальных статусах лиц, заключивших соглашение, в зависимости от того, выделено ли в отношении них уголовное дело в отдельное производство или нет, необходимости признания на законодательном уровне возможности заключения соглашения с одним привлекаемым в рамках уголовного дела лицом, при условии сообщения им информации об участниках преступных действий, не обязательно связанных с совершенным им деянием.

Ключевые слова: компромиссные процедуры, досудебное соглашение о сотрудничестве, уголовное дело, уголовное преследование

Для цитирования: Каац М.Э. Проблемные стороны российского института соглашения о сотрудничестве (досудебный период) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 202-207. DOI: 10.24420/KUI.2019.85.99.014

Introduction: pre-trial agreement on cooperation in domestic criminal proceedings, as well as amendments to the legislation, indicate the need to continue the scientific discussion devoted to the analysis of the challenging aspects of Chap 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The article investigates normative and practical issues arising in the initial period of criminal proceedings with a pretrial agreement on cooperation.

Materials and Methods: the methodological basis of the study is general scientific (general logical) research methods (induction and deduction), as well as private (formal legal and specific sociological) research methods. The materials of the study are the norms of the domestic criminal procedure legislation, scientific works of sci-

entists, materials of investigative and judicial practice, as well as the results of the author's survey of employees of investigative units.

Results: the article analyzes some procedural aspects of the application of the Institute of pre-trial agreement on cooperation related to the normative architectonics of Chap 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the peculiarities of the conclusion of the agreement (refusal to conclude it), participation in the analyzed production of the defender, the definition of the procedural position of the person who signed the agreement on cooperation and the conditions of its conclusion with one subject brought to criminal responsibility.

Discussion and Conclusions: conclusions about the need for regulatory "moving" Chap 40.1 in part 4 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the legislative consolidation in Article 51 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the case of compulsory participation of criminal defense with the agreement on cooperation, expanding the list of subjects of consideration of complaints about the refusal to grant an application for cooperation, the difference in the procedural status of persons who have signed an agreement depending on whether the criminal case against them in a separate proceedings, or not, the need to recognize at the legislative level the possibility of concluding an agreement with one involved in the criminal case, a person, provided that he / she conveys information on the participants of criminal acts, not necessarily related to the committed act.

Key words: compromise procedures, pretrial agreement on cooperation, criminal case, criminal prosecution

For citation: Kaats M.E. Challenging sides of russian cooperation agreement (pretrial period) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 202-207. DOI: 10.24420/KUI.2019.85.99.014

Введение

Современное российское уголовное судопроизводство, подчиняясь общим тенденциям глобализации, впитало в себя отдельные институты компромиссных процедур, широко применяемых в зарубежных государствах. Так, Европейский суд по правам человека в своих решениях не раз упоминал о том, что «дозволение обвиняемому добиться уменьшения объема обвинения или размера наказания в случае признания своей вины или отказа от оспаривания предъявленных обвинений еще до проведения судебного разбирательства либо в обмен на плодотворное сотрудничество с органом следствия является *общей чертой европейских систем уголовной юстиции* (выделено нами – М.К.)»¹. И хотя в юридической литературе предпринимались попытки обоснования наличия российских исторических корней в уголовно-процессуальных согласительных процедурах, мы поддерживаем точку зрения ученых, обосновывающих историческую чуждость данных институтов отечественному уголовному судопроизводству [5]. К одному из таких институтов относится «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее – ДСоС), предусмотренный гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс),

введенный в отечественное законодательство и практику деятельности правоохранительных органов государства десять лет назад.

Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, характеризующая применение особого порядка судебного разбирательства при заключении ДСоС в соотношении с количеством осужденных по его результатам лиц, свидетельствует о развитии данного института и его стабильной динамике (см. рис. 1).

Проведенный нами опрос руководителей следственных органов отделов полиции Приволжского федерального округа РФ показал подавляющее положительное отношение практических работников к данному институту (91 % из числа опрошенных)².

Очевидно, что в процессе практической реализации института ДСоС выявляются различные проблемы, инициирующие внесение изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, а также обращение участников уголовного судопроизводства в Конституционный Суд РФ по вопросам соответствия норм гл. 40.1 УПК РФ Конституции РФ. Так, в 2016 году по результатам рассмотрения жалобы осужденного У. Конституционный Суд РФ вынес нормативно-корректирующее решение, фактически устанавливающее «пограничный» статус лица,

¹ По делу о проверке конституционности положений ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2019).

² 8% респондентов затруднились ответить на данный вопрос, 1% выразил отрицательное отношение.

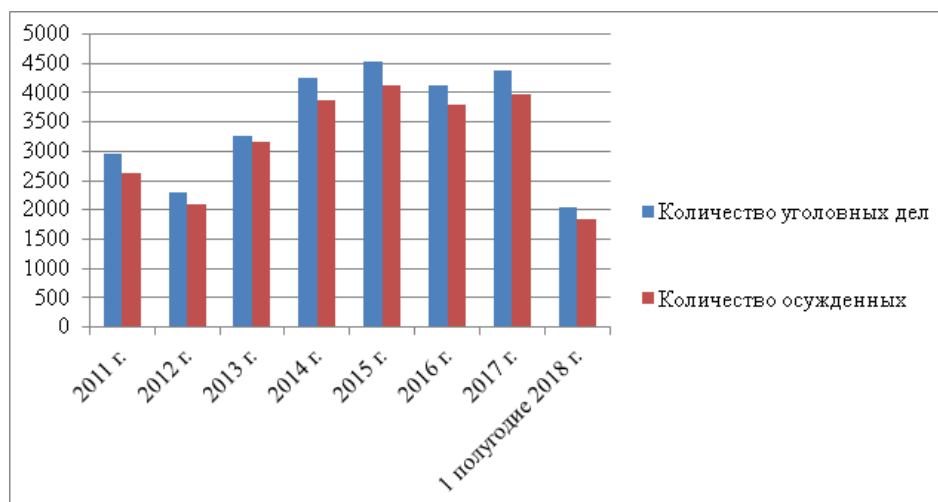

Рисунок 1 - Динамика рассмотренных судами Российской Федерации уголовных дел в порядке гл. 40.1 УПК РФ и осужденных лиц¹

Picture 1 - The dynamics of the criminal cases tried in the court of the Russian Federation as provided for in Ch. 40.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and sentenced persons¹

заклучившего ДСоС (уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство), между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, и свидетелем². В соответствии с данным решением в октябре 2018 года в УПК РФ были внесены изменения, включая дополнение гл. 8 Кодекса новым иным участником уголовного судопроизводства, процессуальный статус которого отныне установлен в ст. 56.1 УПК РФ³. Данный субъект обладает правами свидетеля и специфическими обязанностями раскрывающего, сотрудничающего со следствием (по правилам ДСоС) обвиняемого. Эти и другие обстоятельства свидетельствуют об актуальности затронутой в статье темы исследования и необходимости проведения ее научного анализа.

Обзор литературы

Вопросам изучения сущности института ДСоС посвящены исследования различных ученых-юристов, носящие как комплексный, масштабный характер, так и содержащиеся в отдельных научных статьях. Фундаментальный вклад в развитие данного института был внесен такими учеными, как Р.Р. Ковалев [4], П.В. Эдилова [9], Р.С. Хамидуллин [8], О.В. Климанова [3] и др.

Отдельные аспекты обеспечения безопасности лиц, заключивших ДСоС, исследовались в работах Н.Н. Гусевой [1], Е.В. Прытковой [6], Л.В. Сатдинова [7] и др.

Вместе с тем исследование правового регулирования рассматриваемой компромиссной формы отечественного уголовного судопроизводства остается актуальным в свете практики его реализации и вносимых изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования базируется на общенаучных (общелогических), а также частных методах исследования. Такие общелогические методы, как индукция и дедукция, использовались для установления причинных связей между различными уголовно-процессуальными явлениями, связанными с институтом ДСоС. Частный формально-юридический метод позволил дать описание норм уголовно-процессуального права в исследуемой области, представить описание, анализ и обобщение юридической практики. Методы конкретно-социологического исследования позволили определить отношение практических работников к анализируемому институту, определить отраженные в материалах уголовных дел особенности его применения на практике.

Материалами исследования явились нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, научные труды ученых, занимающихся анализируемой проблематикой, материалы следственной и судебной практики, а также результаты опроса, проведенного автором в рамках исследования.

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации URL: <http://www.cdep.ru/>, свободный (дата обращения: 25.02.2019).

² По делу о проверке конституционности положений ч.ч. 2 и 8 ст. 56, ч. 2 ст. 278 и гл. 40.1 УПК РФ в связи с жалобой гражданина У.: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2019).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2019).

Результаты исследования

Для комплексного представления досудебного периода производства по уголовным делам с ДСоС следует анализировать его проблемные аспекты последовательно, согласно действующей нормативной регламентации гл. 40.1 УПК РФ.

В первую очередь отметим нецелесообразность помещения данной главы Кодекса в раздел X «Особый порядок судебного разбирательства», так как половина представленных в ней норм регулирует *особенности производства предварительного следствия* по уголовным делам с ДСоС (ст. 317.1 – ст. 317.5 УПК РФ). Поэтому вполне логично ее разместить в новой, обособленной главе части 4 УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства» наряду с разделами, регулирующими особенности производства о применении принудительных мер медицинского характера, о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и отдельных категорий лиц. В связи с этим следует также скорректировать название главы, в которой будет отражаться не только судебный, но и досудебный период производства по данной категории дел.

В ст. 317.1, 317.2 Кодекса расписан порядок заявления ходатайства о ДСоС, включающий в себя процессуальную «цепочку» последовательных действий подозреваемого, обвиняемого (защитника), следователя и прокурора по заявлению и разрешению ходатайства о ДСоС, реализуемую при наличии установленных законом условий. При этом, исходя из содержания ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ, можно заключить о непременном участии защитника по данной категории уголовных дел, ибо заявленное ходатайство уже должно быть им подписано. Однако в ст. 51 УПК РФ нет упоминания об обязательном участии защитника в случае и порядке, установленном гл. 40.1 УПК РФ. Полагаем, данное упущение законодательства должно быть устранено.

Согласно анализируемым нормам, решение об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении ДСоС, принятое следователем, может быть обжаловано лишь руководителю следственного органа (ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ), принятое прокурором – вышестоящему прокурору (ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ). Считаем, возможность осуществления подобных ведомственных контрольных полномочий не в полной мере обеспечивает реализацию права на обжалование процессуальных действий и решений, возведенного Кодексом в ранг принципов (ст. 19 УПК РФ). К неудовлетворенному хода-

тайству о заключении ДСоС должны применяться те же правила обжалования, что и к другим ходатайствам, предусмотренные гл. 16 УПК РФ, без каких-либо ограничений. Так, следователь может необоснованно отказать в удовлетворении просьбы лица о ДСоС. Руководитель следственного органа, рассматривающий жалобу на действия следователя, как вышестоящий коллега и наставник, также не усмотрит в действиях своего подчиненного каких-либо нарушений. В свою очередь, прокурор или судья, как более независимые надзирающие и контролирующие субъекты, смогут дать основательную, не связанную ведомственными интересами, правовую и фактическую оценку действиям следователя. Те же аргументы можно привести и в части, касающейся отказа прокурора в заключении ДСоС. Право на обжалование его действий в суд нецелесообразно ограничивать специальными нормами Кодекса, оно должно реализовываться в порядке ст. 125 УПК РФ.

Говоря о процессуальном статусе лица, заключившего ДСоС, можно заключить, что он разнится в зависимости от того, было ли выделено в отношении него уголовное дело в отдельное производство или нет. Мы полагаем, что выделение уголовного дела в отдельное производство как уголовно-процессуальная мера безопасности, применяемая в отношении сотрудничающего подозреваемого, обвиняемого в случае наличия сообвиняемых по делу является преимущественно обязательной [2]. Согласны мы и с учеными, предлагающими рассматривать факт заключения ДСоС как безусловное основание, инициирующее рассмотрение вопроса о применении комплекса мер безопасности [7, с. 286].

Следует отметить, что на практике встречаются случаи заключения ДСоС с одним привлекаемым к уголовной ответственности лицом. В подобной ситуации говорить о выделении уголовного дела не приходится. Лицо принимает участие по другим уголовным делам в качестве свидетеля, желательно анонимного, в порядке ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Так, в рамках возбужденного уголовного дела подозреваемый И. обратился с ходатайством о заключении ДСоС и намерении дать показания об обстоятельствах совершенных им двенадцати фактов преступных действий, предусмотренных ч. 3 ст. 260 УК РФ («Незаконная рубка лесных насаждений»), а также сообщении информации «о не менее пяти других фактов незаконных рубок деревьев, совершенных другими лицами, о самих лицах, совершивших незаконные рубки, роли каждого из них, указания мест свершения преступлений»¹. Данное ходатай-

¹ Приводится дословная часть ходатайства подозреваемого о заключении ДСоС. Уголовное дело № 359/2014 // Архив Верещагинского городского суда Пермского края РФ. Оп. 1. 256 л.

ство было удовлетворено и полностью реализовано в рамках гл. 40.1 УПК РФ. В этой ситуации подозреваемый И. не мог бы обладать статусом нового участника уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 56.1 УПК РФ, его положение должно определяться предписаниями ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ, а также иными нормами гл. 40.1 УПК РФ. Аналогичные случаи, хотя и редко, но все же встречаются на практике. Исходя из этого, следует скорректировать второе предложение ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ, включив в нее упоминание не только о соучастниках преступления, но и о других лицах, совершивших преступные действия.

Обсуждение и заключения

Таким образом, в рамках проведенного исследования была предпринята попытка проанализировать отдельные проблемные вопросы досудебного производства по уголовным делам с ДСоС, выявить отдельные нормы дискуссионного содержания и сформулировать предложения по их совершенствованию.

Обосновано суждение о логичности и целесообразности нахождения ныне действующей гл. 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» в части 4 УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства» в силу наличия в данной главе многочисленных норм, регламентирующих особенности досудебного периода производства по данной категории дел (ст. 317.1 – ст. 317.5 УПК РФ). Предложено именовать данную главу под номером 51.2 «Производство по уголовным делам, в рамках которых заключено досудебное соглашение о сотрудничестве».

Предложено привести в соответствие ст. 51 УПК РФ и ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ, дополнив ч. 1 ст. 51 УПК РФ новым, девятым основанием обязательного участия защитника в уголовном судопроизводстве, в случае если «подозреваемый, обвиняемый заявил ходатайство о досудебном соглашении о сотрудничестве».

В целях обеспечения реализации принципа «Право на обжалование процессуальных действий и решений» (ст. 19 УПК РФ) аргументированы выводы о дополнении ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ новыми, классическими субъектами – прокурором и судьей, уполномоченными рассматривать жалобу на постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о ДСоС. Аналогичные изменения предложено внести в ч. 2 ст. 317.2 УПК РФ, включив судью в качестве субъекта, уполномоченного рассматривать жалобу на постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о ДСоС, вынесенное прокурором.

Установлено, что процессуальное положение лица, заключившего ДСоС, в рамках последних изменений и дополнений, внесенных в действующее законодательство, определяется исходя из того, выделено ли в отношении него уголовное дело в отдельное производство или нет. В первом случае лицо обладает статусом нового, иного участника уголовного судопроизводства, установленным ст. 56.1 УПК РФ, во втором случае его положение минимально определяется ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ, а также иными предписаниями гл. 40.1 УПК РФ.

Выявлены случаи заключения ДСоС с единственным проходящим по уголовному делу подозреваемым, обвиняемым, в силу чего сформулировано второе предложение ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ: «В этом ходатайстве подозреваемый или обвиняемый указывает, какие действия он обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, а также других лиц, совершивших преступные действия, розыске имущества, добытого в результате преступления».

Вышеуказанные предложения позволят, на наш взгляд, усовершенствовать и оптимизировать процедуру производства по уголовным делам с ДСоС, развить ее при комплексном обеспечении и соблюдении прав и свобод граждан, попавших в орбиту уголовной юстиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусева Н.Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2018. 190 с.
2. Каац М.Э. Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как мера безопасности // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2016. № 2. С. 94–98.
3. Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Самара, 2017. – 296 с.
4. Ковалев Р.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2014. – 193 с.
5. Писаревский И.И. Особый порядок как институт, не имеющий аналогов в истории российского уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 169–173.
6. Прыткова Е.В. Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования: уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09, 12.00.12. Барнаул, 2015. – 209 с.

7. Сатдинов Л.В. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве как основание для применения мер государственной защиты в отношении подозреваемого, обвиняемого // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 2. С. 284-290.
8. Хамидуллин Р.С. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм особого порядка уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Екатеринбург, 2018. 200 с.
9. Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2017. – 245 с.

REFERENCES

1. Guseva N.N. Processual'noe obespechenie bezopasnosti lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.09. M., 2018. 190 s.
2. Каац М.Е. Выделение уголовного дела в отдельное производство в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как мера безопасности // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2016. № 2. С. 94–98.
3. Klimanova O.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: pravovaya priroda, dogovornye harakteristiki i problemy kvalifikatsii prestuplenij: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Samara, 2017. 296 s.
4. Kovalev R.R. Pravovoe regulirovanie dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2014. 193 s.
5. Pisarevskij I.I. Osobyj poryadok kak institut, ne imeyushchij analogov v istorii rossijskogo ugolovnogo processa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 404. С. 169–173.
6. Prytkova E.V. Obespechenie bezopasnosti podozrevaemogo (obvinyaemogo), zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve, na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: ugolovno-processual'nye i taktiko-kriminalisticheskie aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09, 12.00.12. Barnaul, 2015. 209 s.
7. Satdinov L.V. Zaklyuchenie dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve kak osnovanie dlya primeneniya mer gosudarstvennoj zashchity v otnoshenii podozrevaemogo, obvinyaemogo // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. Т. 9, № 2. С. 284-290.
8. Hamidullin R.S. Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti sledovatelya po primeneniyu norm osobogo poryadka ugolovnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve: dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.12. Ekaterinburg, 2018. 200 s.
9. Edilova P.V. Soglasenie o sotrudnichestve s obvineniem v ugolovnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2017. 245 s.

Об авторе: Каац Марина Эвальдовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
e-mail: renatnasir@mail.ru
© Каац М.Э., 2019.

Статья получена: 01.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Kaats Marina E., Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Department of Criminal Procedure of the Ufa Law Institute of MIA of Russia
e-mail: renatnasir@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.1"19"

DOI: 10.24420/KUI.2019.52.93.008

А.Н. Конев

**ИДЕОЛОГИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
В ПЕРИОД УСТАНОВЛЕНИЯ «ДИКТАТУРЫ
ПРОЛЕТАРИАТА»**

**IDEOLOGY OF CRIMINAL PROCEEDINGS DURING
THE ESTABLISHMENT OF THE "DICTATORSHIP
OF THE PROLETARIAT"**

Введение: в статье обосновывается позиция, что в основе идеологии уголовной юстиции периода установления «диктатуры пролетариата» лежал опыт устройства коммун французской и первой русской революций.

Материалы и методы: при работе над статьей были использованы эмпирические методы исследования (изучение, анализ, сравнение). Материалом исследования послужили сведения из газет 1917-1918 гг., содержащих примеры правотворчества новой власти, а также судебная практика этого периода.

Результатом исследования явился основательный анализ примеров пестрой идеологии уголовной юстиции периода установления «диктатуры пролетариата».

Обсуждение и заключения: в статье представлены теоретическое обоснование развития государства, а также возможности использования доктрины «интуитивного» права в регулировании общественных отношений.

Ключевые слова: идеология уголовного судопроизводства, диктатура пролетариата, «интуитивное право», идеология «крестьянского правосудия», декреты о суде

Для цитирования: Конев А.Н. Идеология уголовного судопроизводства в период установления «диктатуры пролетариата» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 208-212. DOI: 10.24420/KUI.2019.52.93.008

Introduction: the article considers and substantiates the idea that the ideology of criminal justice of the period of establishment of the "dictatorship of the proletariat" was the experience of the device of the communes of the French and first Russian revolutions.

Materials and Methods: when working on the article empiric approaches (study, analysis and comparison) were used. Information from the newspapers of 1917-1918 with examples of lawmaking of new power, legal precedents of that period were the material of the study.

Results: sound analysis of examples of variegated ideology of punitive justice of the period of establishment of "the dictatorship of the proletariat".

Discussion and Conclusions: the article presents theoretical underpinning for the national development, possible use of the doctrine of intuitive law in the regulation of social relations.

Key words: the ideology of the criminal proceedings, the dictatorship of the proletariat, "intuitive law", the ideology of the "peasant justice", decrees of court

For citation: Konev A.N. Ideology of criminal proceedings during the establishment of the "dictatorship of the proletariat" // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 208-212. DOI: 10.24420/KUI.2019.52.93.008

Введение

Октябрьские события 1917 года обусловили начало глобального социально-политического эксперимента – построения пролетарского государства на основе коммунистической идеологии. И если в самом его начале, по словам В.И. Ленина, конкретного плана по организации экономической жизни не было и быть не могло, так как его могут дать только массы снизу, путем опыта [1], то в отношении идей формирования

права и правосудия у партии большевиков были свои определенные теоретические обоснования и практические наработки, полученные из практики предыдущих революций и личного опыта революционной борьбы.

Результаты исследования

Изложенная в Манифесте коммунистической партии идеология классовой борьбы четко определяет первый шаг рабочей революции: превращение пролетариата в господствующий класс и использо-

вание политической власти для разрыва со всеми идеями, унаследованными из прошлого.

Впоследствии под эти декларативные заявления, которые были изданы в 1848 году, была подведена научная теория, основные положения которой опубликованы в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884).

Эти идеи непосредственно связаны с выводами учения о закономерностях возникновения, развития и отмирания государства. Его сущность состоит в том, что государство не представляет собой силы, которая извне навязана обществу, а является продуктом общества на определенной ступени его развития, обусловленного проявлением непримиримых классовых противоречий, что в конечном итоге должно привести к исчезновению самого государства со всеми атрибутами государственной власти.

Эволюционная точка зрения Ф. Энгельса об отмирании государства получила конкретизацию в работе В.И. Ленина «Государство и революция», увидевшей свет в августе 1917, в которой поставлен вопрос о необходимости бескомпромиссного подавления эксплуататоров, т.е. о диктатуре пролетариата, что делает неизбежным вывод о невозможности смены буржуазного государства без насильственной революции [2, с. 264].

Таким образом, в программе большевиков по переходу к коммунистическому обществу идеология насилия была теоретически обоснована, и ей отводилась ключевая роль в последующих революционных событиях.

Диктатура пролетариата должна была помочь установить его политическое господство, т.е. государственную власть, централизованную организацию насилия не только для подавления эксплуататоров, но и для руководства громадной массой населения в деле «налаживания» социалистического хозяйства [2, с. 267].

Однако идеологическая позиция большевиков в вопросах построения институтов государственного управления была очень слаба и уязвима. Дело в том, что лидер партии был твердо убежден, что сложившаяся революционная ситуация «...вынуждает революцию "концентрировать все силы разрушения" против государственной власти, вынуждает поставить задачей не уничтожение государственной машины, а разрушение, уничтожение ее» [2, с. 272].

В то же время у партии, которая готовилась взять власть в свои руки, не было принципиально новых, конкретных идей или моделей управления социалистическим (коммунистическим) обществом-государством. Это касалось и очень размытого понимания роли права как регулятора общественных отношений, в том числе и в сфере юстиции.

Вместе с тем был революционный опыт Парижской Коммуны (1848 г.) [3] и первой русской революции (1905-1907 гг.), который показал, что народная самоорганизация может заменить государственные институты ненавистной буржуазной власти.

Описывая ситуацию, сложившуюся в Париже в 1848 году, К. Маркс писал с восхищением: «...это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе... Коммуна изумительно преобразила Париж! <...> В морге – ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского...» [4].

Схожая картина наблюдалась в районах Москвы и других городов России, охваченных событиями первой русской революции. По мнению Н.Н. Яковлева, «ряд Советов проводил такие мероприятия, которые затем нашли свое продолжение в 1917 году: создание боевых дружин, участие в разрешении хозяйственных вопросов, организация судебных органов и т.д.» [5] В свою очередь, Н.Н. Демочкин в работе о Советах первой русской революции приводит значительный материал об организационном строительстве Советов 1905 г., о выработке ими уставов, положений о суде и т.д. [6].

Об этих событиях впоследствии П. Стучка писал, что в 1905 году люди шли в советы рабочих депутатов Петрограда или Федеративного комитета в Риге не только за распоряжениями, но и за разрешением судебных дел, что, по его мнению, доказывает: «Всякая пролетарская революция начинается с того, что она на деле разбивает словесную теорию Монтескье о разделении властей» [7].

Следует отметить, что отношение партии к вопросам права и правосудия было отражено и в программных документах. Так, например, в Программе Российской социал-демократической рабочей партии, принятой на втором съезде партии в 1903 году, указывалось на необходимость введения всеобщего, равного и прямого избирательного права (п. 2); права неприкосновенности личности и жилища (п. 4); права каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника (п. 10); право выбирать судей народом (п. 11) и т.д.

Но не только социально-политические идеи марксизма и опыт революционных коммун оказали влияние на формирование идей большевиков по отношению к праву в целом и системе юстиции в частности в государстве диктатуры пролетариата. Отдельные направления правовой научной мысли конца XIX – начала XX веков убеждали в возможности трактовать позитивистскую парадигму права

с позиций «функционализма» (Л. Дюги) и «психологизма» (Л.И. Петражицкий, М.А. Рейснер).

Как писал Л. Дюги: «Каждый имеет обязанности и притом по отношению ко всем, но никто не имеет никакого права в собственном смысле слова. Никто не имеет другого права, кроме права всегда исполнять свои обязанности» [8].

С точки зрения приверженцев психологического направления, «никакая юридическая система не может представлять единой классовой системы. Она всегда отличается лоскутностью. Всякая система права есть компромисс, образованный из идеологических обрывков самых разных классовых идей» [9].

Вместе с тем эти два направления позволяли сделать вывод о необходимом исчезновении позитивного права и приходе на его место «интуитивного», народного права. Очевидно, что такая интерпретация была выгодна партии, которая стремилась уничтожить старое государство со всеми его атрибутами: правом, армией, полицией, судами и другими институтами принуждения.

Таким образом, научно обоснованные выводы марксистского учения о государстве и праве, отдельные направления развития социологических и правовых идей, имеющийся революционный опыт позволили большевикам уверовать в силу самостоятельного правотворчества пролетариата и крестьянства, их житейское чутье и традицию саморегуляции общественной жизни. По этому поводу В.И. Ленин писал, что «...народная власть не хотела навязывать своей воли народу, а стремилась идти навстречу ей» [1, с. 99], в твердой уверенности, что жизнь сблизит правительство и народные низы «...в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных и правовых форм» [1, с. 23].

Малькевич Т., исследовавший историю возникновения первых декретов Советской власти о суде, отмечал: «К сожалению, сведения о деятельности первых народных судов крайне скудны. Центральные архивы не хранят специальных документов по данному вопросу, а газеты того периода посвящают ему крайне редкие и скудные заметки» [10].

Вместе с тем, опираясь на некоторые имеющиеся публикации, мы можем сделать идеологический абрис судебной системы и производства по уголовным делам в период установления диктатуры пролетариата.

Так, например, Суд Выборгского района Петрограда состоял из пяти человек, избранных от различных организаций – районного совета, про-

фессионального союза, фабрично-заводских комитетов, совета домовых комитетов и др. Порядок рассмотрения дел был установлен самый простой: зачитывался протокол следственной комиссии районного совета, затем все присутствующие могли задавать вопросы; каждый пожелавший того мог выступить в качестве обвинителя или защитника¹.

Работа другого народного суда, возникшего также в Петрограде в первых числах ноября 1917 года, в одной из газет описывается следующим образом: «Один из состава суда излагал сущность дела и спрашивал, есть ли желающие защищать обвиняемого; если аудитория была возмущена фактом преступления, она выражала возмущение возгласами и желающих защищать в таких случаях не находилось. Установив виновность обвиняемого, суд спрашивал публику о приговоре. Поступавшие предложения голосовались, и суд выносил постановление»². Приговор этих районных судов был окончательный и обжалованию не подлежал.

В местностях, далеких от Москвы и Петрограда, где существовала центральная власть, было организовано своеобразное местное самостоятельное правотворчество, на основании которого учреждались судебные органы и формы производства как по гражданским, так и по уголовным делам.

В качестве примера приведем «Проект организации революционного суда» г. Саратова: «Революционный суд учреждается для рассмотрения как уголовных, так и гражданских дел, возникающих между гражданами г. Саратова» (ст. 1). «Революционный суд имеет 6 отделений, причем районом их деятельности и подсудности является милицкий участок» (ст. 4). «В каждое отделение суда исполнительный комитет назначает по одному постоянному судье...» (ст. 6). «Общим собранием судей из числа членов Совета и по жребию назначаются присяжные заседатели по три на каждое отделение и по четвертому кандидату, заменяющегося неявившегося присяжного» (ст. 9)³.

Другим примером такого местного правотворчества является утверждение «Правил о временном народном суде для Кузнецкого уезда (Томская губерния)»⁴. В Ставропольской губернии до организации революционного трибунала по получении Декрета о суде № 1 дела его подсудности рассматривались особой юридической комиссией Совнаркома⁵.

По Тверской губернии «к организации следственных комиссий на местах было приступлено тотчас же после октябрьской революции, правда, ввиду неимения указаний на организацию этих

¹ Известия ЦИК рабочих и солдатских депутатов Петроградского совета. 1917. № 219-220.

² Новая жизнь. 1917. 8 ноября. № 175.

³ Известия районного исполнительного комитета Саратовского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 110.

⁴ Материалы НКЮ. Вып. II. М., 1918. С. 39.

⁵ Материалы НКЮ. Вып. I. М., 1918. С. 35.

комиссий, комиссии эти создавались под самыми разнообразными наименованиями и с самыми разнообразными функциями (помимо следственных, и судебных, и административные)»¹.

Встречаем также в печати и сообщения об организации новых судов в крестьянской общине. Так, по информации неизвестного автора (анонимного), отраженной в заметке под названием «О судах революционного времени в Тимском уезде»: «В большинстве сельских местностей уезда разрешение тяжёлых процессов и в особенности уголовных присваивалось компетенции сходов»². Волостные советы и сходы выносили по общеуголовным и гражданским делам «судебные приговоры» и в Воронежской губернии³.

Идеология «крестьянского правосудия», судящего по обычному праву, была одной из самых жестоких, если не считать революционные трибуналы в отношении контрреволюционеров.

Так, например, в Киренском уезде народный революционный суд постановил «защит в мешок крестьянку, виновную в выгоне самогона, и бить ее о землю до тех пор. Пока жива»⁴. В Сарапульском уезде крестьянка с помощью возлюбленного убила мужа. Народный суд, рассмотрев дело, постановил: «женщину зарыть живой в землю, а ее любовника убить»⁵.

Обсуждение и заключения

Анализ событий периода установления диктатуры пролетариата, на фоне которого происходило формирование достаточно пестрой идеологии

уголовной юстиции, нашедшей свое выражение в первом Декрете о суде, позволило нам прийти к следующим обобщающим выводам.

Во-первых, после октябрьского переворота 1917 года народная правотворческая самостоятельность создала формы следственно-судебных органов, на создание которых впоследствии ориентировала места центральная власть. Причем эти местные судебные образования в своем большинстве предвосхитили появление идей декретов о суде или сведений о них.

Во-вторых, в основу организации судебных органов и производства по делам были положены идеи выборности судей и заседателей, гласных начал, позволявшие подсудимым пользоваться защитой, а также ограничения возможности обжалования приговоров и решений. Следует отметить, что новые народные суды восприняли принцип свободы оценки доказательств: «Суд решает дела по совести, на основании собственного убеждения»⁶.

В-третьих, в большинстве случаев суд не был ограничен никакими формальными законами, в связи с этим вся ответственность и за процедуру, и за решение ложилась исключительно на суд, обязанный точно устанавливать вину подсудимого. По «Правилам о временном народном суде для Кузнецкого уезда (Томская губерния)»: «Признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями»⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1958-1965. Т. XXII. С. 23.
2. Ленин В.И. Избранные сочинения. В 10 томах. М.: Политиздат, 1985. Т. 7.
3. Ленин В.И. Уроки Парижской коммуны // Ленин В.И. ПСС, изд. 5-е. Т. 16. С. 451-452.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Гражданская война во Франции // Сочинения. Том 17. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 347-349.
5. Яковлев Н.Н. О советах 1905 года // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 42.
6. Демочкин Н.Н. Советы 1905 года – органы революционной власти. М., 1963. С. 83, 86 и др.
7. Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. Двухнедельный журнал. Издание народного комиссариата юстиции. 1918. 1 августа.
8. Дюги. Л. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства. СПб., 1909. С. 9.
9. Рейснер М.А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М.-Л., 1925. С. 184.
10. Малькевич Т.Ф. К истории первых декретов о советском суде // Государство и право. 1940. № 7. С. 97-107; № 8. С. 165.

REFERENCES

1. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. M.: Gospolitizdat, 1958-1965. T. XXII. S. 23.
2. Lenin V.I. Izbrannye sochineniya. V 10 tomah. M.: Politizdat, 1985. T. 7.
3. Lenin V.I. Uroki Parizhskoj kommuny // Lenin V.I. PSS, izd. 5-e. T. 16. S. 451-452.

¹ Материалы НКЮ. Вып. III. М., 1918. С. 86.

² Материалы НКЮ. Вып. V. М., 1918. С. 15.

³ Пролетарская революция и право. 1918. № 7. С. 70.

⁴ Свобода России. М., 1918. № 38.

⁵ Там же.

⁶ Материалы НКЮ. Вып. II. М., 1918. С. 43.

⁷ Там же.

4. Marks K., Engel's F. Grazhdanskaya vojna vo Francii // Sochineniya. Tom 17. Izdanie vtoroje. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1960. S. 347-349.
5. YAKovlev N.N. O sovetah 1905 goda // Voprosy istorii. 1965. № 12. S. 42.
6. Demochkin N.N. Sovety 1905 goda – organy revolyucionnoy vlasti. M., 1963. S. 83, 86 i dr.
7. Stuchka P. Proletarskaya revolyuciya i sud // Proletarskaya revolyuciya i pravo. Dvuhnedel'nyj zhurnal. Izdanie narodnogo komissariata yusticii. 1918. 1 avgusta.
8. Dyugi. L. Social'noe pravo. Individual'noe pravo. Preobrazovanie gosudarstva. SPb., 1909. S. 9.
9. Rejsner M.A. Pravo. Nashe pravo. SHuzhoe pravo. Obsheche pravo. M.-L., 1925. S. 184.
10. Mal'kevich T.F. K istorii pervyh dekretov o sovetskom sude // Gosudarstvo i pravo. 1940. № 7. S. 97-107; № 8. S. 165.

Об авторе: Конев Андрей Николаевич, доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник Академии управления МВД России
© Конев А.Н., 2019.

Статья получена: 22.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.04.2019.

About the author: Konev Andrey N., Doctor of Technical Sciences, Candidate of Law (Research Doctorate), Assistant Professor, Head of the Academy of Management of MIA of Russia

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final version of the manuscript.

В.С. Латыпов

НОВЕЛЛА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ИЛИ НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

INNOVATION OF PROCEDURAL LEGISLATION,
OR NEW STAGE OF DEVELOPMENT
OF ASSISTANCE TO JUSTICE

Введение: в статье анализируется процессуальный статус нового участника уголовного судопроизводства – лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Выявлены недостатки юридической конструкции процессуальной нормы. Автор статьи особое внимание уделяет влиянию, оказываемому данным участником судопроизводства на уголовно-процессуальный институт содействия правосудию.

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили диалектический метод научного познания, исторический, логический, сравнительно-правовой, статистический методы, а также наблюдение и другие частные методы исследования правовых явлений.

Результаты исследования: в статье на основании изучения действующего уголовно-процессуального законодательства, решений Конституционного Суда Российской Федерации, научных исследований предложено внести ряд изменений в норму, регламентирующую процессуальный статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ), в частности, внесение корректировки в название данного участника судопроизводства, расширение перечня мер процессуального принуждения, допустимых в его отношении.

Обсуждение и заключения: автор статьи считает целесообразным переименовать главу 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, изложив название в следующей редакции: «Глава 8. Лица, оказывающие содействие правосудию».

Ключевые слова: содействие правосудию; участники уголовного процесса; свидетель

Для цитирования: Латыпов В.С. Новелла процессуального законодательства, или новый этап развития института содействия правосудию // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 213-218. DOI: 10.24420/KUI.2019.70.96.015

Introduction: in the article the procedural status of a new participant of criminal proceedings – the person against whom criminal case is allocated in separate production in connection with the conclusion with it the pre-trial agreement about cooperation is analyzed. Shortcomings of a legal design of procedural rule are revealed. The author of the article pays special attention to the impact of this participant of legal proceedings on criminal procedure institute of assistance to justice.

Materials and Methods: the methodological base of the research was a dialectic method of scientific knowledge, historical, logical, comparative and legal, statistical methods and also observation and other private methods of research of legal phenomena.

Results: in the article on the basis of studying the acting criminal procedure legislation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, scientific research it is offered to make a number of changes to the norm regulating the procedural status of the person concerning which criminal case is allocated in separate production in connection with the conclusion with it the pre-trial agreement about cooperation (Article 56.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), in particular, entering of adjustment into the name of this participant of legal proceedings, extension of the list of the measures of procedural coercion admissible in its relation.

Discussion and Conclusions: the author of the article considers it appropriate to rename Chapter 8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, stating the title as follows: “Chapter 8. Persons Assisting Justice”.

Key words: assistance to justice; participants of criminal proceedings; witness.

For citation: Latypov V.S. Innovation of procedural legislation, or new stage of development of assistance to justice // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 213-218. DOI: 10.24420/KUI.2019.70.96.015

Введение

Включение в список лиц, оказывающих содействие правосудию, закрепленных в главе 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в октябре 2018 года [4] нового участника процесса определило необходимость пересмотра и детального анализа уголовно-процессуального института содействия правосудию.

Полагаем, что содействие правосудию является исключительным и самостоятельным уголовно-процессуальным институтом. Под содействием понимается оказание помощи, поддержки в каком-нибудь деле, какой-нибудь деятельности [10]. Известно, что законодатель классифицировал участников уголовного судопроизводства исходя из выполняемых ими функций. Так, согласно действующему УПК РФ, функцию разрешения уголовного дела осуществляет суд (гл. 5 УПК РФ), функцию обвинения – участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ), функцию защиты – участники уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7 УПК РФ). На этом основные и перечисленные в ч. 2 ст. 15 УПК РФ функции заканчиваются, но остаются участники процесса, не исполняющие вышеперечисленные функции. Их законодатель объединил в главе 8 УПК РФ и назвал иными участниками уголовного судопроизводства. Полагаем, что уголовно-процессуальная деятельность не может быть охвачена представленной трехзвенной системой функций и лица, закрепленные в главе 8 УПК РФ, также выполняют немаловажную, а порой и решающую для справедливого и всестороннего расследования функцию содействия правосудию [3].

Безусловно, это далеко не полный перечень лиц, которые по своему функциональному предназначению могут быть отнесены к лицам, оказывающим содействие правосудию. К указанной категории относятся лица, которые в силу своих профессиональных качеств, навыков, умений, специальных знаний, привлекаются лицами, проводящими расследование. К данной категории также могут быть отнесены лица, обладающие определенными сведениями, выполняющие необходимые действия, например, удостоверение факта производства следственного действия. Иные участники уголовного судопроизводства с принятием Федерального закона от 30 октября 2018 года № 376-ФЗ дополнились новым субъектом – лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ).

Обзор литературы

Настоящее исследование подготовлено на основе анализа норм уголовно-процессуального за-

конодательства Российской Федерации, судебной практики Конституционного Суда Российской Федерации, изучения научных работ по исследуемой проблематике таких процессуалистов, как Н.А. Абрахам [1, с. 177], А.В. Бахновский [2, с. 63], П.В. Эдилова [12, с. 15-38], а также официальных статистических данных ГИАЦ МВД России [9].

Материалы и методы

Применяемые в процессе настоящего исследования частнонаучные методы, такие как системно-структурный, формально-логический, логико-семантический, метод сравнительного правоведения, позволили проанализировать и обобщить вопросы общетеоретической направленности, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать необходимые выводы и предложения.

Результаты исследования

Автору статьи не известны сколь-нибудь крупные научные исследования или практические комментарии, посвященные новой процессуальной фигуре, закрепленной в ст. 56.1 УПК РФ, однако полагаем, что в связи с неоспоримой процессуальной значимостью лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, интерес практикующих юристов к обобщению уже имеющейся практики работы с данной категорией участников, определения исторической предпосылки и логического основания введения в российский уголовный процесс данной фигуры активизирует и научную полемику по этой проблематике.

Полагаем, что необходимо отразить предысторию возникновения столь специфического участника процесса, как «особый свидетель». Инициатором возникновения по праву можно считать гр. Д.В. Усенко, признанного приговором Вологодского городского суда от 15 апреля 2014 года виновным за незаконный сбыт и покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере в составе организованной группы. Оспаривая данное решение, Д.В. Усенко обратился в Конституционный Суд Российской Федерации [8]. Суть обращения заключалось в том, что соучастники преступления, заключив досудебное соглашение о сотрудничестве, дали показания в качестве свидетелей в отношении Д.В. Усенко без предупреждения о об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний. Заявитель счел, что действующее уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность не предупреждать свидетеля, являющегося соучастником преступления, но заключившим соглашение, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производ-

ство, об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний при производстве по уголовному делу в отношении соучастника совершенного им преступления и тем самым ограничивает гарантии презумпции невиновности лица, в отношении которого даются эти показания, нарушает запрет на использование недопустимых доказательств и потому противоречит Конституции Российской Федерации.

В июле 2016 года Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение о необходимости внесения в УПК РФ изменений, предусматривающих особый статус лица, с которым заключено соглашение, с целью определения его участия в судебном разбирательстве по основному уголовному делу в целях дачи показания в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним. Выяснилось, что такая норма действительно отсутствовала в уголовном процессе России.

И уже в январе 2017 года распоряжением Правительства Российской Федерации принято решение внести в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона с соответствующими изменениями уголовно-процессуального законодательства.

Подготовленный проект Федерального закона № 75674-7 [5] был представлен и прошел необходимую процедуру согласования – 9 октября 2018 года принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ в окончательной редакции.

Однако принятие вышеуказанного проекта породило определенные последствия. В юридической литературе опубликовано открытое письмо, адресованное Председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В.В. Володину, подготовленное от имени президента Федеральной палаты адвокатов РФ Ю.С. Пилипенко [7]. В своем обращении он указывает на необходимость доработки представленного проекта Федерального закона № 75674-7 в соответствии с требованиями постановления Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П. Учитывая, что письмо было адресовано в январе 2017 г., а закон принят лишь через полтора года, полагаем, что обращение разработчиками было учтено и указанные рекомендации были доработаны.

Если в настоящее время отсутствуют исследования, посвященные новой процессуальной фигуре, то несколько иначе обстоят дела по самому досудебному соглашению о сотрудничестве. В последние годы появились содержательные работы, посвященные данному юридическому факту? Например, вопросам обеспечения безопасности лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, посвящена диссертация на соискание ученой степени кан-

дидата юридических наук Е.В. Прытковой «Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты» (г. Санкт-Петербург, 27 ноября 2015 г.), а также работа Н.Н. Гусевой «Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве» (г. Москва, 30 мая 2018 г.); как самостоятельный уголовно-процессуальный институт соглашение о сотрудничестве рассматривает П.В. Эдилова «Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе» (г. Москва, 8 июня 2017 г.); несколько шире и в другом ключе рассмотрен институт соглашения о сотрудничестве в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук О.В. Климановой «Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений» (г. Самара, 28 июня 2017 г.). Не ставя перед собой задачу анализа указанных работ, отметим, что все они детально и аргументированно отстаивают необходимость существования данного уголовно-процессуального института и предлагают различные пути совершенствования действующего процессуального законодательства, однако не со всеми из них в равной степени можно согласиться.

В связи с этим представляется интересным процессуальный опыт зарубежных стран. Так, в Соединенных Штатах Америки (далее – США) заключение сделки о признании вины зафиксировано в 1971 году в решении Верховного Суда США по делу «Сантобелло против штата Нью-Йорк» [1, с. 177], что положило начало применению данного приема при рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, которые изначально признают свою вину и готовы сотрудничать со следствием. Данный факт не является первым прецедентом, поскольку в научной литературе описывается случай применения данного соглашения юристом Реймондом Моли в 1839 году, что позволило рассматривать в последующие годы в Штате Нью-Йорк уголовные дела в таком порядке в 25 % случаях, а в настоящее время доля уголовных дел, по которым заключается сделка с правосудием, составляет 80-90 % [2, с. 63].

П.В. Эдилова в своей работе описывает схожие уголовно-процессуальные институты, направленные на упрощение уголовного судопроизводства за счет заключаемых «сделок с правосудием» по уголовно-процессуальному законодательству Германии, Италии, Испании, Португалии [12, с. 15-38].

Возвращаясь к уголовному процессу России, отметим, что введенный Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ [6] неизвестный отечествен-

ным процессуалистам уголовно-процессуальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве сразу породил в научных кругах непрекращающуюся полемику. Одни полагают, что этот институт необходим для эффективной борьбы с организованной преступностью, в том числе по делам экономической направленности, другие считают его своеобразной «сделкой с правосудием», что априори недопустимо в современном правовом государстве.

Действительно, если обратиться к официальной статистике, представленной ГИАЦ МВД России, за период с января по ноябрь 2018 года на 4,7 % увеличилось число преступлений экономической направленности, выявленных сотрудниками правоохранительных органов, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 5,8 %. Кроме того, совершено 14,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений организованными группами и преступными сообществами (что на 20,4 % больше, чем за аналогичный период 2017 года!) [9].

Возможно, появление такой процессуальной фигуры, как лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, положительно скажется на сложившейся правоприменительной ситуации и станет эффективным инструментом в расследовании преступлений, совершенных организованными группами.

Отметим, что под данной категорией лиц законодатель подразумевает участников уголовного судопроизводства, которые привлекаются к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления (ч. 1 ст. 56.1 УПК РФ).

Отметим, что само наименование рассматриваемой нами категории лиц – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, – требует редакции. Наименование является чересчур длинным с точки зрения языкового содержания, лексически и синтаксически перегруженным.

Отметим, что в научной литературе встречались предложения о необходимости закрепления самостоятельной процессуальной фигуры лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Так, например, П.В. Эдилова предлагает именовать данного участника «контрактант» [12, с. 73], в УПК Швейцарии предусмотрена категория участников – третье лицо, обремененное процессуальными действиями (п. f ч. 1 ст. 105)

Исходя из сказанного, считаем необходимым упростить наименование нового участника уголовного судопроизводства, изложив название ст. 56.1 в следующем виде: «Статья 56.1 Лицо, являю-

щееся источником сведений». Именно такое название позволяет обосновать позицию законодателя, в соответствии с которой новый участник (ст. 56.1 УПК РФ) указан после свидетеля (ст. 56 УПК РФ), являющегося лицом, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний.

Новый участник судопроизводства наделяется правами, присущими в уголовном судопроизводстве свидетелю, но с определенными изъятиями. Так, например, в отличие от свидетеля, данное лицо не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со статьями 307 и 308 УК РФ (ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ). На первый взгляд, эта привилегия – не нести уголовную ответственность по ст. 307 и 308 УК РФ – ставит его в заведомо выгодное положение перед другими участниками уголовного судопроизводства, поскольку лицо может давать заведомо выгодные для себя или других участников процесса показания. Но это только на первый взгляд. Следует помнить, что с этим лицом заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а следовательно, на него распространяется норма, предусмотренная ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ, в соответствии с которой отказ от дачи показаний позволит использовать ранее данные им показания в суде в качестве доказательств. В случае если после провозглашения приговора будет установлено, что им были сообщены ложные сведения или умышленно искажены показания, т.е. не выполнены установленные соглашением обязательства, то приговор подлежит пересмотру; а лицо может быть привлечено вместе с соучастниками или иными лицами по основному уголовному делу.

В анализируемой норме законодатель предусмотрел и ограничения. Рассматриваемая категория лиц не вправе: 1) уклоняться от явки по вызовам следователя или в суд; 2) разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в отношении соучастников преступления, если лицо было об этом заранее предупреждено в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. В случае уклонения от явки без уважительных причин данное лицо может быть подвергнуто приводу (ч. 6 ст. 56.1 УПК РФ). Эта позиция законодателя у нас вызывает откровенное недоумение. Полагаем, что ограничиваться лишь приводом при наличии разнообразных мер уголовно-процессуального принуждения не вполне целесообразно. Считаем, что в отношении данного лица могут быть избраны: мера пресечения – запрет определенных действий; иные меры принуждения – обязательство о явке. Безус-

ловно, меры пресечения избираются в отношении подозреваемого и обвиняемого, но полагаем, что в закон следует сделать исключение и внести изменения, позволяющие расширить перечень лиц, в отношении которых допустимо применение запрета определенных действий. Наличие указанных ограничений позволит не только сформировать, а главное простимулировать законопослушное поведение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Частью 7 ст. 56.1 УПК РФ предусмотрена уголовная ответственность за разглашение данных предварительного расследования.

Появление в уголовном процессе новой процессуальной фигуры повлекло за собой изменение целого ряда норм, среди которых следует отметить статьи 113, 164, 264, 287, 288, 389.13 УПК РФ.

Кроме того, введена новая норма, регламентирующая допрос и оглашение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 281.1 УПК РФ). В целом содержание указанной статьи раскрывает процессуальный порядок допроса данной категории лиц, который в преимущественно схож с процессуальным порядком допроса свидетеля, но с отдельными изъятиями. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 281.1 УПК РФ, «перед допросом судья устанавливает личность лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, выясняет его отношение к подсудимому и потерпевшему, разъясняет ему права и обязанности, предусмотренные статьей 56.1 настоящего Кодекса, предупреждает о предусмотренных главой 40.1 настоящего Кодекса по-

следствиях несоблюдения им условий и невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия каких-либо существенных сведений» [5]. Указанные изъятия органично вытекают из содержания статьи 56.1 УПК РФ, тут не предусмотрено ничего исключительного.

В связи с этим полагаем, что не является исключительной и сама идея закрепления самостоятельного процессуального статуса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, скорее, это было продиктовано правовой необходимостью.

Обсуждение и заключения

Подводя итог сказанному, заметим, что введение указанной процессуальной фигуры именно в главу 8 УПК РФ свидетельствует о новом этапе развития уголовно-процессуального института содействия правосудию. Действительно, сложно переоценить значение той помощи, которое оказывает данное лицо правосудию, сообщая сведения, ставшие ему известными в ходе, например, соучастия в совершении преступления.

В заключение отметим, что настоящая статья не претендует на исчерпывающее освещение всех проблемных вопросов, связанных с процессуальным статусом лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, особенно общетеоретических и вопросов прикладного характера института содействия в целом. Однако полагаем, что предложенные в исследовании меры законодательного характера позволят хотя бы в некоторой степени уменьшить количество проблем в рассматриваемой области, а также придадут новый импульс исследованиям в данной области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abraham H.J. The Judicial Process: An Introductory Analysis of the Courts of the United States, England and France. 6th ed. NY: Oxford University Press, 1993. XVI. P. 177.
2. Бахновский А.В. Сделка с правосудием: особенности континентальной и англосаксонской правовой традиции: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2008. С. 63.
3. Латыпов В.С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6831.
5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка участия лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном деле в отношении соучастников преступления: проект Федерального закона № 75674-7. URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 20.05.2019).
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.
7. О законопроекте № 75674-7 «О внесении изменений в УПК РФ в части порядка участия лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, в деле в отношении соучастников преступления» (письмо Ю.С. Пилипенко от 30.01.2017 В.В. Володину) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 1 (56). С. 96-102.

8. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко: постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.
9. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2018 года. Информация представлена ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733/> (дата обращения: 20.05.2019).
10. Толковый словарь Ушакова / Д.Н. Ушаков. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/226558>, свободный (дата обращения: 20.05.2019).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
12. Эдилова П.В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2017. С. 15-38.

REFERENCES

1. Abraham H.J. The Judicial Process: An Introductory Analysis of the Courts of the United States, England and France. 6th ed. NY: Oxford University Press, 1993. XVI. P. 177.
2. Bahnovskij A.V. Sdelka s pravosudiem: osobennosti kontinental'noj i anglosaksonskoj pravovoj tradicii: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar. 2008. S. 63.
3. Latypov V.S. Okazanie sodejstviya inymi uchastnikami ugovornogo sudoproizvodstva, predusmotrennymi glavoy 8 UPK RF: monografiya. – M.: YUrlitinform, 2018.
4. O vnesenii izmenenij v Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.10.2018 № 376-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2018. № 45. St. 6831.
5. O vnesenii izmenenij v Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya poryadka uchastiya lica, v otnoshenii kotorogo ugovornoe delo vydeleno v otdel'noe proizvodstvo v svyazi s zaklyucheniem s nim dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve, v ugovornom dele v otnoshenii souchastnikov prestupleniya: projekt Federal'nogo zakona № 75674-7. URL: <http://asozd.duma.gov.ru/> (data obrashcheniya: 20.05.2019).
6. O vnesenii izmenenij v Uголовный kodeks Rossijskoj Federacii i Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29.06.2009 № 141-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2009. № 26. St. 3139.
7. O zakonoproekte № 75674-7 «O vnesenii izmenenij v UPK RF v chasti poryadka uchastiya lica, s kotorym zaklyucheno soglashenie o sotrudnichestve, v dele v otnoshenii souchastnikov prestupleniya» (pis'mo YU.S. Pilipenko ot 30.01.2017 V.V. Volodinu) // Vestnik Federal'noj palaty advokатов Rossijskoj Federacii. 2017. № 1 (56). S. 96-102.
8. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chastej vtoroj i vos'moj stat'i 56, chasti vtoroj stat'i 278 i glavy 40.1 Uголовно-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboy grazhdanina D.V. Usenko: postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20.07.2016 № 17-P // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2016. № 31. St. 5088.
9. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar'-noyabr' 2018 goda. Informaciya predstavlena GIAC MVD Rossii. URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733/> (data obrashcheniya: 20.05.2019).
10. Tolkovyj slovar' Ushakova / D.N. Ushakov. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/226558>, svobodnyj (data obrashcheniya: 20.05.2019).
11. Uголовно-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
12. Edilova P.V. Soglashenie o sotrudnichestve s obvineniem v ugovornom processe: dis. ... kand. yurid. nauk. M. 2017. S. 15-38.

Об авторе: Латыпов Вадим Сагитьянович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России
e-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru
© Латыпов В.С., 2019.

Статья получена: 21.02.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

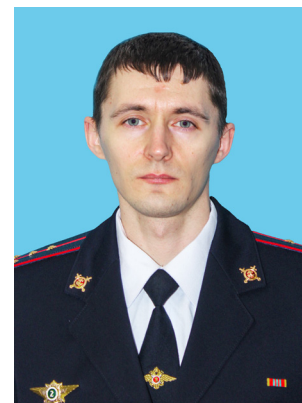
About the author: Latypov Vadim S., Candidate of Law Sciences (Research Doctorate), Associate Professor, Deputy Chief of Department of Criminal Proceedings of Ufa Law Institute of MIA of Russia
e-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

В.А. Маслов

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ В РЕШЕНИЯХ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

JUDICIAL DISCRETION IN DECISIONS OF THE SUPREME
COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Введение: статья посвящена проблеме границ судейского усмотрения в решениях высшей судебной инстанции России. В контексте основного вопроса судейского усмотрения рассматриваются аспекты правосознания судей, а также особенности разрешения юридических фактов по аналогии (посредством правовых принципов).

Материалы и методы: при проведении исследования за основу был взят диалектико-материалистический метод, основанные на нем общенаучные и частнонаучные методы (системно-структурный, логический, метод анализа документов и иных источников). Основой исследования послужили труды по вопросам судейского усмотрения, а также практика Верховного Суда Российской Федерации.

Результаты исследования: анализ судебных определений выявил ряд проблем: формализм при судопроизводстве в судах первой и второй инстанции, искаженное правосознание судей. Акцентируется внимание на необходимости соблюдения законодательного баланса между формальной определенностью и оценочностью норм, на потребности в сужении пределов судейского усмотрения. Особо отмечается, что взаимосвязь принципов права и судейского усмотрения в том, что суды, давая юридическую оценку конкретным жизненным обстоятельствам, обязаны руководствоваться принципами права. Отсутствие данного должного внимания к основополагающим идеям создает предпосылки для вынесения неправомерного решения.

Обсуждение и заключения: констатируется проблема выхода судебных актов за рамки законоположений. Кроме того, обосновывается вывод о достаточности указания на противоречия правовым принципам, допущенные нижестоящими судами, при мотивировке решения Верховным Судом РФ.

Ключевые слова: *судейское усмотрение, дискреция, аналогия права, судейский контроль, интерпретационные акты, Верховный Суд Российской Федерации*

Для цитирования: Маслов В.А. Судейское усмотрение в решениях Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 219-225. DOI: 10.24420/KUI.2019.39.28.016

Introduction: the article is devoted to the challenge of the identification of boundaries of judicial discretion in the decisions of the highest court in Russia. In the context of the main issue of judicial discretion, aspects of the judicial sense of judges are considered, as well as the peculiarities of resolving legal facts by analogy (through legal principles).

Materials and Methods: during the study, the dialectical materialistic method was used as the basis and based on it general scientific and private scientific methods (system-structural, logical, analysis of documents and other sources). The study was based on the works on judicial discretion and the practice of the Supreme Court of the Russian Federation.

Results: analysis of judicial definitions revealed a number of problems: formalism in legal proceedings in the courts of the first and second instance, distorted sense of justice of judges. Attention is focused on the need to maintain the legislative balance between formal certainty and the assessment of norms, on the need to narrow the limits of judicial discretion. It is especially noted that the interrelation of the principles of law and judicial discretion is that the courts, while giving a legal assessment of particular life circumstances, are obliged to be guided by the principles of law. The absence of this attention to the underlying ideas creates the prerequisites for making an unlawful decision.

Discussion and Conclusions: challenge of the move of judicial acts beyond the scope of legal requirements is stated. Furthermore, conclusions are substantiated that sufficiency of reference to contradictions of law principles accepted by lower-level courts in opinion of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: judicial discretion, discretion, analogy of law, judicial control, interpretation acts, Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Maslov V.A. Judicial discretion in decisions of the Supreme Court of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 219-225. DOI: 10.24420/KUI.2019.39.28.016

Введение

Значимость правовых положений в настоящее время трудно переоценить. Являясь наиболее эффективным регулятором поведения членов общества, право, как известно, призвано сгладить противоречия в обществе, содержит в себе социальный компромисс, способствует прогрессивному развитию общества.

Однако же на пути выполнения правом поставленных перед данным регулятором задач стоит ряд проблем, зачастую характеризующихся как неразрешимые. Среди прочего можно отметить, что наличествуют вполне оправданные требования к юридической технике, предполагающие, к примеру, лаконичность, точность и однозначность нормативного текста, недопустимость его казуализации. С другой стороны, разнообразие общественных отношений, их динамизм предполагает возникновение фактов действительности, ставящих правоприменителей в затруднительное положение при попытке дать данным фактам юридическую оценку.

Более того, можно с уверенностью утверждать, что сформировалась и существует концепция, согласно которой правом как раз и является деятельность правоприменителей, воплощающих в жизнь нормы писаного права.

Юриспруденцией разработан ряд инструментов, способных помочь правоприменителю при невозможности отыскать точное решение в сложившейся жизненной ситуации в правовом предписании. Особое значение среди указанных способов разрешения пробелов законодательства занимает аналогия. Как известно, правоприменитель, если аналогия законодательно допустима, вправе обратиться к нормам, регулирующим сходные общественные отношения. При уникальности юридического факта, когда нормы, регулирующие подобные отношения, отсутствуют, правоприменителю остается только обратиться к правовым принципам.

При этом принципы права сколь необходимы, сколь и противоречивы ввиду их содержательной специфики. Принципы не содержат абсолютно никакой конкретики относительно прав и обязанностей сторон, они еще более лаконичны и зачастую содержат в себе термины лишь отчасти юридические (справедливость, добросовестность и т.п.).

В науке неоднократно предпринимались попытки исследования вопросов дефиниции, сущ-

ностных признаков и свойств категории судебного усмотрения. Признавая наличие достаточно содержательных научных трудов по рассматриваемым вопросам, мы вынуждены отметить, что до сих пор остаются дискуссионными вопросы о соотношении норм права (правовой формальности) и пределов судебного усмотрения; о необходимости буквального толкования нормы в ситуации изменившихся общественных отношений и, как следствие, основаниях отступления правоприменителя от буквы закона и т.д. Данные аспекты представляется целесообразным исследовать на конкретных примерах из практики Верховного Суда РФ.

Обзор литературы

Вопросами судебного усмотрения в различное время интересовались как теоретики права, так и (по всей видимости, несколько чаще) специалисты в конкретных отраслях права. К примеру, О.А. Папкина [1] исследовала судебное усмотрение в гражданском процессе; применительно к уголовному наказанию вопросы судебного усмотрения изучены А.П. Севастьяновым [2], А.А. Пивоваровой [3]; применительно к административному судопроизводству – Н.С. Погореловой [4]; о пределах судебного усмотрения в уголовном процессе России речь идет в работах А.А. Хайдарова [5], О.Ю. Александровой [6] и др.

Отдельно отметим исследование Ю.В. Грачевой относительно проблем законотворчества, теории и практики судебного усмотрения [7], ряд иных публикаций данного автора по рассматриваемой тематике, а также труд М.А. Кауфмана о пробелах в уголовном праве и способах их преодоления [8].

Материалы и методы

Методологической основой исследования является диалектико-материалистический метод познания явлений и процессов действительности, а также основанные на нем общенаучные и частные методы исследования (анализ, синтез, системно-структурный, логический).

Нормативной основой послужили положения законодательства Российской Федерации: Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В качестве эмпирической основы выступили статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также Обзоры статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации

административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел.

Результаты исследования

Чрезвычайно высокая нагрузка на судебную систему России, как нам представляется, лежит в основе некоторых проблем, рассматриваемых в настоящей статье. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде России, за 2018 год в суды общей юрисдикции поступило более 880 000 уголовных дел. Количество значительное, но и оно меркнет перед цифрой 17 миллионов, а именно столько дел административного и гражданского характера поступило за 2018 год в суды общей юрисдикции.

Согласно обзору статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел, в 2018 году Президиумом Верховного Суда Российской Федерации было рассмотрено более 7 000 надзорных представлений и жалоб.

База данных Верховного Суда России содержит более 620 000 дел и более 4 миллионов жалоб, отправленных в адрес высшей судебной инстанции.

Указанные цифры наглядно свидетельствуют о загруженности судебной системы и одновременно о востребованности судебной защиты в современных условиях.

Как утверждают авторы, «судейское усмотрение – это предоставленное законом право судьи выбирать один из вариантов решения по своему убеждению» [3].

Папкова О.А. говорит, что сущность судейского усмотрения в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости и основ морали [1].

Уместной представляется точка зрения Ю.В. Грачевой, которая в качестве причин существования судейского усмотрения отмечает динамизм условий существования современного общества; бесконечное разнообразие жизненных явлений и индивидуальную неповторимость некоторых из них, а также дефекты законодательной техники [9].

Каким образом в реальности происходит разрешение спорных правовых вопросов, рассмотрим на анализе конкретных решений Верховного Суда РФ.

Так, Ш., требуя отсрочки исполнения судебного решения о компенсации затрат, понесенных образовательным учреждением на обучение, указала, что она не работает, имеет на иждивении малолетнего ребенка, по уходу за которым ежемесячно получает пособие в сумме 2 908 руб. 62 коп., кроме того, находится в состоянии беременности, несет расходы на содержание съемного жилья и оплату коммунальных услуг¹.

Первая инстанция, с решением которой согласилась инстанция апелляционная, отказывая в праве на отсрочку, указала, что не было представлено убедительных и бесспорных доказательств, подтверждающих ее затруднительное материальное положение, которое бы существенно препятствовало исполнению указанного решения суда.

Отметим, что вопросу отсрочки посвящена ст. 434 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ), содержащая лишь указание на наличие *затрудняющих* исполнение решения обстоятельств. Данную лаконичность вынужденно раскрывает высшая судебная инстанция, указывая, что основанием для рассрочки являются *не устранимые* на момент обращения в суд обстоятельства, препятствующие исполнению решения².

Уже на данном этапе проблема границ судейского усмотрения налицо: законодатель говорит, что основание отсрочки – это обстоятельства, *затрудняющие* исполнение решения, тогда как высшая судебная инстанция говорит о наличии неустраимых обстоятельств, *препятствующих* исполнению решения. Не вдаваясь в полемику относительно этимологии данных слов, отметим, что нам представляется их существенное отличие: *затрудняющее* – предполагает возможность исполнения решения, но с некоторыми трудностями, тогда как *препятствующих* – исключает исполнение решения полностью.

При этом необходимо понимать, что по своей правовой природе судебные акты в отечественной правовой системе носят лишь интерпретационный характер и не должны подменять собою законоположения (в рассматриваемом случае – существенно сужая сферу применения нормы об отсрочке решения).

Стоит привести точку зрения И.В. Рогожиной, которая отмечает, что «судейское усмотрение должно сводиться к правильному выбору подлежащих применению правовых норм и их толкованию для уяснения действительного смысла, но не к правотворчеству» [10, с. 147].

Разрешая данный спор, Верховный Суд РФ, указав на неправомерность вынесенного реше-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 4.09.2017 № 77-КГ17-21.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Российская газета. 2015. № 270.

ния, отметил, что оно должно быть пересмотрено с учетом принципов равноправия и состязательности сторон, а также принципа справедливости судебного разбирательства.

По существу те же обстоятельства, признанные нижестоящими судами не подтверждающими затруднительное материальное положение истца, были признаны Верховным Судом РФ исключительными и, как следствие, дающими право на отсрочку.

С одной стороны, безусловно положительно можно характеризовать то, что истец защитил в конечном итоге свои имущественные права (что важно, как нам представляется, с учетом интересов ответчика). С другой стороны, кажущаяся нам очевидная необходимость удовлетворения требований истца идет вразрез с фактом рассмотрения дела высшей судебной инстанцией.

Считаем уместным указать на то, что высшая судебная инстанция периодически в своих решениях использует формулировку «исходя из смысла норм (положений)», «исходя из смысла норм в их взаимосвязи» и т.п. В связи с чем можно привести точку зрения известного теоретика права Ганса Кельзена, согласно которой под подобными формулировками, используемыми для расширительного толкования текста закона или для заполнения пробела, скрывается идеологическое прикрытие свободы судейского усмотрения, когда судья по тем или иным причинам не хочет прибегать к буквальному смыслу нормы и считает необходимым выйти за ее пределы и разрешить дело исходя из своих представлений о задачах правового регулирования, о справедливости, конституционных ценностях и т.п. [11]

Не менее интересен и следующий спор, дошедший до Верховного Суда РФ. С. обратилась с иском о компенсации морального вреда, ссылаясь на причиненные ей побои. Первая инстанция, рассмотрев дело, удовлетворила иск частично, после чего суд апелляционной инстанции указал на отсутствие прав на компенсацию нравственных страданий. Вторая инстанция обосновала отказ тем, что каких-либо материалов, подтверждающих факт уголовного либо административного преследования ответчика или обращение истца в правоохранительные органы и принятия каких-либо мер в отношении ответчика, истцом не представлено. Как следствие – невозможно с достоверностью установить объем причиненного ответчиком вреда.

Отменяя решение суда апелляционной инстанции, Верховный Суд РФ указал, что размер подле-

жащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению¹.

Апелляционная инстанция исходила из буквального толкования норм гражданского законодательства (ст. 15 ГК РФ), предписывающих обязанность полного возмещения убытков (и, как следствие, необходимость установления их *точного* значения). Высшая инстанция опиралась уже на свои же разъяснения, данные ранее, предусматривающие возможность установления размера ущерба с *разумной степенью достоверности*².

Справедливости ради отметим, что остается под вопросом, чем руководствовался суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении на том основании, что истец не обращался в правоохранительные органы. Очевидно, что недопустимо считать привлечение к ответственности административной (или уголовной) условием для предъявления иска о возмещении вреда (в том числе морального) в гражданском порядке.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно посредством (с учетом) принципов высшая инстанция рекомендовала рассматривать ситуации, когда не удастся с точностью установить объем причиненного вреда.

Следующее определение Верховного Суда РФ отсылает нас к такому принципу гражданского законодательства, как принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Именно данный принцип лег в основу решения высшей судебной инстанции о возвращении иска в апелляционную инстанцию. Суть спора в данном случае в том, что застройщик не передал квартиру в срок, указанный в договоре долевого участия. При этом истец требовал неустойку за неисполнение обязательства, а застройщик отказывал в удовлетворении требований, аргументируя отказ опечаткой в заключенном договоре. Согласно точке зрения застройщика, договоренность была на декабрь 2016 года (тогда как в договоре долевого участия указан декабрь 2015 года).

Опираясь на вышеуказанный принцип, высшая судебная инстанция указала на то, что в подобных ситуациях (невозможности буквального толкования договора ввиду неясности его положений) необходимо устанавливать действительную волю договаривающихся сторон³.

В чем-то схожие формулировки использовались и в решении Верховного Суда РФ по спору в отно-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 20.06.2017 № 78-КГ17-30.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140

³ Определение Верховного Суда РФ от 20.03.2018 № 4-КГ17-70.

шении земельного участка: договором купли-продажи земельного участка была предусмотрена сумма 900 000 рублей, а в составленной пятью днями позднее расписке за этот же земельный участок были переданы 3 900 000 рублей¹. Как и в приведенном выше определении, было указано на необходимость установления действительной общей воли сторон. Что характерно: вторая инстанция не обратила внимания на то, что ответчик фактически не оспаривал уплату за участок 3 900 000 рублей, и спор в отношении суммы отсутствовал.

В вышеуказанных примерах налицо проблемы правосознания судей. Нам не понятно, по какой причине апелляционная инстанция встает на сторону застройщика, не приводя доводы в пользу такого решения (особенно с учетом того, что в договоре долевого строительства указывается срок окончания строительства); формально подходит к вопросу определения имущественного вреда, исходя лишь из суммы, указанной в договоре, не принимая во внимание иные обстоятельства.

Как нам представляется, при анализе казусов судейского усмотрения показателен и следующий пример. Н. совершила преступление, наказуемое пожизненным лишением свободы, при этом к моменту вынесения приговора прошло более 15 лет. При данных обстоятельствах областной суд счел возможным освободить лицо от ответственности в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, мотивировав свое решение положениями ч. 4 ст. 78 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), согласно которым вопрос о применении сроков давности к лицу, совершившему преступление, наказуемое смертной казнью или пожизненным лишением свободы, решается судом.

Верховный Суд РФ, отменяя решение областного суда, указал, что «лицо, совершившее преступление, за которое предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, привлекается к уголовной ответственности *независимо от времени*, прошедшего после совершения преступления». И далее: «При этом в течение 15 лет, которые установлены законом для этой категории преступления, уголовная ответственность является *обязательной*, а по истечении данного срока вопрос о прекращении уголовного преследования отнесен к компетенции суда»².

Представляется, что налицо некая внутренняя несогласованность. В одном случае говорится о безальтернативном, «независимом от времени» привлечении лица к ответственности, в другом – утверждается, что «вопрос отнесен к компетенции суда».

Уголовным законом рассматриваемый вопрос привлечения к ответственности (а равно – усмотрения наличия или отсутствия обстоятельств истечения сроков давности) лиц, совершивших преступления, наказуемые смертной казнью или пожизненным лишением свободы, отнесен к компетенции суда. Императивность в данном аспекте отсутствует, и предполагается необходимость рассмотрения в каждом конкретном случае всех обстоятельств дела. Отметим, что в апелляционном представлении как раз и были указаны обстоятельства, характеризующие обвиняемую: факт привлечения ранее к уголовной ответственности трижды, психологическая экспертиза и т.д.

Представляется, что указание на то, что областной суд, принимая решение в отношении обвиняемой, сослался на п. «г» ч. 1 ст. 78 УК РФ (содержащий требование об освобождении лица от уголовной ответственности в случае, если истек 15-летний срок), отнюдь не является существенным нарушением норм материального и процессуального права. Безусловно, что в подобных ситуациях следует указывать и ч. 4 ст. 78 УК РФ. Но столь ли *существенно* отсутствие данного указания?

Позволим предположить, что одним из обстоятельств, оказавших влияние на формулировки областного суда, было то, что обвиняемой была женщина, которой, как известно, не назначается наказание в виде пожизненного лишения свободы (ч. 2 ст. 57 УК РФ), равно как и смертная казнь (ч. 2 ст. 59 УК РФ).

Справедливости ради отметим, что мы считаем действительной причиной отмены решения областного суда субъективизм правоприменителей. Оказалось, что отличие в правосознании судей областного и верховного судов (несколько несхожие представления о справедливости, целях наказания и т.п.) существенно сказалось на квалификации деяния, притом что суды руководствовались одними и теми же нормами права. Наша точка зрения состоит в том, что высшая судебная инстанция более объективно и корректно подходит к учету основополагающих и фундаментальных основ права в процессе разрешения юридических фактов.

Относительно значения правосознания любопытна точка зрения А.П. Севастьянова, согласно которой существующая система назначения наказания, основанная на судебском усмотрении, во многих случаях не способна обеспечить назначение справедливого наказания. Она приводит к тому, что зачастую на наказание значительно больше влияет правосознание судьи, чем какие бы то ни было обстоятельства дела [9].

¹ Определение Верховного Суда РФ от 29.08.2017 № 18-КГ17-121.

² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 22.02.2018 № 4-АПУ18-3.

Прежде чем перейти к выводам отметим, что согласно нашей точке зрения задача законодателя состоит в поиске наиболее оптимального соотношения между формальной определенностью и оценочностью норм. Бесспорной представляется точка зрения авторов, утверждающих, что «в процессе индивидуализации наказания судебское усмотрение заменить ничем нельзя. Вместе с тем некоторая формализация законодателем такого усмотрения привела бы к большей стабильности судебной практики, ее единообразию, укреплению законности и максимальной реализации принципа справедливости» [12, с. 717]. Излишняя формализованность, равно как и законодательно предусмотренные чрезмерно широкие границы судебного усмотрения, создают предпосылки для отсутствия единства правоприменения.

Обсуждение и заключения:

1. Стоит констатировать, что рамки правоприменения, предусмотренные современным отечественным (в первую очередь уголовным) законодательством, столь широки, что требует переосмысления законодательный подход к их последовательному расширению (исключению низших границ санкций и т.п.).

2. Взаимосвязь принципов права и судебного усмотрения видится в том, что суды, давая юридическую оценку конкретным жизненным обстоятельствам, обязаны руководствоваться принципами права. Отсутствие должного внимания к основополагающим идеям создает предпосылки для вынесения неправомерного решения.

Сложности в данном случае связаны с проблемой правосознания судей первой или апелляционной инстанций. Конкретные правовые предписания

в ряде случаев сформулированы таким образом, что допускается их двоякое толкование. Как показывают проанализированные примеры, вплоть до высшей судебной инстанции судьи трактуют законоположения без учета правовых принципов.

Представляется, что в некоторых случаях одного указания на противоречие основным началам достаточно для того, чтобы требовать пересмотра дела. Как в свое время указала Ю.В. Грачева, одним из оснований судебного контроля как раз являются случаи, когда принятое решение не отвечает требованиям законности или справедливости [7].

3. В ситуации, когда решение судов соответствует букве закона, но противоречит его духу (что мы отождествляем с противоречием правовым принципам), есть основания отмены такого решения вышестоящим судом, без необходимости поиска каких бы то ни было иных правовых норм, обосновывающих *существенность* нарушений норм материального и процессуального права.

4. Проблема, как нам видится, даже не столько в чрезмерно широких границах судебного усмотрения, что создает предпосылки для разных правоприменительных решений при фактически тождественных обстоятельствах, а в том, что в настоящее время наблюдается ситуация, требующая повышенного внимания: интерпретационная деятельность по существу подменяет законодательную. Подобный выход Верховного Суда РФ за рамки законоположений нами признается оправданным лишь в случаях явных законодательных пробелов и коллизий, а также с опорой при вынесении решения на основополагающие начала гуманизма и справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Папкова О.А. Судейское усмотрение в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 1997. 176 с.
2. Севастьянов А.П. Пределы судебного усмотрения при назначении наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Красноярск, 2004. 200 с.
3. Пивоварова А.А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Самара, 2009. 228 с.
4. Погорелова Н.С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Ростов-на-Дону, 2005. 173 с.
5. Хайдаров А.А. Судейское усмотрение и его пределы в судебных стадиях уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Казань, 2010. 252 с.
6. Александрова О.Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Красноярск, 2005. 202 с.
7. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в реализации уголовно-правовых норм: проблемы законотворчества, теории и практики : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08. М., 2011. 535 с.
8. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08. М., 2009. 502 с.
9. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2002. 199 с.
10. Рогожина И.В. К вопросу о судебском усмотрении // Проблемы социально-гуманитарного образования на современном этапе модернизации российской школы. Барнаул, 2018. С. 145-148.
11. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб., 2015. С.421-430.

12. Рогова Е.В., Ишигеев В.С., Парфиненко И.П. Влияние уголовно-правовых санкций на индивидуализацию наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2016. С. 710-720.

REFERENCES

1. Papkova O.A. Sudejskoe usmotrenie v grazhdanskom processe : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.03. M., 1997. 176 s.
2. Sevast'yanov A.P. Predely sudejskogo usmotreniya pri naznachenii nakazaniya : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.08. Krasnoyarsk, 2004. 200 s.
3. Pivovarova A.A. Pravosoznanie i usmotrenie sud'i: sootnoshenie ponyatij, rol' pri naznachenii nakazaniya : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.08. Samara, 2009. 228 s.
4. Pogorelova N.S. Sudejskoe usmotrenie v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.14. Rostov-na-Donu, 2005. 173 s.
5. Hajdarov A.A. Sudejskoe usmotrenie i ego predely v sudebnyh stadiyah ugovnogo processa Rossii : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.09. Kazan', 2010. 252 s.
6. Aleksandrova O.YU. Opravdatel'nyj prigovor v ugovnom processe: teoreticheskie osnovy i pravoprimenitel'naya praktika : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.09. Krasnoyarsk, 2005. 202 s.
7. Gracheva YU.V. Sudejskoe usmotrenie v realizacii ugovno-pravovyh norm: problemy zakonotvorchestva, teorii i praktiki : dis. ... dokt. jurid. nauk : 12.00.08. M., 2011. 535 s.
8. Kaufman M.A. Probely v ugovnom prave i sposoby ih preodoleniya: dis. ... dokt. jurid. nauk : 12.00.08. M., 2009. 502 s.
9. Gracheva YU.V. Sudejskoe usmotrenie v ugovnom prave : dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.08. M., 2002. 199 s.
10. Rogozhina I.V. K voprosu o sudejskom usmotrenii // Problemy social'no-gumanitarnogo obrazovaniya na sovremennom etape modernizacii rossijskoj shkoly. Barnaul, 2018. S. 145-148.
11. Kel'zen G. CHistoe uchenie o prave. SPb., 2015. S.421-430.
12. Rogova E.V., Ishigeev V.S., Parfinenko I.P. Vliyanie ugovno-pravovyh sankcij na individualizaciyu nakazaniya // Vserossijskoj kriminologicheskij zhurnal. 2016. S. 710-720.

Об авторе: Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России

e-mail: villi@e1.ru

© Маслов В.А., 2019.

Статья получена: 09.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Maslov Willie A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

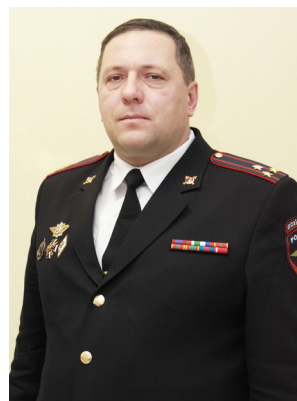
e-mail: villi@e1.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 343.13

DOI: 10.24420/KUI.2019.55.38.017

А.Б. Свистильников, Е.П. Шляхтин

ОСОБЕННОСТИ ОПРОСА ГРАЖДАН ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ЛИЦ, ПРИЧАСТНЫХ К СОВЕРШЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА

PECULIARITIES POLL OF CITIZENS AT IDENTIFICATION OF PERSONS PARTICIPATING TO THE PERFECTION OF TERRORISTICAL ACTS ON THE OBJECTS OF THE TRANSPORT COMPLEX

Введение: в статье исследуются общие подходы к осуществлению опроса различных категорий граждан для выявления лиц, причастных к совершению террористических актов на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Проводится анализ основного инструментария, используемого оперативными подразделениями полиции Российской Федерации и оперативными аппаратами милиции республик Казахстан, Таджикистан и Беларусь для борьбы с преступностью. Рассматривается современное толкование оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «Опрос» в нормативной правовой базе России и в отдельных бывших союзных республиках, сегодня независимых государствах.

Материалы и методы: методологической основой для статьи послужили общенаучные методы анализа изучаемых аспектов (наблюдение, сравнение, описание и др.), в качестве материалов исследования использованы законы России, Белоруссии, Таджикистана и Казахстана.

Результаты исследования: в статье рассматривается понятийно-категориальный аппарат оперативно-розыскного мероприятия, основанного на вербальном опросе физических лиц, и его правовая основа. Анализируется генезис данного ОРМ. Подробно анализируется оперативно-розыскное законодательство Российской Федерации, республик Таджикистан, Беларусь и Казахстан в подходах к пониманию сущности и содержания этого оперативно-розыскного мероприятия. Исследуются виды опроса и его возможности в выявлении лиц, причастных к совершению террористических актов на объектах транспортного комплекса. Подробно раскрывается процесс установления психологического контакта с опрашиваемыми лицами, которым может быть что-либо известно о противоправной деятельности разыскиваемых лиц.

Обсуждение и заключения: в статье предложен алгоритм установления психологического контакта с опрашиваемыми, даны рекомендации по повышению эффективности осуществления ОРМ «Опрос» в выявлении лиц, причастных к совершению террористических актов на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Авторами сделан вывод, что приемы опроса несовершеннолетних значительно отличаются от приемов опроса взрослых людей как в уголовно-процессуальном аспекте, так и в психологическом. По отдельным видам криминальных посягательств разными приемами необходимо пользоваться при опросе женщин и мужчин. Для каждой категории опрашиваемых должен быть разработан отдельный алгоритм опроса с учетом психологических аспектов и их отношения к преступлению.

Ключевые слова: *опрос, оперативный опрос, опрос лиц, террористические акты, объекты транспортного комплекса*

Для цитирования: Свистильников А.Б., Шляхтин Е.П. Особенности опроса граждан при выявлении лиц, причастных к совершению террористических актов на объектах транспортного комплекса //

Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 226-233. DOI: 10.24420/KUI.2019.55.38.017

Introduction: the article examines general approaches to the implementation of a survey of various categories of citizens to identify individuals involved in the commission of terrorist acts in transport and transport infrastructure facilities. The analysis of the main tools used to combat crime by the investigation units of the militia of the Russian Federation and the investigation militia apparatus of the Republics of Kazakhstan, Tajikistan and Belarus. A modern interpretation of investigation activity “Opros” is considered in the regulatory legal framework of Russia and in certain former union republics, today - independent states.

Materials and Methods: the methodological basis for the article was the general scientific methods for analyzing the studied aspects (observation, comparison, description, etc.), laws of Russia, Belarus, Tajikistan and Kazakhstan were used as research methods.

Results: the article discusses the conceptual and categorical apparatus of investigation activity based on a verbal survey of individuals, and its legal basis. The genesis of this investigation activity is analyzed. The investigation legislation of the Russian Federation, the Republic of Tajikistan, the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan is analyzed in detail in approaches to understanding the nature and content of this investigation activity. The authors study types of interview and its ability to identify individuals involved in the commission of terrorist acts at the facilities of the transport complex. The process of establishing psychological contact with the interviewed persons, who may be aware of something about the illegal activities of the wanted persons, is described in detail.

Discussion and Conclusions: an algorithm for establishing psychological contact with respondents suggested; recommendations were given to increase the effectiveness of the implementation of investigation activity “Opros” in identifying individuals involved in the commission of terrorist acts in transport and transport infrastructure objects. It is concluded that the methods of interviewing minors are significantly different from the survey of adults with both criminal procedural and psychological aspects. For certain types of criminal offenses, different techniques must be used when interviewing women as opposed to men. For each category of respondents, a separate survey algorithm should be developed, taking into account psychological aspects and their relationship to crime.

Key words: *interrogation, operational interrogation, interrogation of persons, acts of terrorism, objects of a transport complex*

For citation: Svistil'nikov A.B., SHlyahtin E.P. Peculiarities poll of citizens at identification of persons participating to the perfection of terroristical acts on the objects of the transport complex // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 226-233. DOI: 10.24420/KUI.2019.55.38.017

Введение

Второе десятилетие XXI века характеризуется активизацией процесса глобализации в международных отношениях, что приводит к тому, что государства становятся более уязвимыми для криминальных угроз, уже давно ставшими транснациональными по форме и глобальными по содержанию.

В настоящее время наибольшую опасность среди этих угроз представляет международный терроризм. В указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что одним из основных источников угроз национальной и общественной безопасности является деятельность террористических организаций, направленная на

уничтожение или нарушение функционирования объектов транспортной инфраструктуры¹.

Между террористическими группировками налаживаются связи, что приводит к совершенствованию форм и методов террористической деятельности, обмену опытом противодействия специализированным и иным подразделениям полиции территориальных и других органов МВД России². Все это указывает на необходимость создания действенной системы оперативно-розыскных мер и современного инструментария, которые бы позволяли выявлять лиц, причастных к подготовке и совершению террористических актов на объектах транспортного комплекса.

Между тем в арсенале правоохранительных органов субъектов оперативно-розыскной дея-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2019).

² Далее – орган(ы) внутренних дел или ОВД.

тельности (далее – ОРД) не только Российской Федерации, но и многих других государств в качестве такового инструментария для борьбы с рассматриваемыми видами преступлений используются оперативно-розыскные мероприятия. При этом одним из наиболее простых и вместе с тем эффективных является оперативно-розыскное мероприятие «Опрос», основой которого является словесный опрос физических лиц. Здесь мы выражаем свое согласие с мнением А.Е. Чечетина, который указывает, что к основным объектам ОРМ прежде всего «относятся лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступления, а также граждане, скрывающиеся от органов следствия и суда, уклоняющиеся от уголовного наказания, и лица, без вести пропавшие. ...Объектами отдельных ОРМ могут выступать лица, не причастные к противоправной деятельности, но располагающие сведениями о такой деятельности других людей» [1, с. 72].

Еще несколько десятилетий назад, в бытность единого союзного государства, вся нормативная правовая база советских республик в сфере ОРД строилась на основе общего законодательства и в своем большинстве имела единый понятийный аппарат. Рассматриваемая категория «Опрос» в официальных нормативных правовых актах, в специальной учебной и научной литературе именовалась «разведывательный опрос», что указывало на его скрытый, разведывательный характер (отметим, что в те годы ОРМ «Разведывательный опрос» относилось к одному из семи методов оперативно-розыскной деятельности, а термин «оперативно-розыскные мероприятия» нес в себе иную, более широкую смысловую нагрузку).

Изучение современного оперативно-розыскного законодательства бывших союзных республик (России, республик Беларусь, Таджикистан, Казахстан) показало, что и в настоящее время ОРМ «Опрос» занимает важное место в инструментарии субъектов ОРД.

Обзор литературы

Специалисты в сфере ОРД уделяют значительное внимание оперативно-розыскным мероприятиям в целом и ОРМ «Опрос» в частности.

Так, А.В. Агарков исследует содержание дефиниции оперативно-розыскного мероприятия «Опрос», проводит его сравнительный анализ с другими ОРМ, раскрывает их правовую основу на законодательном уровне [2, с. 13-19].

А.Е. Чечетин, в целом раскрывая исторические этапы развития в отечественном законодательстве

в качестве правовой категории понятия «Оперативно-розыскные мероприятия», обуславливает необходимость и возможность проведения сравнительного анализа современных подходов к определению понятия ОРМ для дальнейшего конструирования искомой дефиниции. Кроме того, им определяются главные и частные цели вышеуказанного ОРМ, а также дается классификация [1, с. 55-58].

В.Н. Омелин и Р.Х. Пардилов рассматривают оперативно-розыскное мероприятие «Опрос» в совокупности с другими ОРМ как правовой институт в оперативно-розыском законодательстве [3, с. 31-45].

Р.Х. Рахимзода изучает все виды оперативно-розыскных мероприятий, начиная с истории возникновения ОРМ «Опрос» и заканчивая современным состоянием. При этом он уделяет значительное внимание понятию, сущности и правовым основам рассматриваемой категории [4, с. 47-135].

Е.П. Шляхтин и И.М. Усманов раскрывают понятие и содержание ОРМ «Опрос» и иных оперативно-розыскных мероприятий применительно к учебному курсу «Основы ОРД» [5, с. 199-201].

Анализ вышеизложенных источников показал, что, несмотря на то, что в учебной, научной и периодической литературе имеются публикации, рассматривающие ОРМ «Опрос», однако вопросы, касающиеся словесного опроса граждан при выявлении лиц, причастных к совершению террористических актов на объектах транспортного комплекса, исследованы недостаточно.

Материалы и методы

Публикация подготовлена авторами на основе анализа проблем, возникающих в ходе словесного опроса граждан при выявлении лиц, причастных к совершению террористических актов на объектах транспортного комплекса. Эмпирическую основу исследования составили Федеральный закон РФ от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, законы «Об оперативно-розыскной деятельности» России, республик Беларусь, Казахстан и Таджикистан, российские и зарубежные публикации по данной тематике, а также результаты интервьюирования, в котором приняли участие 23 руководителя разного уровня и 41 сотрудник органов внутренних дел на транспорте, а также результаты анкетирования по указанным вопросам 95 слушателей факультета заочного обучения и факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Казанского юридического института МВД России.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ : в ред. от 06.07.2016 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2019).

Результаты исследования

Проведенное исследование показывает, что ОРМ «Опрос» позволяет решать самые различные оперативно-служебные задачи ОРД, в том числе устанавливать структуру, состав и активных участников террористических формирований; роль каждого из членов группировки, выявлять их причастность к конкретным преступлениям; собирать сведения о лицах, являющихся очевидцами террористических актов, и т.д.

Анализ непосредственно определения ОРМ «Опрос» показал, что в законах Республики Беларусь¹ и Республики Таджикистан² «Об оперативно-розыскной деятельности» это ОРМ закреплено как «оперативный опрос» (ст. 6 и ст. 18). Законодатель Республики Казахстан счел целесообразным определить его как «опрос лиц» (ст. 11 ч. 2 п. 1)³. В законодательстве Российской Федерации первоначально рассматриваемое ОРМ трактовалось как «опрос граждан», однако после принятия федеральных законов от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁴, от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁵ возникла проблема: лица без гражданства не попадали под категорию опрашиваемых. В п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 5 января 1999 года № 6-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» из словосочетания «опрос граждан» слово «граждан» было исключено⁶.

Что касается содержания исследуемого ОРМ, то законодатель Республики Таджикистан толкует ОРМ «Оперативный опрос» как «сбор фактической информации, имеющей значение для решения конкретной задачи оперативно-розыскной деятельности, со слов опрашиваемого лица, которое реально или вероятно обладает ею» (ст. 1)⁷.

Схожее по содержанию определение опроса закреплено и в законе Республики Казахстан от 15

сентября 1994 года № 154-ХІІІ «Об ОРД». В ст. 1 говорится, что опрос лиц – это «сбор фактической информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, со слов опрашиваемого лица, которое располагает или может располагать ею»⁸.

Аналогичное по смыслу, но несколько иное по содержанию понятие дает законодатель Республики Беларусь. В ст. 21 белорусского закона «Об ОРД» он указывает, что «оперативный опрос представляет собой общение с гражданином в целях получения от этого гражданина непосредственно или посредством сети электросвязи сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности»⁹.

В Российской Федерации законодатель не дает официального определения ОРМ «Опрос». Этот пробел компенсируют ведомственные нормативные правовые акты. Несмотря на многообразие частных определений данного ОРМ, они не имеют принципиального отличия от изложенных выше дефиниций [6, 7].

Что касается объектов и субъектов ОРМ «Опрос», объектами опроса могут быть любые лица, располагающие оперативно-значимой информацией, независимо от гражданства, возраста, должностного и социального положения, психического состояния, религиозных убеждений и любых других обстоятельств. Опрос может осуществляться оперативным сотрудником либо другим лицом, действующим по его заданию или поручению (внештатным сотрудником полиции, конфидентом и т.д.).

Опрос допускается только при добровольном согласии лица на беседу. Он может проводиться как по месту нахождения граждан, так и в служебном помещении ОВД либо ином удобном для беседы месте. Лица, отказавшиеся явиться для опроса по приглашению, не могут быть подвергнуты приводу, поскольку участие в опросе является их

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З [Электронный ресурс] // URL: <http://kgb.by/ru/zakon289-3/> (дата обращения: 17.05.2019).

² Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 № 687 [Электронный ресурс] // URL: http://base.spininform.ru/show_red.fwx?rid=27532 (дата обращения: 17.05.2019).

³ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Казахстан от 15.09.1994 № 154-ХІІІ [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158 (дата обращения: 17.05.2019).

⁴ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 31.05.2002 № 62-ФЗ : в ред. от 27.12.2018 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2019).

⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 года № 115-ФЗ: в ред. от 01.05.2019 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2019).

⁶ О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно - розыскной деятельности» : Федеральный закон от 05.01.1999 № 6-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» URL: www.consultant.ru (дата обращения: 17.05.2019).

⁷ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Таджикистан от 25.03.2011 № 687 [Электронный ресурс] // URL: http://base.spininform.ru/show_red.fwx?rid=27532 (дата обращения: 17.05.2019).

⁸ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Казахстан от 15.09.1994 № 154-ХІІІ [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158 (дата обращения: 17.05.2019).

⁹ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З [Электронный ресурс] // URL: <http://kgb.by/ru/zakon289-3/> (дата обращения: 17.05.2019).

правом, а не обязанностью. Также отметим, что оперативно-розыскное законодательство прямо разрешает проводить любые ОРМ, в том числе и опрос, как гласно, так и негласно, а при необходимости истинные его цели могут зашифровываться. Гласный опрос повсеместно используется сотрудниками оперативных подразделений полиции на местах происшествий и во многих других случаях. При этом виде опроса сотрудник не скрывает от опрашиваемого и окружающих цели опроса, интересующие его вопросы, а также свою принадлежность к правоохранительному органу. Негласный опрос предполагает сохранение в тайне от окружающих и, в первую очередь, от тех лиц, о которых собирались сведения, как факта беседы сотрудника правоохранительного органа с опрашиваемым, так и ее содержания [5, с. 171-173].

Анализ различных видов опроса позволяет рассмотреть наиболее эффективные психолого-криминалистические приемы его осуществления, применяемые на первоначальном этапе работы по раскрытию совершаемых преступлений.

ОРМ «Опрос» используется и с целью установления лиц, причастных к совершению террористических актов на объектах транспортного комплекса, а также иных фактов противоправной деятельности террористов, лиц из их окружения и возможных очевидцев преступлений. По прибытии на место происшествия члены следственно-оперативной группы испытывают потребность в дополнительной информации, способствующей восстановлению события происшедшего и установлению объективной истины. Наиболее доступным, простым и вместе с тем ценным источником информации об обстоятельствах совершенного преступления являются его очевидцы, поэтому их установлением занимаются сотрудники оперативных подразделений, осуществляющие подворные и поквартирные обходы близлежащих к месту совершения террористического акта домов, устанавливающие лиц, чья профессиональная или иная деятельность связана с их пребыванием в непосредственной близости от совершенного преступления.

Приходится признать, что в настоящее время лица, ставшие очевидцами совершения преступлений, часто скрывают этот факт от сотрудников правоохранительных органов. Это происходит как из-за недоверия населения правоохранительным органам, так и из нежелания участвовать в уголовном процессе, боязни мести со стороны преступного мира или по иным мотивам. В таких случаях крайне важно наличие у полицейского профессиональных навыков, позволяющих войти в доверие к опрашиваемому лицу и получить от очевидца ин-

формацию об обстоятельствах совершенного преступления террористического характера.

Однако отметим, что в настоящее время работать с населением приходится в условиях сложной криминогенной обстановки, когда сами ОВД в средствах массовой информации предостерегают людей от различного рода мошенников, грабителей и иных преступников и не рекомендуют вступать с ними в контакт, а тем более открывать дверь и впускать их в квартиру.

Исследование показывает, что многие жильцы, восприняв эту информацию буквально, не открывают дверь сотрудникам полиции, не доверяются им в общении при опросах. Порой их можно понять, поскольку сотрудники оперативных подразделений полиции имеют право работать в гражданской одежде и, как правило, свои служебные документы в руки опрашиваемому не дают, а ограничиваются их предъявлением на расстоянии, которое не позволяет прочесть имеющиеся в них реквизиты и рассмотреть фотографию. Зачастую опрос начинают с записи установочных данных жильца как бы в приказной форме, тем самым исключая желание граждан вести доверительную беседу.

Какими же могут быть рекомендации по установлению очевидцев происшествия при работе на месте совершения террористического акта на объекте транспортного комплекса или вблизи него?

Напомним, что любой вид опроса, независимо от места его осуществления, может включать пять стадий: подготовка к опросу, установление психологического контакта с опрашиваемым, достижение цели опроса, окончание опроса и оформление результатов опроса.

Следует иметь в виду, что подготовительные действия являются обязательными для любого вида опроса даже в тех случаях, когда он проводится в неотложном порядке. Так, например, для установления очевидцев террористического акта перед проведением подворного или поквартирного обхода дома оперативный работник должен продумать различные психологические приемы, которые он будет использовать при установлении психологического контакта в зависимости от личности каждого проживающего там человека, его возраста, пола, социального положения.

Установление психологического контакта с опрашиваемым – важная стадия, от которой во многом зависит достоверность полученной информации. Под психологическим контактом в опросе следует понимать такие отношения, которые характеризуются желанием и готовностью опрашиваемого участвовать в общении с оперативным работником.

Для этого сотрудник оперативного подразделения еще до беседы должен определить круг проблем, которыми обеспокоены жильцы, чтобы в дальнейшем использовать их в качестве предлога для установления психологического контакта с ними. Как показывает практика, обсуждение и попытка разрешения этих проблем являются одними из самых действенных мер, направленных на расположение к себе собеседника и установление с ним доверительных отношений. Для их выявления сотруднику полиции необходимо осмотреть прилегающую к дому территорию на предмет складирования мусора, чистоты в подъезде, освещения и выявления иных негативных моментов. Все это необходимо использовать при опросе. Так, облупленные и разрисованные стены подъезда и набросанный мусор будут свидетельствовать о том, что в подъезде собирается молодежь, которая ведет себя шумно и мешает отдыхать проживающим и особенно беспокоит пожилых людей, нуждающихся в покое. Обильно разбросанные окурки будут свидетельствовать о сборе курильщиков в подъезде и создании дискомфорта у некурящих жильцов и граждан с аллергическими и иными проявлениями. Разбросанные шприцы подтвердят наличие наркоманов, которых будут опасаться жильцы, особенно имеющие несовершеннолетних детей, поскольку последние могут быть вовлечены в употребление наркотиков или иных психоактивных веществ.

Опрос целесообразно начинать с приветствия и представления себя опрашиваемому, т.е. полного названия своей должности, принадлежности к конкретному ОВД и предъявления документов. Опрашиваемые, как правило, не могут успеть прочесть реквизитов в документе и рассмотреть фотографию. Между тем люди больше доверяют человеку, когда уверены в том, что он тот, за кого себя выдает. С этой целью сотрудник полиции, убедившись, что перед ним находится адекватный собеседник, может дать ему в руки свое служебное удостоверение, рассказать, на какие реквизиты нужно обращать внимание, и предложить сверить фотографию с его внешним видом. В это время целесообразно сказать несколько слов об отличительных признаках в поведении преступников, выдающих себя за полицейских. Представившись, сотрудник должен поинтересоваться, как обращаться к собеседнику, выяснить его имя и отчество для общения с ним (не нужно вести речь о фамилии и т.п.). В дальнейшем к лицам среднего и старшего возраста целесообразно обращаться только по имени и отчеству. Многим людям рабочих профессий это импонирует, и они искренне пытаются оказать помощь. Однако с опрашиваемыми женщинами среднего возраста такое обращение может вызвать обратный эффект, поскольку будет

подчеркивать возраст, то есть в каждом конкретном случае нужно ориентироваться на месте. Тем не менее, всегда полезно тактично отметить достоинства собеседницы женского пола.

Разговор нужно начинать с выявленных негативных аспектов, имеющихся в доме или подъезде и беспокоящих собеседника. Необходимо высказать сочувствие, что собирающаяся молодежь много курит («наверное, шумит и причиняет жильцам беспокойство»). А если в семье есть несовершеннолетний ребенок, целесообразно завести разговор о переживаниях родителей за его безопасность и спросить, помогают ли инспектора по делам несовершеннолетних или участковые уполномоченные в наведении порядка. При необходимости дать ряд советов либо предложить свое содействие в привлечении их к наведению порядка или личному участию в решении этой проблемы.

На изложенную беседу по установлению психологического контакта у подготовленного сотрудника оперативного подразделения уходит от двух до пяти минут, однако она располагает собеседника к откровенному и результативному диалогу. Затем сотрудник должен перейти к предмету опроса, создавая у опрашиваемого желание сообщить сведения, относящиеся к цели опроса, исключая в общении с опрашиваемым пугающие его термины и смягчая обстоятельства совершенного преступления, а также давая понять, что беседа с ним носит конфиденциальный характер.

С целью получения нужной информации сотрудник полиции в процессе разговора должен неоднократно подводить опрашиваемого к конкретным, интересующим его событиям. Бывает, что собеседник готов сообщить информацию, однако опасается огласки состоявшейся беседы. В таком случае его следует убедить в конфиденциальности их отношений, заверить, что законодательством предусмотрены формы содействия, при которых граждан можно не привлекать к участию в уголовном процессе в качестве свидетелей преступления, а сообщенная ими информация будет сохранена в тайне.

В случаях если психологический контакт и доверительные отношения с опрашиваемым не были установлены, оперативный работник должен быть готов к использованию иных алгоритмов общения, направленных на преодоление и нейтрализацию противодействия со стороны опрашиваемого.

Отметим, что оперативно-розыскное законодательство разрешает при опросе использовать различные технические средства фиксации получаемой вербальной информации. В отдельных случаях возможно применение технических средств аудио- или видеозаписи и с согласия опрашиваемого – полиграфа.

Результаты опроса могут оформляться справкой, рапортом оперативного сотрудника либо объяснением, заявлением или явкой с повинной опрашиваемого. В случае использования специальных технических и иных средств фиксации информации к документам, отражающим результаты опроса, могут прилагаться физические носители полученной информации.

Обсуждение и заключения

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что для выявления лиц, причастных к совершению террористических актов на объектах транспорт-

ного комплекса, сотрудники полиции должны уметь устанавливать психологический контакт с возможными очевидцами преступления и грамотно осуществлять их опрос.

Также отметим, что свои особенности имеет психология опроса потерпевших, свидетелей и лиц, непосредственно причастных к террористической деятельности. Думается, что эти и иные аспекты ОРМ «Опрос» будут изложены представителями научной общественности в дальнейших публикациях на страницах данного издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. СПб.: СПб ун-т МВД России, 2016. С. 232.
2. Агарков А.В. Дефиниции оперативно-розыскных мероприятий: сравнительный анализ и законодательное закрепление: монография. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2017. 92 с.
3. Омелин В.Н., Пардилов Р.Х. Институт оперативно-розыскных мероприятий в оперативно-розыском законодательстве (теоретический и правовой аспекты): монография. М.: ВНИИ МВД России, 2007. 145 с.
4. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность: история и современность: монография. Душанбе: ЭР-граф. 2016. 320 с.
5. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / авт.- сост. Е.П. Шляхтин, И.М. Усманов. Казань: КЮИ МВД России, 2017. 300 с.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. М.: Норма : ИНФРА-М, 2017. 384 с.
7. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. З.Л. Шпагапсоева и Н.П. Голяндина. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. 378 с.

REFERENCES

1. Chchetin A.E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya. SPb.: SPb un-t MVD Rossii, 2016. S. 232.
2. Agarkov A.V. Definicii operativno-rozysknyh meropriyatij: sravnitel'nyj analiz i zakonodatel'noe zakreplenie: monografiya. Vladimir: VYUI FSIN Rossii, 2017. 92 s.
3. Omelin V.N., Pardilov R.H. Institut operativno-rozysknyh meropriyatij v operativno-rozysknom zakonodatel'stve (teoreticheskij i pravovoj aspekty): monografiya. M.: VNII MVD Rossii, 2007. 145 s.
4. Rahimzoda R.H. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': istoriya i sovremennost': monografiya. Dushanbe: ER-graf. 2016. 320 s.
5. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie / avt.- sost. E.P. SHlyahutin, I.M. Usmanov. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2017. 300 s.
6. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo. 4-e izd., pererab. M.: Norma : INFRA-M, 2017. 384 s.
7. Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: uchebnik / pod red. Z.L. SHpagapsoeva i N.P. Golyandina. Krasnodar : Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2016. 378 s.

Об авторах: Свистильников Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры ОРД Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
e-mail: Svistilnikov@mail.ru
Шляхтин Евгений Павлович, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России
e-mail: kentavr.kaz@mail.ru
© Свистильников А.Б., 2019.
© Шляхтин Е.П., 2019.

Статья получена: 18.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the authors: Svistil'nikov Alexandr B., Candidate of Law (Research Doctorate), Associate Professor, Professor at the Department of Investigative Activity of Belgorod Law Institute of MIA Russia named after I.D. Putilin

e-mail: Svistilnikov@mail.ru

Shlyakhtin Eugeny P., Head of the Chair of Investigation Activity of Kazan Law Institute of MIA Russia

e-mail: kentavr.kaz@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Свистильников Александр Борисович – осуществлено интервьюирование руководителей разного уровня и сотрудников органов внутренних дел на транспорте по вопросам подготовки и проведения оперативно-розыскного мероприятия «Опрос».

Шляхтин Евгений Павлович – проведено анкетирование по указанным вопросам слушателей факультета заочного обучения и факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации Казанского юридического института МВД России.

Впоследствии результаты интервьюирования и анкетирования, а также анализа российского и зарубежного законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов были обобщены и совместно проанализированы авторами работы.

УДК 343.7

DOI: 10.24420/KUI.2019.97.37.018

Д.Б. Чернышев

**КРАЖА ИЗ НЕФТЕПРОВОДА, НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОДА,
ГАЗОПРОВОДА, СОПРЯЖЕННАЯ С ИХ ПОВРЕЖДЕНИЕМ –
ПРОБЛЕМЫ СОВОКУПНОГО ВМЕНЕНИЯ**

**THEFT FROM AN OIL PIPELINE, AN OIL PRODUCT PIPELINE,
A GAS PIPELINE, COUPLED WITH THEIR DAMAGE –
CHALLENGES OF CUMULATIVE IMPUTATION**

Введение: в статье анализируется проблема уголовно-правовой квалификации деяний, связанных с необходимостью совокупного вменения двух норм, – ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ: рассматривается система уголовно-правового противодействия хищениям из газопровода и нефтепродуктопровода, которые представляют повышенную общественную опасность ввиду нарушения, помимо причинения имущественного ущерба, нормальной работы коммунальной инфраструктуры, а также могут привести к возможной утечке опасных химических веществ, их возгоранию и взрыву.

Материалы и методы: в ходе исследования применялся комплекс общенаучных методов – материалистическая диалектика, синтез, компаративный анализ, а также частнонаучный сравнительно-правовой метод. Эмпирической основой исследования выступили вступившие в силу обвинительные приговоры судов различных регионов России, вынесенные по ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Результаты исследования: в процессе теоретического осмысления уголовно-правовых конструкций исследуемых норм и изучения судебных решений выявлен факт конкуренции норм, требующий законодательной коррекции.

Обсуждение и заключения: в результате проведенного исследования автор приходит к выводу об отсутствии необходимости вменения совокупности двух норм УК РФ при квалификации кражи из газопровода, нефтепровода, в связи с тем что это излишне утяжеляет данный состав преступления, общественная опасность которого уже учтена отнесением его к особо квалифицированным видам хищения. Вместе с тем с целью устранения конкуренции норм автор полагает исключить из диспозиции ст. 215.3 УК РФ корыстный мотив, оставив только хулиганский.

Ключевые слова: кража, газопровод, нефтепровод, повреждение, конкуренция норм

Для цитирования: Чернышев Д.Б. Кража из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, сопряженная с их повреждением – проблемы совокупного вменения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 234-238. DOI: 10.24420/KUI.2019.97.37.018

Introduction: the article analyses the challenge of criminal qualification of these acts related to the need for the cumulative imputation of two rules - Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation and paragraph “b” of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The system of criminal law to counter theft of gas and oil from pipelines constituting a major threat to society due to violations besides property damage, normal activity of public infrastructure can lead to probable leakage of hazardous chemical substance, their fire and explosion.

Materials and Methods: in the course of the study, a complex of general scientific methods was used: materialistic dialectics, synthesis, comparative analysis, specific scientific comparative legal. The empirical basis of the study was convictions of courts of various regions of Russia that came into force made under Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, and paragraph “b” of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Results: in the process of theoretical understanding of the criminal and legal constructions of the studied norms and the study of court decisions, the fact of the competition of norms requiring legislative correction was revealed.

Discussion and Conclusions: as a result of the study, the author comes to the conclusion that there is no need to impute a combination of two norms of the Criminal Code of the Russian Federation when qualifying theft from a gas pipeline or oil pipeline, due to the fact that this unnecessarily makes this crime heavier, the public danger of which has already been taken into account especially skilled types of theft. At the same time, in order to eliminate the competition of norms, the author supposes to exclude from the disposition of Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation a mercenary motive including only a hooligan one.

Key words: theft, gas pipeline, oil pipeline, damage, competition standards

For citation: CHernyshev D.B. Theft from an oil pipeline, an oil product pipeline, a gas pipeline, coupled with their damage – challenges of cumulative imputation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 234-238. DOI: 10.24420/KUI.2019.97.37.018

Введение

Существующая в российском праве проблема конкуренции норм, регулирующих смежные объекты охраняемых законом общественных отношений, создает значительные трудности у правоприменителей, порождает отсутствие единства судебной практики, что, в свою очередь, приводит к нарушению принципа справедливости, установленного ст. 6 УК РФ. Примером подобной конкуренции могут служить однородные предметы регулирования нормы уголовной ответственности, установленной п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 215.3 УК РФ. Мы полагаем, что конкуренция указанных норм вызвана дефектом конструкции диспозиции ст. 215.3 УК РФ, создающей предпосылки для излишнего совокупного вменения двух норм за единое преступное деяние. Целью настоящего исследования является проверка данной гипотезы.

Задачами исследования являются теоретический анализ диспозиций норм ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а также судебной практики уголовно-правовой квалификации указанных преступлений, установление дефектов, являющихся причиной указанной конкуренции норм, и разработка предложений по изменению уголовного законодательства с целью решения указанной проблемы.

Обзор литературы

Проблемам уголовно-правовой квалификации преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, посвящено монографическое исследование А.А. Желдаковой [1], а также ряд научных статей, среди которых следует отметить работы М.А. Любавиной [2], Р.С. Лунева [3], М.З. Карамурзовой и М.Б. Карамурзова [4], М.С. Сирика [5], А.В. Шнайдера [6], О.В. Ермаковой [7] и др. Несмотря на то, что ст. 215.3 УК РФ вызывает значительно меньший интерес у исследователей, следует отметить работы Т.С. Коваленко [8], Р.В. Закомолдина [9]. Проблема совокупной квалификации ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ затронута в монографическом исследовании В.И. Гладких [10].

Результаты исследования

Норма, предусмотренная п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, устанавливает уголовную ответственность за тайное хищение из газопровода, нефтепровода, нефтепродуктопровода. Отнесение указанного преступного деяния к числу особо квалифицированных составов обусловлено повышенной общественной опасностью способа совершения

данного преступления. Предметом преступного посягательства, отраженного в диспозиции указанной статьи, являются исключительно химические вещества, опасные по своей сущности – газ, нефть, нефтепродукты. Действия, направленные на их хищение, всегда связаны с несанкционированным и непрофессиональным подключением к инженерным коммуникациям – магистральным трубопроводам и потенциально влекут угрозу незапланированной утечки, возгорания, взрыва и т.д. Соответственно, можно говорить о факультативном объекте – общественной безопасности, т.к. в результате наступления данных общественно опасных последствий может пострадать неопределенный круг лиц. Это объясняет логику законодателя, стремящегося мерами ужесточения уголовно-правовой репрессии повысить эффективность борьбы с данным видом преступности [11].

Также особенная часть УК РФ содержит ст. 215.3 УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за самовольное подключение к газопроводу, нефтепроводу, нефтепродуктопроводу либо приведение их в негодность. Субъективная сторона состава данного преступления содержит два альтернативных мотива – корыстный и хулиганский. И в случае с корыстным мотивом ст. 215.3 УК РФ вступает в конкуренцию с п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Она выражается в том, что совершение субъектом кражи действий, направленных на получение доступа к искомому предмету хищения, в силу специфического способа неизбежно приводит к повреждению трубопровода. Нами было изучено более 50 вступивших в силу обвинительных приговоров судов о преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Во всех случаях осужденные путем механической врезки в тело трубы осуществляли незаконное подключение, после чего тайно, на протяжении длительного времени осуществляли хищение. Это подтверждает наше утверждение, что незаконное подключение всегда сопряжено с повреждением трубопровода и в случае корыстного мотива указанных действий они попадают в совместное поле правового регулирования ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Верховный Суд РФ в данном случае, руководствуясь ч. 2 ст. 17 УК РФ, предписывает квалифицировать указанные действия по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и ст. 215.3 УК РФ¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». П. 20.

Мы не согласны с указанной позицией по следующим причинам. Безусловно, высокий уровень опасности данного деяния требует отнесения его к категории тяжких преступлений и установления значительной санкции. Однако, как нами было указано выше, потребность в ужесточении уголовной ответственности уже была учтена законодателем при отнесении данного деяния к особо квалифицированным составам. И установление двойной ответственности за одно деяние, регулируемое двумя нормами особенной части УК РФ, видится нам излишним, т.к. создает предпосылки для нарушения требований ч. 2 ст. 6 УК РФ и влечет наступление двойной ответственности за одно преступление [10].

В соответствии со ст. 69 УК РФ менее тяжкое преступление поглощается более тяжким, т.е. в нашем случае норма п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ является доминирующей.

Конкуренция норм является значительной проблемой российского права, и решать эту проблему, на наш взгляд, следует путем устранения самого факта конкуренции, а не путем уточнений порядка применения существующих норм. В рассматриваемом нами случае природа конкуренции норм заключается в излишне указанном корыстном мотиве в диспозиции ст. 215.3 УК РФ. Кража – это всегда корыстное преступление, и в случае хищения из газопровода, нефтепровода, нефтепродуктопровода, как нами было отмечено выше, механическое повреждение тела трубы является лишь способом достижения желаемого преступного результата. И только повреждение трубопровода, совершенное из хулиганских побуждений, не охватывается диспозицией нормы п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ и подлежит самостоятельной квалификации по ст. 215.3 УК РФ.

В ходе изучения судебной практики нами было установлено отсутствие единообразия в вопросе применения совокупности норм ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Так, ряд судов указанные действия, вопреки указанию Верховного Суда РФ, квалифицируют только по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Приговором Новолакского районного суда Республики Дагестан 14.05.2018 по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ осужден М. Судом установлено, что подсудимый, являясь владельцем здания магазина промышленных товаров, с целью его обогрева в зимний период осуществил самовольную врезку

в газопровод, проходящий вдоль здания магазина, после чего посредством резинового шланга подключил отопительную систему здания к газопроводу. В дальнейшем подсудимый на протяжении продолжительного времени осуществлял хищение природного газа из газопровода путем его потребления¹.

За аналогичные действия приговором Кизилюртовского городского суда Республики Дагестан 25.10.2017 по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ осужден А. Судом установлено, что подсудимый, являясь владельцем обувного магазина, осуществил самовольную врезку в газопровод, проходящий вдоль здания магазина, после чего посредством резинового шланга подключил отопительную систему здания магазина к газопроводу. В дальнейшем подсудимый на протяжении продолжительного времени осуществлял хищение природного газа из газопровода путем его потребления для целей обогрева помещений магазина².

Аналогичные приговоры вынесены 09.06.2011 Куйбышевским районным судом г. Самары в отношении Ш., Х.; 17.04.2017 Карабудахкентским районным судом Республики Дагестан в отношении И.³ и др.

Однако существует также и практика совокупного вменения ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Приговором Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан 22.12.2014 по совокупности составов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, осужден Г. Судом установлено, что подсудимый, являясь руководителем предприятия, осуществляющего разработку известкового карьера, при помощи рабочих, обладающих навыками производства сварочных работ, но не обладающих достаточными знаниями о технике безопасности проведения сварочных работ на газопроводах, осуществил незаконную врезку и подключение к телу участка магистрального газопровода, расположенного на расстоянии около 1,5 км от его карьера. После чего по указанию подсудимого указанные рабочие прокопали траншею от места незаконного подключения к карьере, по которой проложили трубу, после чего подсудимый на протяжении продолжительного времени осуществлял хищение природного газа из магистрального газопровода путем его потребления на производство гашеной извести⁴.

¹ Уголовное дело № 1-16/2018 // Архив Новолакского районного суда Республики Дагестан. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/bzzLgtz9CTIP/> (дата обращения: 22.04.2019).

² Уголовное дело № 1-98/2017 // Архив Кизилюртовского городского суда Республики Дагестан. URL: https://kiziljurt-gs-dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=103290817&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=103225968 (дата обращения: 22.04.2019).

³ Уголовное дело № 1-89/2017 // Архив Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MBd0zHt2hcmS/> (дата обращения: 21.04.2019).

⁴ Уголовное дело № 1-138/2014 // Архив Карабудахкентского районного суда Республики Дагестан. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/yFcuzfSbKi1N/> (дата обращения: 21.04.2019).

Орджоникидзевским районным судом г. Магнитогорска 21.09.2015 по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158, ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, осуждена В. Судом установлено что подсудимая, проживая в квартире, ранее отключенной от подачи природного газа в связи с задолженностью, самовольно удалила установленную сотрудниками газовой службы при отключении заглушку, после чего посредством резинового шланга осуществила подключение находившейся в квартире газовой плиты к газопроводу. В дальнейшем подсудимая на протяжении длительного времени осуществляла хищения газа путем его потребления для личных бытовых нужд¹.

Последний случай представляет определенный интерес, т.к. в судебном заседании подсудимая частично признала свою вину в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, однако отрицала обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, мотивируя это тем, что ее действия не привели к конструкции газопровода в негодное для эксплуатации состояние. Несмотря на доводы подсудимой, она была осуждена по всей совокупности обвинения. В качестве обоснования подобного решения суд учел, что подсудимой фактически была нарушена целостность газопровода. Газовая плита была подключена подсудимой к стальному газопроводу посредством резинового шланга, что при определенных условиях (механическом повреждении в результате износа) могло привести к утечке газа, его возгоранию и взрыву. Указанное подключение было выполнено кустарным способом лицом, не осведомленным о работе систем газоснабжения, что в совокупности могло нарушить нормальную работу систем газопровода, его бесперебойное функционирование и безопасность в процессе эксплуатации.

На примере приведенных судебных решений мы видим отсутствие единой судебной практики в вопросе необходимости совокупного вменения норм ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ даже в рамках одного суда (Карабудакентским районным судом Республики Дагестан в 2014 году

действия С. квалифицированы по совокупности ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а в 2017 году аналогичные действия К. были квалифицированы по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Мы полагаем, что подобные внутренние противоречия вызваны общей направленностью на рассмотрение уголовного дела в рамках предъявленного органами предварительного следствия обвинения. Следовательно, объективно волевое решение о квалификации деяния как единичного преступления либо как совокупности двух составов принимает именно следователь, а судом данное решение лишь узаконивается путем вынесения обвинительного приговора с соответствующей квалификацией.

В ходе анализа судебной практики мы пришли к выводу: все указанные преступления имеют схожую субъективную составляющую, выраженную в корыстном мотиве, и это вновь подтверждает высказанные нами ранее доводы, что повреждение трубопровода в данном случае является не целью, а способом. На наш взгляд, уместной является аналогия с иными имущественными преступлениями, где действия, формально содержащие признаки самостоятельного состава преступления, однако используемые лишь как способ достижения преступного результата, не требуют самостоятельной квалификации (использование поддельного документа при обмане, незаконное проникновение в жилище при краже и т.д.). Следуя данной логике, действия, связанные с повреждением трубопровода, направленные на получение доступа к протекающим по трубопроводу газу, нефти, нефтепродуктам, с целью их дальнейшего тайного хищения, следует квалифицировать по п. «б» ч.3 ст.158 УК РФ. Из диспозиции ст. 215.3 УК РФ, в свою очередь, следует исключить корыстный мотив, оставив только хулиганские побуждения. Также соответствующие изменения необходимо внести в постановление Пленума Верховного Суда РФ, исключив из него указание на необходимость совокупного вменения ст. 215.3 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст.158 УК РФ. Таким образом, на наш взгляд, может быть решена проблема конкуренции указанных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Желдакова А.А. Методика расследования краж газа из газопроводов. дис... канд юрид. наук: 12.00.09. Тула, 2009. 233 с.
2. Любавина М.А. Проблемы квалификации кражи газа // Вестник Академии генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 4 (6). С. 24-28.
3. Лунев Р.С. Уголовно-правовая ответственность за кражу в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации (на примере ресурсов нефти и природного газа) // Советник юриста. 2016. № 4. С.22-36.
4. Карамурзов М.З., Карамурзова И.Б. О некоторых проблемах квалификации хищения газа из газопровода // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 2 (18). С. 268-273.

¹ Уголовное дело № 1-528/2015 // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорск. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/sobaCHY9Y9gT/> (дата обращения: 23.04.2019).

5. Сирик М.С. Признаки объективной стороны кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода // Условия, императивы и альтернативы развития современного общества: экономика, управление, социология, право: сб. трудов конф. / ФГБУ «Российское энергетическое агентство». Краснодар, 2016. С.106-110.
6. Шнайдер А.В. К вопросу о краже, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода // Вестник молодого ученого Кузбасского института ФСИН России: сб. науч. тр. / Кузбасский институт ФСИН. Новокузнецк, 2017. С.109-110.
7. Ермакова О.В. Законодательная конструкция состава кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 1 (22). С.85-86.
8. Коваленко Т.С. Субъективная сторона преступлений с двумя формами вины, связанная с совершением деяний, обладающих разрушительными свойствами, на примере ст.ст. 167, 215.2, 215.3, 273 УК РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 3 (15). С.22-29.
9. Замолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами: монография. М.: Юрлитинформ. 2017. 192 с.
10. Гладких В.И., Казаков В.В., Шумов Р.Н. Противодействие преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере: монография. М.: Международный юридический институт. 2011. 188 с.
11. Чернышев Д.Б. Трубопровод: хранилище или средство доставки? // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: ст. трудов конф. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С.453-455.

REFERENCES

1. ZHeldakova A.A. Metodika rassledovaniya krazh gaza iz gazoprovodov. dis... kand yurid. nauk: 12.00.09. Tula, 2009. 233 s.
2. Lyubavina M.A. Problemy kvalifikatsii krazhi gaza // Vestnik Akademii general'noj prokuratury RF. 2008. № 4 (6). S. 24-28.
3. Lunev R.S. Uголовно-правовая ответственность за кражу в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации (на примере ресурсов нефти и природного газа) // Советник юриста. 2016. № 4. S.22-36.
4. Karamurzov M.Z., Karamurzova I.B. O nekotorykh problemakh kvalifikatsii hishcheniya gaza iz gazoprovoda // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta. 2016. № 2 (18). S. 268-273.
5. Sirik M.S. Priznaki ob"ektivnoy storony krazhi, sovershennoj iz nefteprovoda, nefteproduktoprovoda, gazoprovoda // Usloviya, imperativy i al'ternativy razvitiya sovremennogo obshchestva: ekonomika, upravlenie, sociologiya, pravo: sb. trudov konf. / FGBU «Rossijskoe energeticheskoe agentstvo». Krasnodar, 2016. S.106-110.
6. SHnajder A.V. K voprosu o krazhe, sovershennoj iz nefteprovoda, nefteproduktoprovoda, gazoprovoda // Vestnik molodogo uchenogo Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii: sb. nauch. tr. / Kuzbasskij institut FSIN. Novokuzneck, 2017. S.109-110.
7. Ermakova O.V. Zakonodatel'naya konstrukciya sostava krazhi iz nefteprovoda, nefteproduktoprovoda, gazoprovoda (p. «б» ch. 3 st. 158 UK RF) // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 1 (22). S.85-86.
8. Kovalenko T.S. Sub"ektivnaya storona prestuplenij s dvumya formami viny, svyazannaya s soversheniem deyanij, obladayushchih razrushitel'nymi svojstvami, na primere st.st. 167, 215.2, 215.3, 273 UK RF // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2016. № 3 (15). S.22-29.
9. Zamoldin R.V. Obespechenie special'nyh pravil i trebovanij bezopasnosti ugovno-pravovymi sredstvami: monografiya. M.: YUrlitinform. 2017. 192 s.
10. Gladkih V.I., Kazakov V.V., SHumov R.N. Protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym v zhilishchno-kommunal'noj sfere: monografiya. M.: Mezhdunarodnyj yuridicheskij institut. 2011. 188 s.
11. CHernyshev D.B. Truboprovod: hranilishche ili sredstvo dostavki? // Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del v kontekste sovremennyh nauchnyh issledovanij: st. trudov konf. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2018. S.453-455.

Об авторе: Чернышев Дмитрий Борисович, адъюнкт кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России

e-mail: sledstvient404@mail.ru

© Чернышев Д.Б., 2019.

Статья получена: 23.04.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

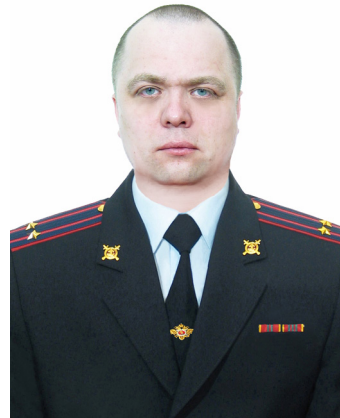
Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the author: Chernyshev Dmitry B., Postgraduate of the Department of Criminal Law of Ural Law Institute of MIA of Russia

e-mail: sledstvient404@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

А.В. Шахматов, И.Е. Скоков

О ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРАЖАМ, ГРАБЕЖАМ И РАЗБОЙНЫМ НАПАДЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

ON CHALLENGES OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE COUNTERACTION TO THEFTS, ROBBERY AND ROBBERY ATTACKS COMMITTED IN PUBLIC PLACES OF MAJOR CITIES

Введение: в статье исследуются вопросы оперативно-розыскного противодействия кражам, грабёжам и разбойным нападениям, совершаемым в общественных местах крупных городов. Приводятся статистические данные о подобных преступлениях, совершенных в общественных местах Санкт-Петербурга, за 2016-2018 годы.

Материалы и методы: основу исследования составляет диалектический метод, в качестве частных научных методов применялись сравнительно-правовой, формально-логический и статистический методы. Работа строится на анализе сведений о состоянии преступности в России в целом и Санкт-Петербурге в частности. Эмпирической основой исследования явились статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России) с 2016 по 2018 гг., материалы анкетирования сотрудников уголовного розыска Санкт-Петербурга.

Результаты исследования: в статье рассмотрены проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники подразделений уголовного розыска при организации оперативно-розыскного противодействия корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым в общественных местах крупных городов, и предложены некоторые варианты их решения.

Обсуждение и заключения: представлено авторское видение дальнейшего развития туристической полиции с целью организации оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым в общественных местах крупных городов.

Ключевые слова: оперативно-розыскное противодействие, карманная кража, грабёж, разбойное нападение, общественное место, туристическая полиция, оперативно-розыскные мероприятия, преступление

Для цитирования: Шахматов А.В., Скоков И.Ф. О проблемах организации оперативно-розыскного противодействия кражам, грабёжам и разбойным нападениям, совершаемым в общественных местах крупных городов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 2. С. 239-244. DOI: 10.24420/KUI.2019.74.57.019

Introduction: the article researches issues of investigative counteraction to thefts and robberies committed in public places of large cities. Statistical data on crimes committed in public places in 2016 - 2018 on the territory of St. Petersburg is presented.

Materials and Methods: the research is based on a dialectical, formal-logical and statistical approaches. The research lays on the analysis of the data of crime in Russia in general and in St. Petersburg in particular. Methodolog-

ical tools of the research are statistical data of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia from 2016 to 2018 and materials of survey of employees of criminal investigation in St. Petersburg.

Results: the article deals with the challenges arising from the divisions of criminal investigation when organizing the investigative counteraction to mercenary-violent crimes committed in public places of large cities.

Discussion and Conclusion: one of the directions for the further development of the “tourist police” is proposed with the aim of organizing an operational search for crimes committed in public places in large cities.

Key words: *investigative opposition, pickpocketing, robbery, assault, public place, tourist police, investigative measures, crime*

For citation: SHakhmatov A.V., Skokov I.E. On challenges of operational-investigative counteraction to thefts, robbery and robbery attacks committed in public places of major cities // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. V. 10, N 2. P. 239-244. DOI: 10.24420/KUI.2019.74.57.019

Введение

Преступления, совершаемые в общественных местах (улицы, площади, парки, скверы крупных городов), обладают определенной спецификой и представляют повышенную общественную опасность не только своими масштабами и последствиями, но и тем, что формируют у граждан чувство страха, тревоги, опасения стать жертвой преступления. Известно, что отдельные преступники «специализируются» на совершении преступлений в отношении иностранных граждан, прибывающих в нашу страну с туристическими, деловыми и иными целями. Данные факты, безусловно, негативно сказываются на имидже правоохранительных органов нашей страны и вызывают нежелательный резонанс за рубежом. Определенный опыт решения проблем безопасности в общественных местах имеется и у зарубежных правоохранительных органов [1, с. 134-135].

На расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что обеспечение безопасности в общественных местах является сегодня одной из значимых задач: «Нужно оперативно реагировать на любые нарушения порядка на улицах, транспорте, на спортивных, зрелищных мероприятиях»¹.

Обзор литературы

Проведенный в ходе подготовки к написанию статьи анализ имеющейся научной литературы в данной области свидетельствует, что в открытой юридической литературе проблемы оперативно-розыскного противодействия корыстно-насиленным преступлениям, совершаемым в общественных местах крупных городов, в настоящее время недостаточно разработаны.

Некоторые авторы в своих научных работах касаются темы организации мер предупреждения грабежей и разбойных нападений [2, с. 178]. Ряд работ посвящен особенностям оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования краж [3, с. 119; 4, с. 152]. Организация расследования и предупреждения таких преступлений затронуты и в диссертационных исследованиях [5, 6]. Анализ результатов проведенных исследований свидетельствует, что глубокой и всесторонней разработке подвергались в основном криминологические и уголовно-процессуальные аспекты, а также вопросы уголовно-правовой квалификации указанных деяний.

Результаты исследования

Несмотря на то, что в Российской Федерации в 2018 г., по сравнению с 2017 г., произошло снижение количества преступлений, совершенных в общественных местах, на 4,8 %, их число по-прежнему остается значительным. Так, за 12 месяцев 2018 года зарегистрировано более 700 тысяч подобных преступлений. Удельный вес таких преступлений составляет более 35 %². Из них большую часть составляют кражи, грабежи и разбойные нападения, совершенные в общественных местах (улицы, площади, парки, скверы). В прошедшем 2018 году в России было совершено почти 430 тысяч преступлений³.

Рассматриваемые преступления занимают значительное место среди общего количества преступлений, совершенных на территории города Санкт-Петербурга. Так, по итогам 2018 года количество преступлений, совершенных в общественных местах Санкт-Петербурга, составило 42 % от общего числа зарегистрированных преступлений, по данному показателю регион занял третье место

¹ Речь Президента на расширенной коллегии МВД России 2018 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 02.03.2019).

² Статистика МВД России. Состояние преступности РФ январь-декабрь 2017 г. // Сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987> (дата обращения: 1.03.2019). С. 40.

³ Статистика МВД России. Состояние преступности РФ январь-декабрь 2018 г. // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 1.03.2019). С. 42.

в России, на первом месте Москва (50,1 %), далее Воронежская область (43,5 %)¹.

Доля преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах Санкт-Петербурга, в 2018 году составила 25 % от общего числа зарегистрированных преступлений [1, с. 98]. Статистика свидетельствует о небольшом снижении данного показателя по сравнению с 2017 и 2016 годами (на 1,5 % и 2,6 % соответственно)².

В количественном выражении всего в общественных местах Санкт-Петербурга за 2018 год совершено более 22 тысяч преступлений. Значительную часть из них составляют преступления против собственности. Это кражи, грабежи и разбойные нападения. В 2018 году таких преступлений было зарегистрировано около 19 тысяч, или более 70% от всех рассматриваемых преступлений.

Опыт успешной работы сотрудников оперативных подразделений и следователей убедительно доказывает, что правильное и умелое использование приемов раскрытия и расследования преступлений, разработанных криминалистикой, а также возможностей других служб органов внутренних дел обеспечивает успешное противодействие совершаемым в общественных местах преступлениям [8, с. 27].

В рамках данной статьи авторы не ставили задачу представить исчерпывающую оперативно-розыскную характеристику рассматриваемых преступлений; при этом следует отметить, что в ранее опубликованных научных работах она представлена [4, с. 147; 9, с. 337].

Обсуждение и заключения

Считаем необходимым отметить, что, к сожалению, в настоящее время возможности оперативных подразделений органов внутренних дел не в полной мере используются для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в общественных местах в условиях крупного города.

Термин «оперативно-розыскное противодействие» понимается авторами как вмешательство в ситуативную сферу преступности в целом и отдельных преступлений в частности с целью устранения или блокирования криминогенных факторов [10, с. 48]. Осуществление оперативно-розыскного противодействия должно быть направлено на устранение криминального сопротивления с использованием сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Соответственно, перед оперативными подразделениями ОВД стоит задача по выявлению и изо-

бличению лиц, совершающих или совершивших данные преступления. Решению этой задачи препятствует ряд обстоятельств, среди которых можно выделить несколько основных:

- необходимость привлечения к решению задач значительного количества сил и средств ОВД;

- специфика раскрытия преступлений, совершаемых в общественных местах, связана с необходимостью изобличения преступников именно в момент совершения преступлений (в основном по делам, связанным с тайным хищением чужого имущества и необходимостью задержания преступников с поличным);

- непосредственно связанная с предыдущим обстоятельством необходимость выявления и закрепления доказательной базы, а именно обнаружение объекта преступного посягательства и проведение неотложных следственных действий, направленных на его изъятие, в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством;

- необходимость создания в структуре подразделений уголовного розыска специальных отделов и подготовки кадров, способных решать специфические задачи оперативно-розыскного противодействия преступлениям данного вида.

Количество краж, грабежей и разбойных нападений, совершенных в общественных местах Санкт-Петербурга в течение 2018 года, и ситуация с раскрытостью этих преступлений, а также результаты проведенного анкетирования позволяют утверждать, что количества сотрудников уголовного розыска, работающих по данной линии, явно недостаточно для такого мегаполиса, как Санкт-Петербург.

В ходе исследования нами были опрошены сотрудники оперативных подразделений, работающие в территориальных отделах, и оперативные сотрудники, работающие непосредственно по данной линии в УУР ГУМВД России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В качестве одной из проблем, выявленных при анкетировании, отмечено недостаточное обновление личного состава (отсутствие притока новых сотрудников, особенно имеющих профильное образование системы МВД). На наличие такой проблемы указали более 45 % опрошенных сотрудников. Стаж службы в 15-20 лет, с одной стороны, дает бесценный опыт, но, с другой стороны, затрудняет поиск злоумышленников, так как многих преступников задерживают не только повторно, но и в третий, а иногда и четвертый раз, и они могут знать сотрудников оперативных подразделений в лицо.

¹ Статистика МВД России. Состояние преступности РФ январь-декабрь 2018 г. // Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 1.03.2019). С. 43.

² Состояние преступности СПб. январь-декабрь 2018 года // Сайт прокуратуры Санкт-Петербурга. URL: <http://procppb.ru/statistic/data> (дата обращения: 1.03.2018). С. 94.

Полагаем, что из-за специфики деятельности оперативных подразделений, работающих в основном методом «личного сыска» более рационально переводить действующих сотрудников внутри подразделения на вышестоящие должности, то есть с младших оперуполномоченных уголовного розыска на должности оперуполномоченных уголовного розыска и т.д. По нашему убеждению, на обучение противодействию преступлениям корыстной направленности, совершаемым в общественных местах, осуществлению грамотного задержания и правильного оформления уголовно-процессуальных документов вновь прибывшего сотрудника необходимо затратить не менее полугода, и только после этого он сможет качественно выполнять служебные обязанности.

Безусловно, при комплектовании кадров также необходимо учитывать, что сотрудники, получившие высшее профессиональное, профильное образование, выпускаются офицерами с присвоением очередного специального звания «лейтенант полиции». Обратим внимание, что младшие оперуполномоченные – это сотрудники, имеющие сержантские звания. В конечном итоге получается нарушение субординации – когда младший по должности и специальному званию становится старшим группы и руководит офицером.

Также необходимо обозначить еще одну выявленную при проведении анкетирования проблему, связанную с младшими оперуполномоченными уголовного розыска. Данные сотрудники в соответствии с занимаемой должностью не имеют доступа к сведениям, имеющим степень секретности, хотя по роду своей деятельности должны работать с такими сведениями, т.е. иметь возможность обращаться к информационным системам и делам оперативных учетов. Данная проблема никак не отражена в действующих нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность младших оперуполномоченных уголовного розыска.

В качестве одного из вариантов решения проблемы мы предлагаем создание отдельного подразделения в структуре туристической полиции, способного обеспечивать оперативно-розыскное противодействие кражам, грабегам и разбойным нападениям, совершаемым в местах нахождения лиц, прибывающих в крупные города с туристическими целями. На встрече исполняющего обязанности губернатора Санкт-Петербурга А.Д. Беглова с Президентом РФ В.В. Путиным было отмечено, что в 2018 году Санкт-Петербург посетило 3,9 миллиона иностранных туристов, в 2019 году ожидается более четырех миллионов¹.

Согласно распоряжению министра внутренних дел Российской Федерации от 02.04.2018 № 1/3524, цель создания туристической полиции – это создание дополнительных профилактических условий, а также обеспечение комфортного и безопасного пребывания граждан на объектах туризма².

На наш взгляд, в туристической полиции с целью повышения эффективности ее работы по обеспечению безопасности туристов было бы целесообразно создание отдела, наделенного полномочиями для осуществления оперативно-розыскной деятельности. По нашему мнению, его сотрудникам можно предоставить право проводить оперативно-розыскные мероприятия не в полном объеме, а ограничиться проведением лишь опроса, наведения справок, наблюдения, отождествления личности. Иными словами, сотрудники данного отдела должны осуществлять поиск лиц, совершающих в общественных местах кражи грабежи и разбойные нападения, по приметам их внешности и характеру поведения в местах вероятного появления, а также контроль за местами возможного сбыта похищенного имущества.

Данные подразделения будут уполномочены собирать и анализировать информацию о времени, месте и способах совершения преступлений в общественных местах, проводить оперативно-розыскные мероприятия, формировать оперативно-справочные учеты на лиц, представляющих оперативных интерес, и использовать в своей деятельности возможности негласного аппарата.

Непосредственное обучение сотрудников подразделения по борьбе с уличными преступлениями против собственности довольно сложно, так как должно включать в себя не столько теоретическое обучение уголовному праву, уголовному процессу и оперативно-розыскной деятельности, сколько обучение на практике методам и приемам, способствующим выявлению лиц, причастных к совершению краж, грабежей и разбойных нападений, совершаемых в общественных местах, и иных лиц, представляющих оперативный интерес, а также взаимодействию с другими оперативными сотрудниками и нарядами наружных служб при выявлении и задержании преступников. Такую подготовку можно предусмотреть в рамках дополнительной программы первоначального или последующего обучения сотрудников ОВД или дополнительных образовательных программ переподготовки и повышения квалификации.

¹ Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60259> (дата обращения: 14.04.2019).

² Сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/12682997> (дата обращения: 1.03.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шахматов А.В., Скоков И.Е. Исторические и современные аспекты борьбы с карманными кражами в разных странах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 130-135.
2. Вдовиченко В.П. Специально-криминологические меры предупреждения грабежей и разбойных нападений, совершаемых в группе // Общество и право. Краснодар: Краснодарский университет МВД России. 2009. № 4 (26). С. 175-179.
3. Богданов А.В., Комахин Б.Н., Завьялов И.А., Хазов Е.Н. Особенности совершения карманных краж в городских условиях и их классификация // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 117-121.
4. Подшивалов А.П. Взаимосвязь оперативно-розыскной характеристики и оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования краж // Юридическая наука и правоохранительная практика. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. №1 (31). С. 146-153.
5. Желудков М.А. Развитие системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности: дис. ...д-ра.юрид. наук: 12.00.08. М., 2012.
6. Кокорева Л.В. Методика расследования карманных краж, совершенных в общественном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2010.
7. Богданов Л.П., Кочин А.А. Состояние преступности в СПб. Криминологический мониторинг и прогноз: научно-практическое пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018.
8. Ахмедов А.Г., Бозиев Т.О., Бухаров Н.Н. и др. ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" : научно-практический комментарий. СПб.: Вит-Принт, 2011. С. 27
9. Скоков И.Е. К вопросу выявления лиц, совершающих тайное хищение чужого имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившейся при потерпевшем, на территории г. Санкт-Петербурга оперативными подразделениями ОВД : сборник научных трудов по материалам Ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы юридической науки и практики» СПб., 2016. С. 334-337.
10. Завалина А.А., Шляхтин Е.П. Преодоление оперативно-розыскными подразделениями противодействия со стороны организованной преступности // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России : сборник статей региональной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016. С. 170-174.

REFERENCES

1. SHahmatov A.V., Skokov I.E. Istoricheskie i sovremennye aspekty bor'by s karmannymi krazhami v raznyh stranah// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 4 (76). S. 130-135.
2. Vdovichenko V.P. Special'no-kriminologicheskie mery preduprezhdeniya grabezhej i razbojnyh napadenij, sovershaemyh v gruppe // Obshchestvo i pravo. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii. 2009. № 4 (26). S. 175-179.
3. Bogdanov A.V., Komahin B.N., Zav'yalov I.A., Hazov E.N. Osobennosti soversheniya karmannyh krazh v gorodskih usloviyah i ih klassifikaciya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 5. S. 117-121.
4. Podshivalov A.P. Vzaimosvyaz' operativno-rozysknoj harakteristiki i operativno-rozysknogo obespecheniya predvaritel'nogo rassledovaniya krazh // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. Tyumen': Tyumenskij institut povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2015. №1 (31). S. 146-153.
5. ZHeludkov M.A. Razvitie sistemy kriminologicheskogo obespecheniya zashchity lichnosti i obshchestva ot korystnyh prestuplenij protiv sobstvennosti: dis. ...d-ra.yurid. nauk: 12.00.08. M., 2012.
6. Kokoreva L.V. Metodika rassledovaniya karmannyh krazh, sovershennyh v obshchestvennom transporte: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. M., 2010.
7. Bogdanov L.P., Kochin A.A. Sostoyanie prestupnosti v SPb. Kriminologicheskij monitoring i prognoz: nauchno-prakticheskoe posobie. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2018.
8. Ahmedov A.G., Boziev T.O., Buharov N.N. i dr. FZ "Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti" : nauchno-prakticheskij kommentarij. SPb.: Vit-Print, 2011. S. 27
9. Skokov I.E. K voprosu vyyavleniya lic, sovershayushchih tajnoe hishchenie chuzhogo imushchestva iz odezhdy, sumki ili drugoj ruchnoj kladi, nahodivshejsya pri poterpevshe, na territorii g. Sankt-Peterburga operativnymi podrazdeleniyami OVD : sbornik nauchnyh trudov po materialam Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy yuridicheskoy nauki i praktiki» SPb., 2016. S. 334-337.
10. Zavalina A.A., SHlyahhtin E.P. Preodolenie operativno-rozysknymi podrazdeleniyami protivodejstviya so storony organizovannoj prestupnosti // Aktual'nye voprosy organizacii i pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti operativnyh podrazdelenij MVD Rossii : sbornik statej regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2016. S. 170-174.

Об авторх: Шахматов Александр Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
e-mail: a-shahmatov@yandex.ru

Скоков Игорь Евгеньевич, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

e-mail: iga-spb74@mail.ru

© Шахматов А.В., 2019.

© Скоков И.Е., 2019.

Статья получена: 25.03.2019. Статья принята к публикации: 04.06.2019.

Статья опубликована онлайн: 20.06.2019.

About the authors: Shahmatov Alexandr V., Doctor of Law, Professor, Department of Investigative Activities of the Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

e-mail: a-shahmatov@yandex.ru

Skokov Igor' E., Senior Lecturer in Operational and Investigative Activities of Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation

e-mail: iga-spb74@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов

Шахматов Александр Владимирович – постановка цели и задач исследования; научная редакция текста; определение объекта и методов исследования; формулирование основной концепции исследования. Формулировка теоретических выводов и разработка рекомендаций по совершенствованию организации оперативно-розыскного противодействия кражам, грабежам и разбойным нападениям, совершаемым в общественных местах крупных городов.

Скоков Игорь Евгеньевич – анализ научной литературы по теме исследования; формулировка теоретических выводов и разработка рекомендаций по совершенствованию организации оперативно-розыскного противодействия кражам, грабежам и разбойным нападениям, совершаемым в общественных местах крупных городов; разработка методики и проведение анкетирования сотрудников уголовного розыска.

Доктору педагогических наук Фоату Канафиевичу Зиннурову – 60 лет

В текущем году юридическая и педагогическая общественность отмечает знаменательную дату 60-летний юбилей доктора педагогических наук, доцента, заслуженного сотрудника органов внутренних дел РФ и РТ, генерал-майора полиции Ф.К. Зиннурова.

Фоат Канафиевич Зиннуров родился 10 мая 1959 года в деревне Ямашурма Высокогорского района ТАССР. После окончания школы и службы в пограничных войсках КГБ СССР поступил в Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина.

С 1984 по 2008 годы служил в Министерстве внутренних дел Республики Татарстан, пройдя славный путь служебный путь: начальник политической части Автозаводского РОВД г. Набережные Челны (1989-1993), заместитель начальника УВД г. Набережные Челны (1993-1999), начальник Управления кадров МВД РТ (1999-2004), заместитель министра внутренних дел РТ (2004-2008). Указом Президента РФ в 2008 году назначен на должность начальника Казанского юридического института МВД России, который и возглавляет в настоящее время.

Под руководством Ф.К. Зиннурова КЮИ МВД России стал кузницей кадров для правоохранительных органов республик и областей Поволжья, заслужив признание и звание одного из лучших вузов в ведомственной системе подготовки специалистов для правоохранительных органов.

Многие издания, подготовленные авторскими коллективами института при непосредственном участии и под руководством Ф.К. Зиннурова, получили гриф МВД России, изданы централизованным тиражом и активно используются в учебном процессе в ведомственных вузах при подготовке специалистов юридического профиля. Среди них «Противодействие органов внутренних дел экстремизму и терроризму» (2017), «Криминология. Особенная часть» (2016), «Дознание в органах внутренних дел» (2013), «Досудебное соглашение о сотрудничестве. Проблемы совершенствования» (2014), «Уголовно-процессуальное право в структурно-логических схемах» (2013) и другие.

По инициативе Ф.К. Зиннурова в 2010 году в институте было организовано издание научно-практического журнала «Вестник Казанского юридического института МВД России», включенного в Перечень ВАК, а в 2016 году – первого в ведомственных образовательных организациях электронного научно-практического журнала «Ученые записки Казанского юридического института МВД России», на страницах которых ученые и практики имеют возможность обмениваться мнениями, излагать свои позиции, освещать актуальные проблемы теории и практики правоохранительной деятельности.

В 2005 году, еще будучи заместителем министра внутренних дел Республики Татарстан, Ф.К. Зиннуров успешно защитил диссертацию «Специфика межличностных отношений в группе с повышенной опасностью функционирования» в Институте педагогики и психологии профессионального образования Российской академии образования и получил диплом кандидата психологических наук по специальности 19.00.05 – социальная психология. Возглавив Казанский юридический институт МВД России и защитив в 2012 году диссертацию на соискание ученой степени доктора наук, Ф.К. Зиннуров личным примером вдохновил коллектив вуза на личностный рост и саморазвитие. Диссертация «Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в условиях социокультурной среды» по специальности 13.00.05 – теория, методика и организация социально-культурной деятельности была успешно защищена им в Казанском государственном университете культуры и искусств.

Ф.К. Зиннуров одним из первых выдвинул тезис, что новая социокультурная среда XXI века требует новых педагогических систем, технологий, средств организации социокультурной деятельности, в том числе профилактической. Это положение он разрабатывал в своих трудах, послуживших основой для развития этой мысли его учениками и последователями.

К наиболее значимым научным работам ученого следует отнести монографии «Педагогическая система профилактики девиантного поведения подростков в условиях социокультурной деятельности» (2011), «Технология профилактики и коррекции девиантного поведения в условиях организации социокультурной деятельности» (2012), «Профилактика и коррекция девиантного поведения детей и подростков в новых социально-культурных условиях XXI века» (2012), «Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в условиях социокультурной среды» (2013), в которых получили развитие принципы социокультурной деятельности в условиях специальной школы, разработана технология профилактики девиантного поведения подростков и этапы ее реализации.

С 2011 года Ф.К. Зиннуров осуществляет научное руководство научно-исследовательской лабораторией профилактики девиантного поведения, созданной на базе Республиканской специальной школы для детей и подростков девиантного типа им. Галлямова.

Кроме проблем педагогической системы профилактики девиантного поведения его интересуют вопросы межличностных отношений и конфликтов, коммуникации, а также актуальные уголовно-процессуальные вопросы.

Научные и учебные издания Ф.К. Зиннурова неоднократно были отмечены на всероссийских конкурсах вузовских изданий, организуемых Фондом развития отечественного образования (2013, 2014, 2016), «Университетская книга-2017» и др.

Фоат Канафиевич имеет более 130 публикаций, в том числе 8 монографий, 10 учебных пособий, 37 научных статей в журналах, включенных в Перечень ВАК. Ученый публиковался в Армении, Болгарии, Чехии.

Зиннуров Ф.К. отмечен государственными и ведомственными наградами, среди которых орден Почета, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медаль Жукова, медаль «За доблестный труд» и многие другие.

26 апреля 2019 года в Казанском юридическом институте МВД России состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Девиации несовершеннолетних в условиях постмодернистского общества», приуроченная к 60-летию юбилею доктора педагогических наук генерал-майора полиции Фоата Канафиевича Зиннурова.

В работе конференции приняли участие представители органов государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан, представители МВД по Республике Татарстан, профессорско-преподавательский состав института, представители образовательных организаций МВД России, а также ведущие ученые в области девиантологии из образовательных организаций Республики Татарстан и субъектов Российской Федерации.

В ходе работы конференции были обсуждены вопросы социально-экономического и историко-правового предупреждения девиации несовершеннолетних; рассмотрены актуальные проблемы исследования современной девиации несовершеннолетних; проанализированы педагогические и психологические проблемы предупреждения девиации несовершеннолетних и др.

С большой теплотой собравшиеся приняли известие об избрании доктора педагогических наук Фоата Зиннурова действительным членом-академиком Международной гуманитарной академии «Европа-Азия». Президент академии – академик, доктор исторических наук профессор Энгель Тагиров торжественно вручил юбиляру диплом и расшитую золотом ленту с надписью «Академик Международной гуманитарной академии».

Поздравляем уважаемого Фоата Канафиевича с юбилеем! Желаем ему крепкого здоровья, счастья, больших творческих успехов в научной и педагогической деятельности!

Поздравляем с 85-летием Якова Ильича Гишинского!

16 июня 2019 года свой юбилейный день рождения отмечает доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, декан юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, член Академии гуманитарных наук, Нью-Йоркской академии наук, международной социологической ассоциации, Европейского союза криминологов, Почетный член Российского общества социологов, руководитель международного Санкт-Петербургского центра девиантологии, постоянный автор и член редакционного совета «Вестника Казанского юридического института МВД России» **Яков Ильич Гишинский**.

Яков Ильич – коренной ленинградец-петербуржец. В 1957 году с отличием окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. Начал трудовую деятельность адвокатом, работал старшим научным сотрудником в Научно-исследовательском институте комплексных социальных исследований Ленинградского госуниверситета. Преподавал в вузах северной столицы, в том числе в учебных заведениях системы МВД СССР и России. Работал в Санкт-Петербургском социологическом институте РАН.

В 1967 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исполнение приговора как стадия советского уголовного процесса». В 1986 году защитил докторскую диссертацию по теме «Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики)». Работал заместителем директора по научной работе, заведующим сектором в Санкт-Петербургском социологическом институте РАН.

Я.И. Гишинский – основатель российской девиантологии, создатель научной школы, научный руководитель новаторских диссертационных работ на стыке социологии и права, автор многочисленных замечательных монографий и учебников, журнальных публикаций числом более 500 по самым актуальным проблемам криминологии, социологии девиантного поведения и социального контроля, уголовного, уголовно-исполнительного права, философии. Из них более 150 – на английском, французском, немецком, венгерском, норвежском, итальянском, японском и других языках.

По материалам монографий, учебников, лекций, публичных выступлений Я.И. Гишинского на научных мероприятиях мирового и российского уровней выросло несколько поколений российских юристов и социологов. Я.И. Гишинский поддержал девиантологические исследования, преступности, наркотизма и других форм социального неблагополучия в стенах Казанского юридического института МВД России. Научные работы профессора Я.И. Гишинского, опубликованные в том числе в «Вестнике Казанского юридического института МВД России», будоражат, не оставляют равнодушными. Его научное творчество привлекает к себе внимание нетрадиционными подходами, смелостью мысли, оригинальностью обобщений, заставляет задуматься о «новом мире» постмодерна, где разрыв в доходах между богатством и бедностью порождает многочисленные формы негативной девиантности и другие социальные проблемы российского общества.

Я.И. Гишинский – носитель подлинного сциентизма и, как и подобает социальному мыслителю, нередко выступает как критик быстро меняющейся реальности бытия, репрессивных механизмов в уголовно-правовой и социальной практике. При этом он ироничен и требователен не только к «миру вокруг», но и к «миру в себе».

Профессор Я.И. Гишинский – воплощение петербургской интеллигентности, фантастического трудолюбия и научной результативности, профессионализма и преданности любимому делу.

Уважаемый Яков Ильич!

Редакционная коллегия «Вестника Казанского юридического института МВД России» от своего имени и от лица всех читателей нашего журнала поздравляет Вас с 85-летием, благодарит за создание и развитие отечественной девиантологии, за сотрудничество, за плодотворную работу и желает Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих замыслов и свершений.

Редакционная коллегия

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю Журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию Журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200–250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим, они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5–10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

введение (Introduction);

обзор литературы (Literature Review);

материалы и методы (Materials and Methods);

результаты исследования (Results);

обсуждение и заключения (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключения. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить

полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2009. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках) : Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов (на русском и английском языках). В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в Журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала (e-mail: vestnikkui.ru)

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел.(843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)

Главный редактор Ф.К. Зиннуров
Заместитель главного редактора С.Н. Миронов
Корректоры О.Н. Хрусталева, Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова
Дизайн, верстка Е.А. Бикмуллина
Перевод Е.В. Зотина, Е.О. Смирнова
Редакционно-издательское отделение
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Подписано в печать 20.06.2019
Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 15.3 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 200 экз.